М. А. Круковскій

Южный Уралъ

Изданіе
К. И. Тихомирова

М. А. Круковскій.

Южный Уралъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

(съ 140 фотографіями автора).

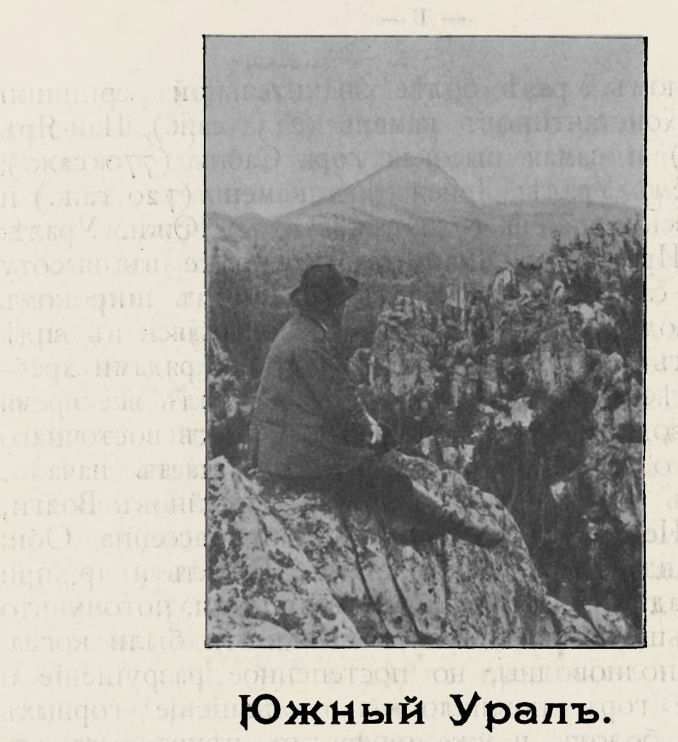

Изданіе К. И. ТИХОМИРОВА.

МОСКВА—1909.

МОСКВА.—1909.
Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. **Телефоны 18-35 и 53-95.**

Южный Уралъ.

Южный Уралъ.

Далеко на сѣверѣ, среди пустынныхъ водъ Ледовитаго океана находится скалистый островъ Новая Земля, вѣчно покрытый снѣгомъ. Скалы эти, направляясь къ югу, проходятъ подъ Карскимъ проливомъ, образуютъ островъ Вайгачъ, и, разступившись для Югорскаго пролива, появляются въ видѣ снѣжныхъ горъ на материкѣ, у береговъ Карскаго моря. Отсюда, перерѣзая окружающія тундры, онѣ идутъ непрерывной цѣпью къ югу и, пройдя по прямому направленію более 2200 верстъ, теряются въ далекой прикаспійской низменности. Это—Уралъ, естественная граница между Азіей и Европой.

Уральскія горы происхожденія очень древняго. На всемъ своемъ протяженіи онѣ не очень высоки. Время, вывѣтриваніе, разрушеніе значительно понизили ихъ, и по высотѣ онѣ не могутъ сравниться съ болѣе молодыми, съ альпійскими или кавказскими горами.

На Сѣверномъ Уралѣ болѣе значительной вершиной является Константиновъ камень (213 саж.), Пай-Яръ (650 саж.) и самая высокая гора Сабля (770 саж.); въ Среднемъ Уралѣ: Денежкинъ камень (720 саж.) и Конжаковскій камень (734 саж.); а на Южн. Уралѣ: Таганай, Иремель и Яманъ-тау, имѣющіе въ высоту 650—770 саж. Ширина Урала въ самомъ широкомъ мѣстѣ доходитъ до 220 верстъ. То подымаясь въ видѣ отдѣльныхъ горъ, то сливаясь цѣпями и рядами хребговъ, болѣе или менѣе высокихъ, Уралъ все время служитъ водораздѣльной линіей для рѣкъ восточнаго и западнаго склоновъ, которымъ онъ даетъ начало. На западъ отсюда текутъ рѣки бассейновъ Волги, Камы и Печоры, на востокъ—рѣки бассейна Оби: Сылва, Тавда, Тура, Исеть, Міясъ, Тоболъ и др.; при этомъ западный склонъ обильнѣе водами, потому что здѣсь больше выпадаетъ снѣга. Рѣки эти были когда-то болѣе полноводны, но постепенное разрушеніе и пониженіе горъ повліяло на уменьшеніе горныхъ ручьевъ и болотъ, и уже теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Урала можно найти высохшія русла когда-то бывшихъ широкихъ рѣкъ. Но зато—пониженіе горъ сдѣлало ихъ доступными человѣку, для котораго открылись здѣсь нѣдра земли, содержащія въ себѣ богатѣйшія мѣсторожденія драгоцѣнныхъ камней и такихъ металловъ, какъ золото, платина, желѣзо, мѣдь и другіе. Эти залежи еще мало разработаны, а во многихъ мѣстахъ почти нетронуты; сокровища Урала еще ждутъ человѣческаго знанія и труда. Склоны Урала поросли дикими, нетронутыми лѣсами, въ которыхъ водятся: медвѣдь, лось, дикій козелъ и другія животныя; въ болѣе близкихъ къ заводамъ мѣстахъ человѣкъ уже началъ рубить лѣса и много извелъ его хищнически, но зато на ровныхъ мѣстахъ и возвышенныхъ степяхъ развелъ хлѣбородныя пашни.

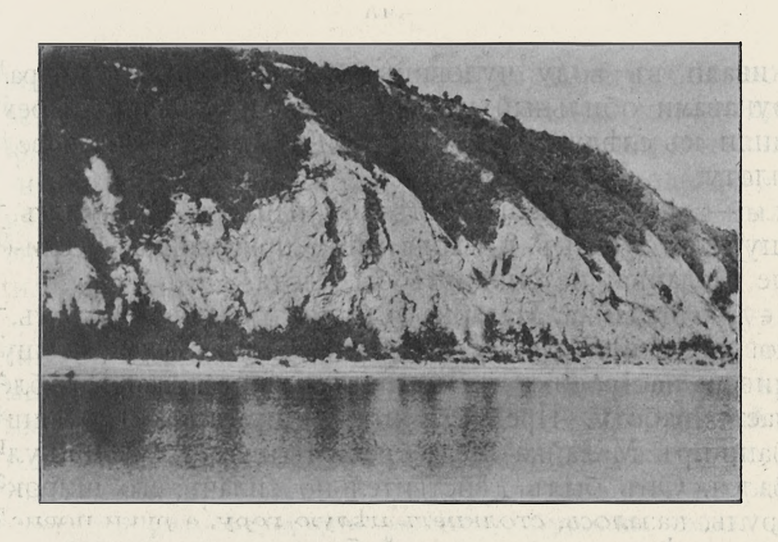
Насколько различны тѣ климатическіе поясы, которые пересѣкаютъ Уралъ на разстояніи 2000 съ лиш-

нимъ верстъ, настолько разнообразны и народы, населяющіе Уралъ. На самомъ сѣверѣ живутъ самоѣды и остяки, дальше вогулы, затѣмъ пермяки и вотяки, русскіе, татары, башкиры, мещеряки, мордва, нагайбаки, казаки, тептяри и киргизы. Въ разныхъ мѣстахъ поселились переселенцы изъ Россіи: туляки, тамбовцы, пензенцы и другіе, а также малороссы и нѣмцы. На Уралѣ—невѣроятная смѣсь племенъ и народовъ, мирно уживающихся другъ съ другомъ. Населеніе это занимается хлѣбопашествомъ, а также горнозаводскимъ промысломъ на многочисленныхъ заводахъ, и сплавомъ лѣса. Занятія уральцевъ крайне разнообразны, какъ и условія, въ которыхъ они живутъ.

Сообразно тѣмъ климатическимъ поясамъ, которые Уралъ проходитъ, онъ дѣлится на три части: на Сѣверный, Средній и Южный. Въ предѣлахъ тобольской и архангельской губерній онъ называется Сѣвернымъ (до 61° с. ш., 53° в. д.), въ предѣлахъ пермской губерніи—Среднимъ, а начиная высотами Юрмы и Таганая, въ предѣлахъ уфимской и оренбургской губерній—Южный Уралъ. Описанію послѣдняго и посвящена эта книга.

На Южномъ Уралѣ сплотились самыя значительныя вершины уральскаго хребта. Онѣ раскиданы здѣсь вѣерообразно, пересѣчены лишь долинами рѣкъ, иногда же идутъ параллельно. Съ вершины Большого Таганая видна вся распланировка, весь узелъ горъ. На сѣверѣ видна Юрма, на востокѣ Ильменскія высоты; на юго-западѣ тонутъ въ облакахъ синія верхушки хребта Каратау, а на югѣ длиннѣйшій хребетъ Уреньга, дающій начало рѣкамъ: Аю, Міясу и многимъ другимъ, и хребетъ Уралъ-тау, изъ котораго беретъ начало рѣка Уралъ. Далѣе къ югу горы обрываются и, переходя въ холмы, исчезаютъ въ ровной степи. На западѣ онѣ кончаются увалами, легко волнующими мѣстность, а на востокѣ незамѣтно переходятъ въ равнину. Изъ рѣкъ Южнаго Урала самыя значительныя: Бѣлая, пе-

рерѣзающая всю уфимскую и часть оренбургской губерніи, Уралъ, текущій въ Каспійское море, Уфа, Юрезань, Ай, Уй, Симъ, Дёма и Міясъ. Главные по своему значенію и промышленности города: Уфа, которую можно назвать столицей Южнаго Урала, Оренбургъ, Златоустъ и Троицкъ. По всему этому пространству въ долинахъ рѣкъ и озеръ раскиданы многочисленные заводы-поселенія, населеніе которыхъ иногда превышаетъ 20000 жителей; это почти городки. Въ сѣверной части Южнаго Урала проходитъ, пересѣкая горные кряжи и высоко взбираясь на склоны горъ, красивѣйшая въ Россіи желѣзная дорога—Самаро-Златоустовская, а на югѣ—дорога изъ Оренбурга въ Ташкентъ; по восточному же склону горъ проходятъ длиннѣйшіе караванные пути, соединяющіе степныя пространства съ желѣзными дорогами. Таковъ въ общихъ чертахъ Южный Уралъ, о которомъ я хочу сказать въ этой книгѣ болѣе подробно.

На р. Бѣлой.

По рѣкѣ Бѣлой.

На сплавѣ. Постройка и спускъ плотовъ. Отдыхъ бурлаковъ. Малайка. Ночныя картины. Отправка. Рѣка Бѣлая. Каменныя стѣны. Жизнь на плотахъ. Пещеры. Опасное мѣсто. Плоты на мели. Скалы на Бѣлой. Борьба стихій. Надвигающаяся скала. Борьба съ теченіемъ и побѣда. Затонувшая барка. Устья притоковъ. Табынскъ. Уфа.

На берегу рѣки Бѣлой, въ верхнемъ ея теченіи кипѣла отчаянная работа. Справа и слѣва высились почти отвѣсныя скалы, а въ пологомъ ущельи межъ нихъ копошилась кучка людей, трудившихся надъ спускомъ въ воду послѣднихъ плотовъ. Подъ напоромъ могучихъ грудей и рукъ громадныя строевыя бревна колыхались, точно какія-то чудовища, и лѣниво сползали къ рѣкѣ; а достигнувъ воды, онѣ съ оглушительнымъ шумомъ падали туда, разбрасывая вокругъ милліоны брызгъ. Надъ всѣмъ этимъ раздавался зычный голосъ приказчика, понукавшаго и ободрявшаго бурлаковъ.

— Дружнѣе, ребятушки! Сильнѣе! Еще разъ! А ну, еще наддай! А ну, еще на водку!...—выкрикивалъ голосъ, и спины бурлаковъ напрягались, а руки стал-

кивали въ воду чудовища-бревна. Бурлаки утирали рукавами обильный потъ съ лица и степенно переходили къ слѣдующему, уже ожидавшему своей очереди, плоту.

— А все Малайка сдѣлалъ, Пименъ Игнатьичъ,— шутилъ бурлакъ, проходя мимо приказчика;—если-бъ не Малайка, не спихнуть бы плота.

— Малайка, Малайка [1]) булно балсой молодецъ,— говорилъ приказчикъ, поддерживая въ бурлакахъ шутливое настроеніе, которое такъ помогаетъ и облегчаетъ работу. Предметъ этихъ шутокъ,—громадный башкиръ Малайка шелъ среди толпы и блаженно улыбался. Онъ былъ дѣйствительно силачъ; его широкая грудь, казалось, столкнетъ цѣлую гору, а руки повисли вдоль тѣла, словно каждой было по сто пудовъ.

— Малайка булно сильный,—говорилъ онъ, и широкое, скуластое лицо его добродушно улыбалось.— Малайка работалъ мала-маля; твой не работалъ,—гулялъ.

И снова раздается крикъ прикащика, пыхтятъ и кряхтятъ бурлаки, съ шумомъ подвигается чудовище.

— Поддай, Малайка!..

— Урра, Малайка-а!—кричатъ бурлаки.

За работой бурлакъ любитъ повторять одно какое-нибудь веселое словечко или фразу; Малайка не сходилъ съ языка, и надъ нимъ будутъ шутить до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не придумаетъ что-нибудь новое, болѣе веселое, къ чему можно будетъ придраться.

На самой рѣкѣ кипитъ другая работа; тамъ другая артель скручиваетъ плоты хворостяными крутями, связываетъ одинъ плотъ съ другимъ и устанавливаетъ козлы для гребей, т.-е. большихъ веселъ, которыми, какъ рулями, направляютъ или удерживаютъ плотъ.

Къ вечеру работа была кончена. Вдоль берега стояла флотилія плотовъ и сплотковъ, привязанная канатами къ деревьямъ, растущимъ на берегу, а бурлаки

---

[1]) Малайка—нарицательное имя башкиръ, значитъ—парень, малый.

принялись за ужинъ. Запылалъ на берегу большой костеръ, надъ которымъ повисъ громадный котелъ для варки каши; бурлаки разсѣлись вокругъ огня, и пошли у нихъ разсказы да шутки, даже пѣсня раздалась,— бурлаки веселились, потому что тяжелая работа была кончена, а хозяинъ исполнилъ свое обѣщаніе и угостилъ водкой.

Былъ часъ, когда въ башкирскихъ селеніяхъ муэдзинъ съ высокаго минарета громкимъ голосомъ вѣщаетъ о законченномъ днѣ и призываетъ правовѣрныхъ вознести молитву Великому Аллаху. Малайка отошелъ въ сторону, сѣлъ на траву, поджалъ подъ себя ноги и, протянувъ впередъ руки ладонями кверху, началъ творить вечернюю молитву; бурлаки смолкли, не желая осквернять шутками хотя и чужой, но святой молитвы, и нѣсколько минутъ на берегу у костра царило торжественное молчаніе; но вотъ Малайка всталъ и подошелъ къ костру. Снова посыпались шутки и остроты, и всякъ старался повеселиться надъ добродушнымъ и въ то же время такимъ славнымъ товарищемъ, какимъ былъ этотъ башкиръ.

— Малайка, ты что рано молился? — спрашивали его.—Мы молимся послѣ ужина, а ты раньше.

— Законъ*) велѣлъ... Малайка мала-маля богу молился.

У одного изъ бурлаковъ вскорѣ оказались въ рукахъ карты, а Малайка, даже позабывъ горячій чай, весь впился въ игру. Другіе окружили игроковъ тѣснымъ кольцомъ и созерцали.

Я сошелъ на плоты, чтобы издали посмотрѣть на наше становище. Было уже темно. Межъ двухъ громадныхъ скалъ, чернѣвшихъ своими вершинами на густо-синемъ звѣздномъ небѣ, ярко горѣлъ костеръ, бросая красивые блики на ближайшія деревья.

Слабые отблески огня слабо освѣщали склонъ, но

---

*) Писаніе, Коранъ.

до вершины добраться не могли и гасли на серединѣ горы, не одолѣвъ надвинувшейся темной массы ночи. На фонѣ костра рисовались черные силуэты бурлаковъ, тамъ словно сидѣли въ своемъ логовѣ разбойники; оттуда изрѣдко доносились отрывочные, грубые голоса игроковъ.

Рѣка тихо поплескивала, ударяясь о края плотовъ. На другомъ берегу неприступной стѣной стояли горы, на рѣкѣ было темно и зловѣще... По этой рѣкѣ на утро придется плыть далеко, нѣсколько сотъ верстъ.

Я возвратился къ огню. Тамъ происходила какая-то ссора, раздавались зычные голоса.

— Мой хорошо игралъ, твой—плутовалъ! Зачѣмъ булно плутовалъ!—кричалъ Малайка, красный, какъ ракъ; глаза его дико сверкали, дюжія руки готовы были вцѣпиться въ плута, въ пламени огня онъ казался страшнымъ. Но ихъ разняли другіе, наказавъ нечестнаго игрока нѣсколькими подзатыльниками; послѣ этого все успокоилось, и игра продолжалась попрежнему тихо и смирно.

Завернувшись въ овчину и расположившись вблизи костра, я долго созерцалъ это звѣздное уральское небо, такъ мало похожее на наше петербургское: здѣсь оно было чистое, глазъ утопалъ въ глубокой синевѣ,— тамъ оно всегда грязное, мутное; здѣсь горы упираются въ синеву, тамъ стоятъ каменныя тюрьмы, называемыя домами; здѣсь чистый, легкій воздухъ, въ которомъ такъ пріятно попахиваетъ дымкомъ, тамъ нечѣмъ дышать... Боже, какъ хороша эта дикая, нетронутая природа, какъ красива эта свободная группа грубыхъ бурлаковъ, какъ большія дѣти, увлеченныхъ игрой! Согрѣваемый костромъ, я уснулъ, и когда просыпался, то долго еще видѣлъ игравшихъ «большихъ дѣтей».

Проснулся я на зарѣ отъ страшнаго холода. Костеръ почти погасъ, бурлаки спали въ повалку, гдѣ кому пришлось. У меня озябъ бокъ, который не согрѣвался костромъ. Вскорѣ начали просыпаться и бурлаки; они

дѣлали послѣднія приготовленія, а кашеваръ опять что-то варилъ въ котлѣ. Съ этого дня обѣдать не полагалось: одинъ разъ бурлаки должны были поѣсть утромъ, а другой разъ поздно вечеромъ, когда остановятся плоты. Послѣ завтрака бурлаки собрались на берегъ.

— Всѣ на-лицо?—выкрикнулъ приказчикъ.

— Малая нѣтъ.

— Гдѣ Малай? Г-эй, Малайка! Ужъ не сбѣжалъ ли?

Но Малай не сбѣжалъ. Онъ вскорѣ откликнулся и всѣ увидѣли, что онъ тащитъ на своихъ могучихъ рукахъ громаднѣйшую каменную плиту.

— Молодецъ, Малай! Ур-р-а!—крикнули бурлаки и, подхвативъ плиту, дружно втащили ее на одинъ изъ плотовъ. На этой плитѣ на плоту можно было развести огонь, а слѣдовательно варить чай.

— Ну, въ часъ добрый! — крикнулъ приказчикъ, снялъ шапку и перекрестился; бурлаки послѣдовали его примѣру. Отчаливай, ребята, съ Богомъ!

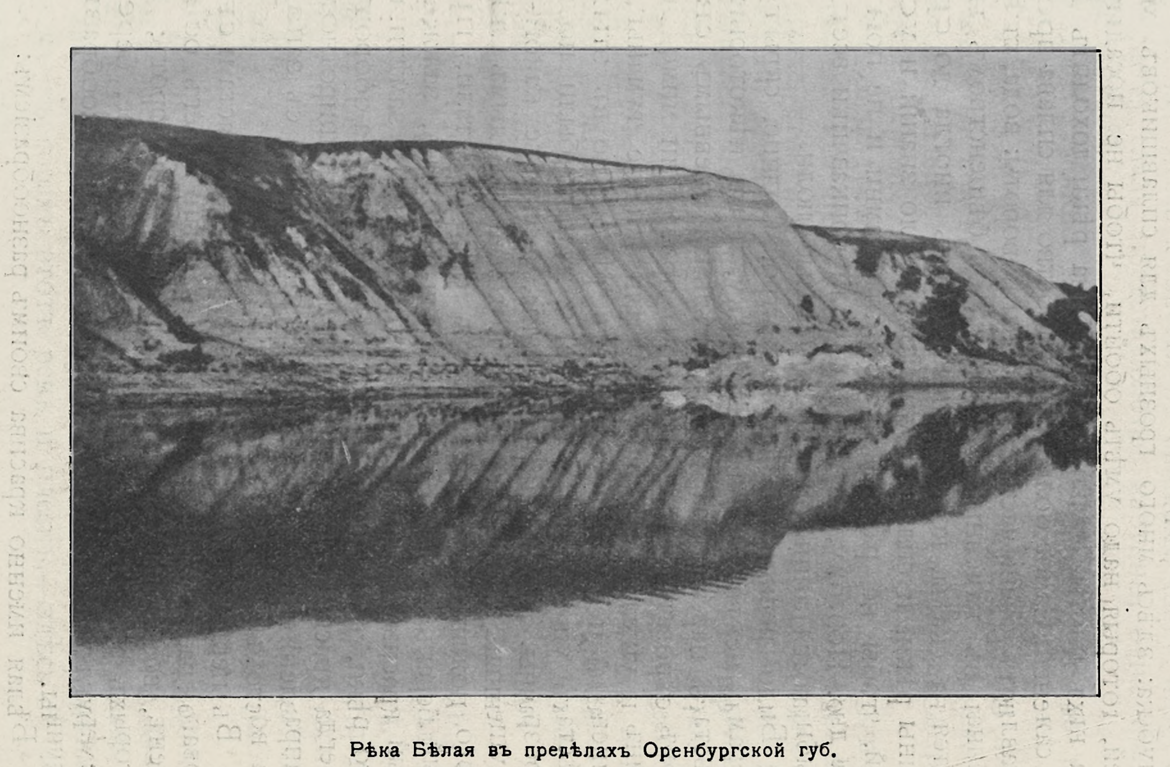
Веревки отвязаны; багры упираются въ берегъ, плоты начинаютъ колыхаться и понемногу отдѣляются отъ берега: промежутокъ становится все шире и шире. Подъ плотами уже бурлитъ вода.

— Держи влѣво!—кричитъ приказчикъ.

Исполинское весло-бревно на переднемъ плоту грузно опускается въ воду; на другихъ сплоткахъ бурлаки дѣлаютъ то же, видны ихъ навалившіяся на весла фигуры; усиленно работаютъ шесты; вода подхватываетъ и выноситъ флотилію на средину рѣки. Плоты отправились въ далекій и опасный путь.

Рѣка Бѣлая беретъ начало на болотистыхъ склонахъ Иремеля, находящагося въ узлѣ высочайшихъ уральскихъ вершинъ. Сначала она течетъ небольшой горной рѣчкой, но затѣмъ принимаетъ нѣсколько притоковъ и расширяется; она прокладываетъ себѣ путь по долинамъ, которыми отдѣлены горы другъ отъ друга и, омывая подножіе горъ, поворачиваетъ то вправо, то

влѣво и все время колеситъ. Что ни верста, то изгибъ. Пройдя такъ болѣе двухсотъ верстъ къ юго-западу, она вдругъ встрѣчаетъ непреодолимую преграду въ видѣ сплошныхъ возвышенностей, и у Бугульчана круто поворачиваетъ къ сѣверу, т.-е. въ сторону, противоположную прежнему своему теченію. Спустя еще сотни три верстъ, она уклоняетея немного къ западу, и въ такомъ направленіи течетъ вплоть до Камы, въ которую и впадаетъ, пройдя пространство около тысячи верстъ. Бѣлая—самая большая рѣка на Уралѣ и, можно сказать — самая красивая въ Россіи. Красоту ея составляютъ тѣ высокія, иногда до ста саженъ вверхъ горы, межъ которыхъ она течетъ, словно въ глубокомъ, затѣненномъ рву; но это не сплошная, скучная смѣна горъ; здѣсь есть и ущелья, и долины, а чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ больше открытыхъ, степныхъ мѣстъ. Въ верхнемъ теченіи, самомъ красивомъ по своей дикости, на Бѣлой устроено нѣсколько плотинъ: здѣсь есть много заводовъ, которые пользуются ею, какъ даровой силой; но, принявъ въ себя нѣсколько быстрыхъ горныхъ рѣчекъ: Узянъ, Кагу, Калу и Бетерякъ,— Бѣлая замѣтно расширяется, и около Бугульгана уже имѣетъ около 50 саженъ въ ширину. Съ этого мѣста она считается сплавной: отсюда въ громадномъ количествѣ сплавляется строевой и дровяной лѣсъ въ отдаленныя, болѣе безлѣсныя, степныя мѣста, въ Уфу, и далѣе. Желѣзныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ, и Бѣлая является естественнымъ воднымъ путемъ для сообщенія. Въ среднемъ ея теченіи стоитъ большое село-городокъ Табынскъ; въ этомъ мѣстѣ ширина Бѣлой доходитъ до 70 саженъ, она считается уже судоходной; отсюда сплавляютъ внизъ по рѣкѣ не только лѣсъ: отсюда идутъ тяжелыя барки, нагруженныя хлѣбомъ и издѣліями заводовъ, расположенныхъ въ этихъ мѣстахъ. Принявъ дальше съ правой стороны большой притокъ Симъ, Бѣлая становится уже широкой рѣкой: отъ Уфы по ней идутъ пароходы; а ближе къ Камѣ она раз-

Рѣка Бѣлая въ предѣлахъ Оренбургской губ.

ливается на полверсты. Въ верхнемъ теченіи Бѣлая не глубока: здѣсь много грозныхъ для сплавщиковъ мелей, которыя надо умѣть обойти, чтобы не посадить на нихъ плоты, дальше же глубина рѣки доходитъ до 3 саженей. Самое большое неудобство для сплава представляютъ очень частые изгибы и повороты: вода, стѣсненная въ каменныхъ берегахъ, съ бѣшенствомъ несется на скалы, которыя выступаютъ иногда до средины рѣки, и сплавщику надо не мало знаній и усилій, чтобы не разбиться объ эти камни и не пойти на дно. Поэтому, въ старосты или приказчики всегда выбираются лишь опытные, бывалые люди.

Было роскошное, свѣжее утро. Солнце, скрытое горами, не вездѣ освѣщало рѣку, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ царствовала едва разсѣянная дневнымъ свѣтомъ сѣроватая тѣнь; когда мы проѣзжали мимо долинъ и ущелій, оттуда выползали жидкіе туманы и синеватой пеленой висѣли надъ рѣкой; но въ этихъ мѣстахъ уже свѣтило солнце и туманы были полупрозрачны. Это были не туманы, а скорѣе какой-то сгущенный, синій воздухъ, похожій на дымъ лѣсного пожара; вода принимаетъ окраску стали, правый берегъ весь въ тѣни, а лѣвый горитъ, зажженный красными лучами утренняго солнца. Я замѣтилъ, что рѣки, текущія съ сѣвера на югъ или на-оборотъ, всегда красивѣе тѣхъ, которыя текутъ въ широтномъ направленіи, т.-е. съ востока на западъ, или съ запада на востокъ.

Въ первыхъ рѣкахъ всегда больше контраста и свѣтоваго разнообразія: утромъ западный берегъ освѣщенъ, восточный въ тѣни, къ вечеру—наоборотъ; на вторыхъ рѣкахъ освѣщеніе всегда продольное, берега не круглятся отъ игры свѣта и тѣни, и однообразно скучны.

Бѣлая именно красива своимъ разнообразіемъ: благодаря своимъ частымъ извилинамъ и поворотамъ, она становится къ солнцу то въ боковое, то въ про-

дольное освѣщеніе, здѣсь всегда играютъ свѣтъ и тѣни, все здѣсь мѣняется на каждомъ шагу, и восхищенному глазу представляются картины, одна красивѣе другой.

Долго можно ѣхать по этой рѣкѣ и она не наскучитъ.

Приказчикъ стоитъ на одномъ изъ переднихъ плотовъ. Онъ знаетъ здѣсь каждый предательскій камень, каждое сильное теченіе, и зачастую зорко посматриваетъ впередъ.

Иногда громко раздастся надъ рѣкой его зычная команда, которую слышатъ на заднихъ плотахъ. На веслахъ стоятъ бурлаки, лѣниво ударяя ими время отъ времени по водѣ, а другая смѣна сидитъ тутъ же на плотахъ. Поверхъ плотовъ положены поперечныя бревна, по которымъ и ходятъ, вѣрнѣе прыгаютъ, чтобы не замочить ногъ. Пока одни стоятъ у веселъ, или шестятъ, другіе отдыхаютъ. Кто моетъ въ водѣ свою рубашку, самъ раздѣвшись до пояса, кто шьетъ, а кто просто сидитъ и покуриваетъ трубку. Малай съ корявымъ мужиченкомъ снова сцѣпились играть въ карты.

— Игралъ — не плутовалъ, — строго говорилъ Малай, — мой будетъ тебя мала-маля купалъ въ Акъ-Исылъ*).

Быстро, но увѣренно-спокойно несутся плоты, дѣлая по быстрой водѣ болѣе пяти верстъ въ часъ; подъ плотами бурлитъ вода. Гдѣ скалы слишкомъ стѣснили рѣку, тамъ она съ неудержимой силой рвется впередъ и, съ силой ударяется о тѣснящій ее камень. Плоты тутъ несутся съ невѣроятной быстротой.

Но вотъ, скалы разступились, открылась долина; рѣка расширилась и какъ будто успокоилась. А дальше скалы опять набѣжали къ рѣкѣ, и опять битва и стоны. Реветъ вода, стонутъ камни, отражая громкимъ эхомъ въ горахъ этотъ ревъ и плескъ, — здѣсь вѣчная

*) Акъ-Исылъ — башкирское названіе р. Бѣлой.

ссора и война двухъ стихій. Здѣсь вода вѣчно борется съ камнемъ, понемногу, по песчинкѣ размываетъ камень и расширяетъ себѣ путь. Но скалы кажутся непобѣдимыми. Онѣ тяжело сидятъ всей своей исполинской массой и грозно поднимаются кверху. Иногда скала тутъ же поднимается изъ воды и почти подъ отвѣсомъ идетъ вверхъ; иногда же внизу, у подножья горы видна небольшая отмель, по которой вьется тропинка. Необычайно красивы эти скалы. Дикія, вычурныя формы въ вывѣтрившихся породахъ смѣняются округлыми формами, иногда же верхушка горы точно срѣзана, и кажется, что тамъ на верху, на головокружительной высотѣ растилается ровная, возвышенная степь; но это только кажется, потому что, когда проѣзжаешь мимо долинъ и ущелій, то видны вдали громоздящіяся другъ надъ другомъ хребты, а еще дальше на горизонтѣ маячитъ на синемъ небѣ такая же синяя, едва замѣтная верхушка исполинской горы Яманъ-тау.

Скалы, тѣснящія Бѣлую, состоятъ главнымъ образомъ изъ гнейста, известняка и гипса. Съ плотовъ отлично видны поперечные пласты, наслоенія и продольныя морщины. Сверху скалы окрашены въ самыя неясныя краски; зеленоватая краска смѣняется розоватой, дальше идетъ почти бирюзовая, фіолетовая и свѣтло-коричневая. Иногда скалы поросли лѣсомъ, и тогда межъ густой зелени выступаютъ большія пятна— плѣшины, окрашенныя въ нѣжную краску: и все это смотрится въ холодной поверхности воды, которая волнуется и рябитъ это отраженіе.

Лѣсъ смѣняется часто кустарникомъ, который сбѣгаетъ къ рѣкѣ, чтобы посмотрѣться въ ея свѣжей чистой поверхности, словно, хочетъ полюбоваться на себя въ зеркало; онъ красиво закругляетъ жесткіе контуры горы, и издали кажется густымъ плюшевымъ ковромъ. Изрѣдка на свѣтлой поверхности горы покажется черное пятно: то зіяетъ входъ въ пещеру, иногда на не-

досягаемой для человѣка высотѣ; такихъ пещеръ на Бѣлой очень много.

— А вы, Пименъ Игнатьевичъ, бывали въ этихъ пещерахъ?—спросилъ я приказчика.

— Бывалъ въ разныхъ,—отвѣтилъ онъ,—самыя-то большія пещеры остались тамъ, въ верховьяхъ. Тамъ есть одна пещера отшельника Антонія; въ ней онъ жилъ, въ ней и померъ. Дикое мѣсто. Туда и до сихъ поръ ходятъ богомольцы, даже изъ дальнихъ мѣстъ, поклониться праху святого угодника пріѣзжаютъ. А вотъ, если побываете въ верховьяхъ Сима, тамъ увидите пещеры не такія. Тамъ настоящія пещеры... по нѣскольку верстъ подъ землей тянутся... Эй! Смѣняйся!—крикнулъ вдругъ онъ.

— А не пора ли намъ чайку попить,—предложилъ я.

— Нѣтъ, теперь не время.. Сейчасъ будетъ скверное мѣсто: камни пойдутъ. Проѣдемъ ихъ, тогда напьемся,—отвѣтилъ приказчикъ и началъ отдавать приказанія: кого переставилъ съ одного бока на другой, кого впередъ. Болѣе сильные стали впереди, чтобы справиться съ теченіемъ, а ужъ за первымъ плотомъ остальные пройдутъ.

На одномъ изъ поворотовъ гладкая поверхность рѣки вдругъ покрылась широкой рябью: тамъ была мель. Вода съ отчаяннымъ шумомъ клокотала, перекатывалась по каменистому дну, которое она едва прикрывала; тамъ на днѣ были булыжники и даже валуны. Для прохода плотовъ было узкое, тихое мѣсто между мелью и берегомъ, и надо было не только пройдти его, но главное попасть въ него, такъ какъ теченіе несло на камни. Надо умѣть выбрать моментъ, чтобы теченіе внесло плоты въ протоку; если моментъ упущенъ, плоты могутъ или наскочить на камни, или удариться о каменную стѣну берега, и тогда все пропало. Лица у бурлаковъ напряженныя, даже блѣдныя, каждый стоитъ насторожѣ, а приказчикъ хладнокров-

но отдаетъ приказанія. Вдругъ теченіе подхватило плоты и со стремительной силой понесло ихъ къ мели.— Греби влѣво!—раздается повелительный голосъ приказчика. Голосъ ударился въ каменную стѣну, откликнулся отъ нея гулкимъ эхомъ, которое смѣшалось въ шумѣ рѣки. Переднее весло врѣзается въ воду; теченіе сильно напираетъ на весло и готово кажется спихнуть съ плотовъ людей, изо всѣхъ силъ упирающихся въ весла; но плоты начинаютъ медленно отклоняться отъ середины рѣки къ протокѣ, а тутъ бѣшеное теченіе подхватило и понесло ихъ прямо, и не успѣли мы оглянуться, какъ уже очутились въ протокѣ и проходили ее. Сзади одинъ за другимъ плавно входили въ протоку остальные плоты и сплотки.

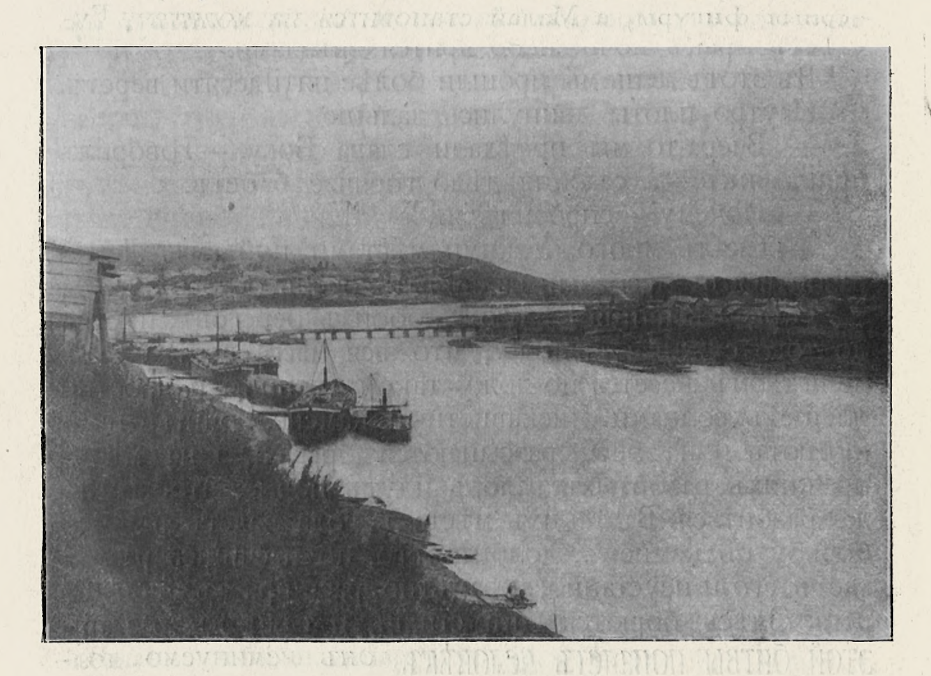
— Слава Богу, благополучно прошли это поганое мѣсто!—облегченно вздохнулъ приказчикъ, когда послѣдніе плоты миновали опасную протоку и снова понеслись по гладкой срединѣ рѣки.

— А развѣ не всегда бываетъ такъ удачно?—полюбопытствовалъ я.

— На этомъ мѣстѣ всегда что-нибудь да случится. Въ прошломъ году сплавлялъ лѣсъ одинъ купецъ, а приказчикъ у него былъ неопытный. Родственника своего поставилъ въ приказчики, чтобы подешевле было, а онъ, всѣ плоты на мель посадилъ. Конечно съ камней плотовъ не спихнешь, вотъ и давай они поджидать, когда подымется вода. Извѣстно, когда въ горахъ пройдетъ дождь, всѣ ручьи вздуются и нанесетъ въ Бѣлую столько воды, что плоты сами подымутся; а дождей-то все нѣтъ и нѣтъ.

Ждали три недѣли. Другіе сплавщики прошли по протокѣ мимо ихъ носа, а они все сидятъ. Исхарчились всѣ, измаялись, и едва—едва дождались дождя. Ну, извѣстно, подняло ихъ плоты, спихнулись они и поѣхали. Позарился купецъ, а вышло вѣдь куда дороже... А еще было такое дѣло, только не въ этомъ мѣстѣ. Наскочилъ передній плотъ на подводный ка-

мень, котораго и не видно-то было. Надо знать, гдѣ такіе камни находятся. Наскочилъ и сѣлъ. Передній край на сажень поднялся вверхъ, задній осѣлъ въ воду, а середка на камнѣ; а другіе-то плоты сзади наскочили на него, сгрудились и уперлись въ берега: нѣтъ ходу, и баста. И ничего нельзя было сдѣлать.

Бѣлая въ г. Уфѣ. Видъ на мостъ и на Старую Уфу.

Бились-бились, наконецъ лодумались: взяли и подрубили тѣ бревна которыя упирались на камень, а концы плота связали; плотъ выпрямился, выплылъ изъ подъ заднихъ то плотовъ, напиравшихъ на него, а задніе отвели отъ камня; такъ и прошли.

На заднемъ плоту Малай развелъ на своей плитѣ огонь; дрова были заготовлены. Вскорѣ мы сидѣли у этого очага и попивали горячій чай, который бываетъ такъ вкусенъ на лонѣ рѣки, во время ѣзды;

предъ нами мелькали понорамы одна красивѣе другой. А плоты все ѣдутъ и ѣдутъ.

Къ вечеру вся флотилія остановилась у подножія одной горы на ночлегъ. И опять въ ночной темнотѣ горитъ костеръ, окрашивая дикій камень, подымающійся вверхъ на сотню саженъ; около огня суетятся черныя фигуры, а Малай становится на молитву. Густѣетъ мракъ ночи, небо ярится звѣздами.

Въ этотъ день мы прошли болѣе пятидесяти верстъ.

Наутро плоты двинулись дальше.

— Вчера-то мы проѣхали слава Богу, — говорилъ приказчикъ,—а сегодня дѣло горячее будетъ.

— Почему?—спросилъ я.

— Скалъ много. Узкими мѣстами пойдемъ. Легко разбиться въ дребезги; надо быть очень осторожнымъ.

Горы, тѣснящія Бѣлую съ обоихъ береговъ, иногда до того суживаютъ рѣку, что вся масса воды съ бѣшенствомъ несется по ложу такой тѣснины и яростно плещетъ волнами о ненавистный камень. Волны отскакиваютъ и на лету разсыпаются брызги, а на мѣсто прежнихъ, разбитыхъ валовъ идутъ новые, чтобы также разбиться. Въ такихъ мѣстахъ вода ведетъ вѣчную борьбу съ камнемъ, долбитъ его, по песчинкѣ размываетъ его и неустанно, незамѣтно расширяетъ свои берега. Здѣсь борются двѣ стихіи, и если въ разгаръ этой битвы попадетъ человѣкъ, онъ неминуемо долженъ погибнуть. Развѣ можетъ слабое созданіе устоять передъ размахами разъяренныхъ стихій! Гдѣ рѣка течетъ въ такихъ тѣснинахъ межъ двухъ ровныхъ каменныхъ стѣнъ, тамъ опасность не такъ велика: тамъ можно проплыть серединой рѣки; но въ иныхъ мѣстахъ горы выдвигаютъ впередъ скалу, которая далеко выдается въ рѣку, преграждая ей путь; рѣка бѣшено нападаетъ на преграду, кругомъ стонъ и ревъ, и вотъ въ этомъ-то хаосѣ для человѣка неизбѣжная смерть. Объ эти уступы и скалы разбиваются громадныя барки, нагруженныя хлѣбомъ или металломъ, и, какъ иг-

рушки идутъ ко дну; здѣсь ломятся въ щепки крѣпкіе плоты, а сплавщики и бурлаки находятъ смерть. Такое-то мѣстечко и предстояло пройти. ...

Вскорѣ насъ обступили съ обѣихъ сторонъ высокія сѣрыя скалы. Чѣмъ тѣснѣе подступали онѣ, чѣмъ уже становилась рѣка, тѣмъ сильнѣе было теченіе; плоты неслись стрѣлой и уже не было возможности остановить ихъ. А впереди, на одномъ изъ поворотовъ дорогу рѣкѣ преградила громадная, высокая скала. Казалось, тутъ и конецъ рѣкѣ: она несется прямо на скалу. Но между скалой и противоположнымъ берегомъ есть небольшой промежутокъ, котораго издали и не видно; въ него-то вся масса воды и выливается, сначала ударившись о скалу. Самое сильное теченіе несется прямо на скалу, но около берега есть болѣе тихое, боковое теченіе: въ него-то и надо попасть, не поддавшись силѣ главнаго теченія, и для этого нужно страшное хладнокровіе и опытность. Плоты наши неслись, какъ птицы и, какъ казалось, прямо на чудовище-скалу. Но на веслахъ и шестахъ стоятъ всѣ бурлаки, а громкій голосъ приказчика такъ смѣло, увѣренно звучитъ! .

Лѣво-о!..—кричитъ онъ; весла врѣзаются въ воду, бороздятъ ее, а она кипитъ и пѣнится, и старается сломить упрямое весло. Большое бревно, изъ котораго сдѣлана гребь, начинаетъ гнуться. Если оно сломится, всѣ будемъ на днѣ; если эти бурлаки, изо всѣхъ силъ напирающіе на весла, не выдержатъ и уступятъ силѣ воды, она бросит ихъ на скалу. Чувство жуткости, даже страха испытывалъ я въ эти нѣсколько мгновеній, пока мы входили въ протокъ. Казалось, плоты стоятъ на мѣстѣ: чувство движенія исчезло; несомнѣнно, мы съ страшной быстротой неслись къ скалѣ, но на дѣлѣ казалось, что мы стоимъ на мѣстѣ, а на насъ надвигается громадная, страшная скала; она дѣлается все больше и больше и ужъ несется на насъ всей своей громадной массой, несется какъ поѣздъ, а мы

стоимъ на ея пути. Кто остановитъ бѣгъ этой массы? Никто. Она не остановится, она должна насъ раздавить... Дыханіе захватываетъ въ груди... Но все это только кажется. Гора стоитъ на мѣстѣ, а на самомъ дѣлѣ съ быстротой поѣзда несемся къ ней мы. Бываетъ такое же впечатлѣніе и на желѣзной дорогѣ, когда въ вагонѣ кажется, что не ѣде́шь, а стоишь на одномъ мѣстѣ, а навстрѣчу тебѣ въ окошкѣ летятъ телеграфные столбы и деревья.

— Малайка!.. Малайка!.. услышалъ я вдругъ сквозь ревъ и стонъ рѣки крики приказчика.

На одномъ изъ главныхъ веселъ трудились три бурлака и не могли одолѣть теченія; вода напирала на весло и всѣхъ трехъ хотѣла сбросить съ плотовъ; повидимому, они выбивались изъ послѣднихъ силъ: еще мгновеніе—и упадутъ; тогда приказчикъ призвалъ на помощь Малая. Могучій башкиръ навалился на весло всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, уперся грудью въ бревно, какъ будто въ землю, и началъ давить. Зашипѣла, закружилась вода у весла, тоже напрягая всѣ свои силы, но Малай крѣпко налегъ на бревно. Онъ вступилъ въ смертный бой со стихіей. Кто побѣдитъ: онъ или она? Жилы на рукахъ и на шеѣ у него вздулись, весь онъ побагровѣлъ, а между тѣмъ плотъ подъ напоромъ этого руля началъ отклоняться къ берегу, къ болѣе тихому боковому теченію, выносящему въ протокъ. Только бы вырваться изъ этого, самаго опаснаго мѣста, гдѣ сходятся два теченія. Но понемногу скала начинаетъ отдаляться; уже она не надвигается на насъ, а видно, что стоитъ на мѣстѣ, какъ стояла тамъ десятки тысячъ лѣтъ; за то лѣвый берегъ все ближе и ближе. Еще одинъ поворотъ весла, на этотъ разъ уже не такой трудный, и плотъ проскочилъ въ протокъ. Мы спасены. Грозная скала осталась сбоку, плоты опять несутся фарватеромъ, бурлаки облегченно вздыхаютъ, а могучій побѣдитель Малай улыбается своей добродушной, почти дѣтской улыбкой, какъ

будто ничего и не было, какъ будто онъ сдѣлалъ самое обыкновенное, пустяшное дѣло. Великіе побѣдители всегда скромны.

— Въ прошломъ году за Табынскомъ барка съ хлѣбомъ наскочила на такую скалу,—разсказывалъ Пименъ Игнатьичъ;—ударилась изо всей силы, да вишь— крѣпкая была: не затонула, а дала трещину. Люди уцѣлѣли, довели барку до берега, а хлѣбъ-то весь промокъ. Такъ весь грузъ и погибъ; зерно засолодѣло раньше, чѣмъ успѣли разгрузить. А другой разъ такое дѣло было: шла заводская барка съ листовымъ желѣзомъ; не сумѣли сдержать ее, стукнулась она о скалу и, какъ свинецъ пошла на дно, и со всѣми людьми. Страсть, сколько народу гибнетъ на этомъ сплаву. Вѣдь по этой рѣкѣ каждый годъ сплавляется больше милліона деревъ одного строевого лѣса, а дровъ— и не счесть. Не проходитъ года, чтобы здѣсь не утонуло пять-десять человѣкъ, а то и больше.

Въ слѣдующіе два дня мы проѣхали еще нѣсколько такихъ мѣстъ и, оставивъ влѣво уѣздный степной городъ Смерлитамакъ, пріѣхали на четвертый день въ Табынскъ. Это—громадное торговое село, расположенное на правомъ берегу Бѣлой, въ окрестности заводовъ. Отсюда Бѣлая уже не только сплавная, но и судоходная рѣка; отсюда идутъ внизъ, вплоть до Камы, и даже по Камѣ до Волги громадныя барки, нагруженныя хлѣбомъ, желѣзными издѣліями и колесными ободьями, которыя въ этихъ мѣстностяхъ выдѣлываются. На пристани толпится народъ и кипитъ жизнь. Здѣсь совершаются торговыя сдѣлки, нанимаютъ бурлаковъ, грузятъ барки. Здѣсь впервые послѣ долгаго путешествія мы сдѣлали дневной привалъ и угостили себя болѣе культурной городской пищей.

Отсюда Бѣлая значительно расширяется. Справа и слѣва она принимаетъ въ себя множество горныхъ рѣчекъ, притоковъ, устья которыхъ часто видны въ ущельяхъ горъ. Иногда такая рѣчка течетъ межъ двухъ

высокихъ скалъ, словно въ глубокомъ рву; тогда по длинѣ ея открывается узкій водяной проходъ въ горы и—такъ и хочется проплыть по ней въ то волшебное царство горъ, изъ котораго она вытекла. Наконецъ влился въ Бѣлую справа Симъ, рѣка, имѣющая въ длину болѣе двухсотъ верстъ; здѣсь мы сдѣлали послѣднюю остановку, а на другой день къ вечеру подъѣхали къ столицѣ южнаго Урала—красавицѣ Уфѣ.

Базаръ въ г. Уфѣ.

Губернскій городъ Уфа расположился на холмистомъ полуостровѣ, омываемомъ рѣкой Бѣлой. За городомъ впадаетъ въ Бѣлую рѣчка Уфимка. Въ глубокой древности здѣсь существовало небольшое поселеніе, не имѣвшее никакого значенія, но вначалѣ XV вѣка башкиры, составляющіе коренное населеніе этой части Урала, заключили союзъ съ московскими царями, чтобы

оградить себя отъ нападеній татарскихъ народовъ съ юга и юго-востока; они просили здѣсь устроить русскую резиденцію для сношенія съ русскими властями, жившими тогда въ Казани. Прибывшіе сюда русскіе стрѣльцы основали здѣсь въ 1574 г. крѣпость, которая долгое время служила оплотомъ отъ набѣговъ кочевниковъ, затѣмъ волжской вольницы, и наконецъ отъ самихъ башкиръ, нѣсколько разъ возстававшихъ противъ власти приглашенныхъ ими же русскихъ людей, которые начали заселять край. Крѣпость эта выдержала нѣсколько осадъ, но затѣмъ потеряла свое военное значеніе. Теперь это большой, торговый городъ съ пятидесятитысячнымъ населеніемъ, расположенный въ самомъ центрѣ края, на западномъ склонѣ Уральскаго хребта, межъ двухъ путей: воднаго, — рѣки Бѣлой и желѣзнодорожнаго—Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, проходящей по краю города. Положеніе межъ западнымъ склономъ Урала, богатымъ хлѣбомъ, и восточнымъ—горнозаводскимъ и лѣснымъ, дѣлаетъ Уфу торговой посредницей этихъ двухъ раіоновъ, а по Бѣлой чрезъ Уфу проходитъ съ дальняго юга несмѣтное количество лѣса, направляясь къ устью Бѣлой и по Камѣ вплоть до Казани.

Гора, на которой раскинулась Уфа, довольно высока (500 ф.), Центральная часть города находится на ровномъ мѣстѣ, отъ нея идутъ, спускаясь къ рѣкѣ, побочныя улицы. Въ городѣ масса зелени, которая придаетъ ему красивый, нарядный видъ. Около губернаторскихъ зданій раскинулся громаднѣйшій тѣнистый паркъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городъ кончается на берегу крутымъ обрывомъ; но на этомъ обрывѣ лѣпятся маленькія избушки татарской бѣдноты и рабочихъ. Когда стоишь на самомъ берегу обрыва и смотришь внизъ, эти избушки кажутся просто игрушечными коробками, и страннымъ кажется, почему онѣ не обрушатся внизъ, въ Бѣлую, какъ онѣ держатся? Съ птичьяго полета видны лишь крыши, виденъ весь планъ дво-

рика. А еще ниже, окаймляя берегъ Бѣлой, видны на берегу лодки въ видѣ орѣховыхъ скорлупокъ. Черезъ рѣку перекинутъ довольно низкій и узкій мостъ для сообщенія съ другимъ берегомъ; къ зимѣ мостъ разводится и тогда устанавливается зимнее сообщеніе по льду; а весной, пока вода высока, здѣсь переправляются чрезъ рѣку на баркѣ, которую буксируетъ пароходъ. Дальше дома опускаются по отлогому склону стройными рядами прямо къ рѣкѣ: то старая часть Уфы. Невдалекѣ здѣсь пароходныя пристани, около которыхъ стоятъ пароходы. Отсюда начинается пароходное сообщеніе вплоть до Казани. Пароходики небольшіе, но веселые и бойкіе, съ открытой верхней палубой, съ которой такъ хорошо любоваться разстилающимися красотами Бѣлой. Отсюда съ рѣки открывается общій видъ на Уфу.

Я пробылъ въ городѣ нѣсколько дней и исходилъ его по всѣмъ направленіямъ. Улицы безконечно длинны, а одна изъ нихъ, Центральная, проходя по верху горы, буквально перерѣзаетъ весь городъ; нѣкоторыя улицы названы по имени великихъ писателей: Пушкинская, Достоевская и другіе. Въ базарные дни широкая торговая площадь кишмя кишитъ пріѣзжимъ людомъ, здѣсь можно найти смѣсь всѣхъ племенъ, нарѣчій, и состояній. Русскіе, башкиры, татары, мещеряки, мордва—всѣ смѣшались въ одномъ волнующемся морѣ своихъ этнографическихъ костюмовъ и красокъ. И чего—чего не продаютъ здѣсь!

Въ одномъ мѣстѣ навалены просто на землѣ цѣлыя горы шерсти, въ другомъ ревутъ коровы, въ третьемъ кричатъ утки, гуси, куры; въ одной палаткѣ продается лукъ, головки котораго навязаны на соломенный скрутокъ; получается длиннѣйшая луковая коса, стоющая 15—20 копеекъ; въ другомъ мѣстѣ — гора зеленыхъ огурцовъ. Кругомъ шумъ, крикъ и движеніе.

— Ахъ, божинька мой!.. Ахъ, голубчики!.. Да что-жъ я теперь стану дѣлать!—вопилъ на весь базаръ зыч-

нымъ голосомъ высокій мужикъ съ жидкой рыжей бородой.

— Вотъ тутъ стояла лошадь и пропала... Украли, вѣдь! Отцы родные, помогите! Карраулъ!..—По его рябому лицу текли крупныя слезы, онъ растерянно бросался по сторонамъ, не зная, гдѣ искать свою лошадь

Татарская слободка въ г. Уфѣ, на берегу Бѣлой.

съ телѣгой; въ массѣ повозокъ всѣ лошади и телѣги казались одинаковыми.

Толпа заволновалась.

— Да гдѣ она стояла-то? Какого цвѣту она?

— Вотъ тутъ стояла, а теперь здѣсь пусто!—причиталъ мужикъ.—Вороная она у меня!..

Но скоро это происшествіе закончились очень комически. Мужикъ просто-на-просто ошибся, попавъ

не въ этотъ проѣздъ; его лошадь мирно стояла въ послѣднемъ ряду телѣгъ, гдѣ онъ ее и поставилъ съ самаго утра, и, не подозрѣвая треволненій своего хозяина, добродушно пожевывала овесъ въ компаніи нѣсколькихъ усердныхъ помощниковъ—голубей. Мужикъ подбѣжалъ къ своей лошади, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, не довѣряя своимъ глазамъ, и сконфуженно замолчалъ. Въ толпѣ поднялся несмолкаемый хохотъ.

Уфа—городъ интеллигентный, съ сильно развитою общественною жизнью; здѣсь много бывалаго, промышленнаго люда, видавшаго всякіе виды, много интеллигентовъ и развитыхъ рабочихъ; мусульманское населеніе въ нынѣшнее время сильно стремится къ общественной жизни; но просвѣтительныхъ учрежденій мало. По центральному положенію Уфы, ей слѣдовало бы быть университетскимъ городомъ.

Въ одномъ изъ казенныхъ зданій помѣщается «уфимскій музей», въ которомъ собраны матеріалы, главнымъ образомъ по археологіи и исторіи края; но въ этнографическомъ отношеніи музей, какъ и всѣ казенные губернскіе музеи, находящіеся въ рукахъ чиновниковъ, очень бѣденъ. Газетъ мало и тѣ недолговѣчны.

Уфа стоитъ въ самомъ сердцѣ Башкиріи. По западному склону хребта, переходящаго въ увалы, раскинулись плодороднѣйшія башкирскія степи, на востокъ, въ горахъ живутъ горные башкиры и лѣсные; я рѣшилъ побывать прежде всего у ближайшихъ степныхъ башкиръ.

Распростившись съ приказчикомъ, который любезно провезъ меня по Бѣлой на своихъ плотахъ, я подошелъ къ раскинувшейся на берегу группѣ своихъ спутниковъ—сплавщиковъ. Они ожидали новаго наемщика.

— Ну что, Малай? Заработалъ немного?—спросилъ я могучаго башкира.

— Мало-маля получалъ, десять рублей хозяинъ платилъ.

Только десять! Боже, какъ не великъ двухмѣсячный заработокъ сплавщика! Что онъ привезетъ домой, гдѣ покинулъ хозяйство! А сколько еще проживетъ, пока доберется до дому! Всѣ до-нельзя ободраны, каждому надо обзавестись костюмомъ и семьѣ подарокъ привести.

— Далеко твоя деревня?—спросилъ я его.

— Мой деревня? На Дема мой деревня. Мало-маля— сто верстъ мой деревня.

По рѣкѣ Демѣ расположилось много башкирскихъ и мещеряцкихъ деревень; башкиры тамъ болѣе зажиточны и лучше сохранились отъ татарской примѣси; ѣхать туда входило въ мои планы.

— Вотъ что, Малай,— предложилъ я башкиру,— хочешь ты «мало-маля» ѣхать со мной по башкирскимъ деревнямъ? До твоей деревни доѣдемъ. Поѣдешь, и кушать будешь на мой счетъ, а я тебѣ еще дамъ десять рублей за мѣсяцъ. . Согласенъ?

Конечно, Малай согласился на мое предложеніе и радовался, какъ маленькій ребенокъ, а я радъ былъ тому, что у меня будетъ помощникъ въ дорогѣ, хорошій спутникъ, знающій мѣстность, и главное, умѣющій сносно, понятно говорить по-русски. И въ тотъ же вечеръ я на ямскихъ лошадяхъ выѣхалъ съ Малаемъ въ глубь привольной Башкиріи.

Молодая башкирка въ своемъ нарядѣ.

III.

У башкиръ.

Степи Башкиріи. Исторія башкиръ. Возстанія. Хищеніе башкирскихъ земель. Происхожденіе башкиръ. Типъ. Характеръ. Магометъ и фотографія. Деревни. Мазанки. Конскіе черепа. На Демѣ. Радушіе башкиръ. Пасѣка. Внутри избы. Одежда. Женскія украшенія. Искусство башкира. Баня. Трахома. Кизякъ. Вечерняя молитва Аллаху. Кушанья. Коши. Сабантай. Обжорство. Бѣга и борьба. Малай-побѣдитель. Ночь въ степи. Чибизга. Сказка про луну. Въ полѣ. Собака-нянька. Изобрѣтательность башкира. Вымираніе башкиръ. Башкирскія дѣти. Замкнутость женщины. Образованіе. Въ гостяхъ у муллы. Похороны. Кладбища. Могила святого. Древній памятникъ. Кумысъ. Лѣсные и горные башкиры. Мещеряки.

По западному склону Уральскаго хребта, гдѣ горы переходятъ въ отлогіе, волнообразные увалы, раскинулись широкія башкирскія степи. Здѣсь сердце Башкиріи. Ближе къ хребту, въ горахъ и лѣсахъ живутъ горные и лѣсные башкиры, но ихъ сравнительно меньше. Главнымъ образомъ разселились башкиры въ

уфимской губерніи; значительно меньше ихъ въ оренбургской губерніи, и совсѣмъ немного въ пермской и тобольской; всего же ихъ насчитывается около полумилліона человѣкъ.

Въ семьѣ народовъ, населяющихъ Россію, башкиры занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто, какъ по своей численности, такъ и по этнографическимъ особенностямъ, и живучести племени. Съ теченіемъ вѣковъ башкиры пережили столько невзгодъ, что другой народъ давно исчезъ бы съ лица земли; они же сохранили свой типъ, характеръ и прежній кочевой образъ жизни перемѣнили на осѣдлый, болѣе способствующій прогрессу и процвѣтанію.

Когда то весь этотъ край, весь Южный Уралъ и часть Средняго принадлежали башкирамъ. Они поселились здѣсь въ IX вѣкѣ, вытѣснивъ жившую здѣсь чудь, которая на Уралѣ совершенно исчезла. Остатки чуди находятъ до сихъ поръ въ курганахъ, въ видѣ костей и издѣлій изъ мѣди. О далекомъ прошломъ башкиръ сохранилось очень мало свѣдѣній, такъ какъ они жили спокойно на своихъ мѣстахъ, не трогали сосѣднихъ земель, лишь защищали свои. Немногіе европейскіе путешественники, посѣтившіе башкиръ въ средніе вѣка, говорятъ о нихъ, какъ о народѣ храбромъ, живомъ и гостепріимномъ. Татарскіе народы, своимъ выходомъ изъ Азіи совершившіе великій, міровой переворотъ, не оставили въ покоѣ и башкиръ. Защищая свои земли отъ кочевниковъ: съ востока отъ сибирскихъ татаръ, съ юго-востока отъ киргизъ и съ юга отъ астраханскихъ узденей, башкиры вели съ ними безпрерывныя войны и наконецъ заключили союзъ съ московскими царями для совмѣстнаго отраженія орды. Для Москвы такой союзъ былъ очень выгоденъ, такъ какъ башкиры сдерживали нападенія ордынцевъ на Русь съ востока; Иванъ III и Иванъ Грозный выдали башкирамъ свои царскія граматы, по которымъ вся земля башкиръ зачислялась за ними навѣки. Въ то же

время были посланы русскіе воеводы въ Башкирію для удобства сношеній съ царями. Воеводы построили на Уралѣ нѣсколько крѣпостей,—старѣйшая изъ нихъ Уфимская,—и, совмѣстно съ башкирами, отражали нападенія кочевниковъ; за эту помощь башкиры платили воеводамъ *ясакъ,* т.-е. извѣстную подать медомъ и

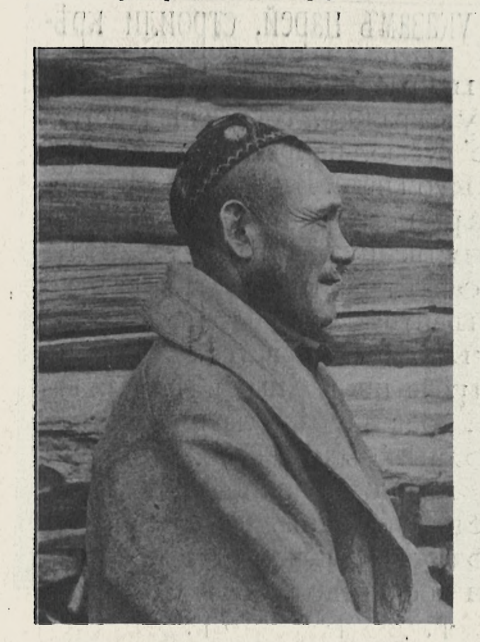
Башкирскія степи по уваламъ Уральскаго хребта.

звѣриными шкурами; но воеводы не исполняли царскихъ указовъ, начали притѣснять башкиръ, и вызвали въ нихъ раздраженіе и волненія. Башкиры часто жаловались въ Москву, имъ обѣщали неприкосновенность ихъ правъ и земель, но цари ничего не могли сдѣлать издалека со своими воеводами. Такъ между русскими и башкирами возникла рознь, которая впослѣдствіи привела къ полному покоренію Башкиріи, этой самостоятельной страны, и присоединенію ея къ

Россіи. Изъ прежнихъ добровольныхъ союзниковъ башкиры превратились въ подданныхъ Россіи.

Изъ всѣхъ нашихъ азіатскихъ сосѣдей башкиры были самый спокойный, добросовѣстный народъ, не трогавшій нашихъ земель; русскіе же отряды, наоборотъ, покоряя земли сосѣднихъ, казанскихъ татаръ, вторгались въ башкирскія земли, занимали ихъ по своему произволу, вопреки указамъ царей, строили крѣпости, брали незаконный ясакъ. Это наконецъ вызвало негодованіе вольныхъ башкиръ, и съ тѣхъ поръ они начали съ русскими вѣчную вражду. Казанскіе и астраханскіе татары, тѣснимые Русью, направились въ Башкирію, гдѣ не было русскаго гнета. Въ XIII вѣкѣ башкиры переняли отъ татаръ исламъ, и съ тѣхъ поръ на Башкирію, какъ на единственную вольную страну на востокѣ, на долгіе годы обратились надежды всѣхъ магометанъ, чаявшихъ установить здѣсь сильное мусульманское государство подъ покровительствомъ Турціи. Сюда же переселились и другіе инородцы съ Поволжья, какъ мещеряки и тептяри, сюда же бѣжала вся русская вольница, которой на родинѣ было тѣсно. Башкиры давали пріютъ всѣмъ, и всѣ подчинялись ихъ законамъ, которые были очень свободны. Видя, что въ Башкиріи находятъ пріютъ тѣ бѣглые русскіе люди, которые очень надоѣдали московскому государству, а также гонимые татары и другіе ордынцы, русскіе воеводы и начали занимать башкирскія земли, и вводить свои порядки, чтобы показать свою власть. Степныя земли они раздѣлили на области, уѣзды, города. Съ башкиръ производились тяжелые поборы. Всѣ эти притѣсненія вызвали возстаніе башкиръ, и подъ вліяніемъ магометанскаго духовенства въ 1663 г. между русскими и башкирами произошло первое кровопролитіе. Кончилось оно побѣдой русскихъ организованныхъ войскъ, но побѣда эта была скорѣе пораженіемъ, такъ какъ башкиры снова получили отъ Москвы подтвержденіе о неприкосновенности ихъ земель и обычаевъ. Новыя

нарушенія дарованныхъ башкирамъ льготъ вызвали слѣдующее возстаніе при Петрѣ I. Путемъ этого возстанія башкиры хотѣли дать знать царю, что ихъ жалобы къ нему не доходятъ и царскія граматы воеводами не выполняются. На этотъ разъ русскія войска не смогли усмирить возставшихъ башкиръ, и Петръ I далъ разрѣшеніе русской вольницѣ и кочевникамъ истреблять Башкирію огнемъ и мечемъ, кто какъ хотѣлъ. Пришли съ юга орды калмыковъ и начали рѣзать населеніе, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. И все-таки, несмотря на страшныя опустошенія, произведенныя калмыками, возстанія въ Башкиріи не удалось подавить, Петру I пришлось вступить съ ними въ переговоры, имъ было обѣщано прощеніе. Спокойствіе возстановилось, но ненадолго. Началась усиленная колонизація края русскими.

Типъ башкира Уфимской губ.

Петръ I велѣлъ искать и обрабатывать руды на башкирскихъ земляхъ. Знаменитый Демидовъ получилъ отъ Петра I разрѣшеніе строить извѣстный Невьянскій заводъ; въ то же время начали строиться заводы: Тагильскій, Исетскій и др. Въ страхѣ за будущность родной земли, башкиры снова подняли возстаніе въ 1735 г., окончившееся тѣмъ, что Башкирія была выжжена и разорена. Многимъ въ наказаніе отрѣзали уши и рвали ноздри; весь скотъ былъ уведенъ. Пять лѣтъ длилось это возстаніе, полное ужа-

совъ, и кончилось новымъ порабощеніемъ Башкиріи. Ее стали открыто заселять бѣглыми изъ Россіи, каторжниками, инородцами и даже крестьянами изъ Малороссіи и внутренней Россіи. Заводское дѣло на Уралѣ ширилось и привлекало предпріимчивыхъ и торговыхъ людей; пришлый элементъ усиливался. Заводскіе люди покупали внутри Россіи крестьянъ, какъ скотъ, и гнали ихъ сюда, на тяжелыя новыя работы. Захваты земель башкиръ побудили ихъ къ новому возстанію. Они возстали подъ предводительствомъ храбраго мещеряка Батырши, но и это возстаніе кончилось для башкиръ неудачей. Союзники ихъ: мещеряки, тептяри и др. покинули ихъ, а башкиры, предоставленные самимъ себѣ, покинутые племенами, которыхъ они пріютили, должны были смириться, понеся неисчислимыя жертвы. Послѣ этого они принимали дѣятельное участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ, подъ предводительствомъ славнаго богатыря своего Салавата, о подвигахъ котораго у башкиръ до сихъ поръ сохранились пѣсни. Съ этихъ поръ башкиры понемногу начали лишаться своихъ вольностей и правъ, ихъ заставили платить подушную подать, нести военную службу русскимъ и пр. Въ войну съ французами въ 1815 г. башкиры уже были въ Парижѣ, какъ лучшіе стрѣлки изъ лука въ русскомъ войскѣ, за что французы прозвали ихъ сѣверными амурами, — а при Александрѣ II они были сравнены съ остальнымъ крестьянскимъ населеніемъ Россіи, окончательно лишились своихъ вольностей, правъ и порядковъ. Вольная, дикая Башкирія перестала существовать.

Но еще долго продолжались хищенія башкирскихъ земель. Всякіе заслуженные люди получали въ даръ здѣсь десятки тысячъ десятинъ, а проходимцы и предпредприниматели, пользуясь невѣжествомъ и довѣрчивостью башкиръ, скупали ихъ земли за безцѣнокъ. Земли покупались участками, на глазъ, при этомъ башкиръ, незнавшихъ русской мѣры — десятины, обманы-

вали; участокъ въ 3000 десятинъ шелъ за 300 дес. Одинъ заводъ купилъ 18000 десятинъ земли по 20 р. за десятину, т.-е. за грошъ; другой—30000 десятинъ строевого лѣса за 300 руб. Въ концѣ концовъ получилась такая путаница, что правительству пришлось нарядить ревизію и установить количество земли у башкиръ. Часть ихъ земель отошла въ казну, часть къ заводчикамъ и частнымъ лицамъ, остатокъ былъ раздѣленъ между башкирами, мещеряками и тептярями; и теперь башкиръ-нищій. Въ разныхъ мѣстахъ ему приходится на надѣлъ отъ 15 до 30 десятинъ на душу, что для кочевника очень немного.

Исторія расхищенія башкирскихъ земель полна несправедливостей и жестокостей. Земельной тѣсноты въ прежнія времена не было, между тѣмъ земли отъ башкиръ были захвачены. Теперь башкиръ остался при надѣлѣ, который едва-едва впору каждому хлѣбопашцу-крестьянину; между тѣмъ въ немъ еще сохранился кочевникъ. Чтобы перейти отъ кочевого образа жизни къ хлѣбопашеству, нужна вѣковая культура. Ничто въ мірѣ не совершается сразу, искуственно; башкиръ, не успѣвъ отстать отъ своего стараго образа жизни, не присталъ къ новому. Это вызвало нищету, и теперь башкиръ выбивается изъ послѣднихъ силъ въ борьбѣ за свое существованіе.

Башкиры принадлежатъ къ той великой урало-алтайской семьѣ народовъ, которые до сихъ поръ населяютъ разныя части Россіи. Но происхожденіе ихъ въ наукѣ спорно. Одни ученые причисляютъ башкиръ къ тюркскому племени, указывая на сродство ихъ типа, языка, обычаевъ и нарядовъ съ тюркскими народами; другіе ученые утверждаютъ, что башкиры принадлежатъ къ финно-угорскому племени, и лишь впослѣдствіи отатарились. Послѣднее утвержденіе вѣрнѣе. Въ древности башкировъ называли Великой Венгріей, и доказывали, что башкиры говорятъ по венгерски. Современный башкирскій языкъ очень похожъ на та-

тарскій. Подъ вліяніемъ татарской культуры и ислама прежній языкъ башкира исчезъ съ лица земли, теперь возстановить его нѣтъ возможности; сохранилась лишь нѣкоторая мягкость свистящихъ звуковъ, присущая финскимъ нарѣчіямъ. Тамъ, гдѣ татаринъ говоритъ: чай, чиновникъ, ченъ, башкиръ произноситъ: сай, сиовникъ, сэнъ. Только по этому признаку и по нѣкоторымъ узорамъ и можно утверждать, что это настоящій, а не смѣшанный типъ башкира. Самое названіе башкира: башъ-голова, и—куртъ—насѣкомое,—дано ему не самимъ имъ, а тюркскими народами. Дѣйствительно, башкиры отличаются очень большими размѣрами головы. Такого громаднаго черепа нѣтъ ни у одного изъ народовъ современной Европы. Ростъ башкира средній; онъ немного сухощавъ, и въ фигурѣ его есть извѣстная стройность, свобода, чего нѣтъ у болѣе тяжеловѣсныхъ тюрковъ и татаръ. Стройность фигуры говоритъ о долгой привольной и дикой, кочевой жизни, о живомъ характерѣ. Зато ноги башкиръ большей частью искривлены отъ постоянной верховой ѣзды. Лицо и затылокъ башкира приплюснуты; переносье—сильно впавшее, зубы большіе, подбородокъ замѣтно выдается впередъ; глаза, темно-каріе или голубые, едва скошеные, часто даже прямые, волосы прямые,

Молодой башкиръ.

черные, и очень рѣдко-рыжіе. Растительность на лицѣ жидкая. Согласно велѣнія ислама башкиры стригутъ усы и волосы на подбородкѣ; они оставляютъ волосы лишь подъ подбородкомъ, на шеѣ и на щекахъ; такая борода дѣлаетъ ихъ очень похожими на нашихъ финновъ, или на шотландскихъ моряковъ. Но мнѣ приходилось встрѣчать такіе типы финновъ, которые похожи на башкиръ не только бородой, но и чертами лица, тогда какъ на татаръ, тоже подстригающихъ усы и бороду ни башкиры, ни финны совсѣмъ не похожи; даже по внѣшнему облику башкиръ скорѣе принадлежитъ къ финскому племени, нежели татарскому.

Придя изъ Азіи, этой великой матери всѣхъ народовъ, башкиры поселились на мѣстахъ, занятыхъ финскимъ племенемъ чудью. Переселеніе это относится къ глубокой древности. Неизвѣстно, можетъ быть чудь была родственна башкирамъ и слилась съ ними, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними отатарилась; можетъ быть она вымерла, или была истреблена. Несомнѣнно лишь, что чудь была народомъ болѣе осѣдлымъ, съ высокой культурой, башкиры же были дикіе кочевники. Управлялись башкиры старѣйшими въ родѣ и жили общинами; важныя дѣла рѣшали сообща, при чемъ всякій имѣлъ право голоса. Они незнали никакихъ стѣсненій, ни податей, ни повинностей, и на войну шелъ лишь тотъ, кто хотѣлъ. Были у нихъ и князья, но безъ всякой власти. Они свободно перекочевывали по занятымъ ими степямъ, устраивали въ степяхъ свои кибитки, занимались скотоводствомъ, тѣшились верховой ѣздой и играми.

Эти черты характера у башкира сохранялись и до сихъ поръ. Въ то время, какъ татары, мещеряки и финскіе народы: вогулы, черемисы, мордва, угрюмы и малоподвижны, башкиры беззаботны, веселы, даже легкомысленны. Пережитыя бѣдствія родины сдѣлали башкира немного недовѣрчивымъ, подозрительнымъ къ

чужому; но стоитъ лишь заслужить его довѣріе, и тогда онъ развертывается во всю свою широкую, степную натуру. Онъ подвиженъ до юркости и ловокъ, но движенія его не грубы, а мягки; онъ любитъ веселиться до безконечности, шутить и смѣяться; у него юмористическая складка ума, онъ умѣетъ подмѣтить

Башкирская деревня.

все веселое, смѣшное. И когда онъ смѣется, лицо его, какъ бы оно ни было некрасиво, дѣлается крайне привлекательнымъ и дѣтски симпатичнымъ.

Башкирки малы ростомъ, и болѣе некрасивы; онѣ рано старѣются, и тогда лица ихъ симпатичнѣе; но среди маленькихъ башкирятъ есть удивительно интересныя, смышленыя и красивыя личики.

— Башкиръ не давалъ твой дѣлалъ портретъ,— говорилъ Малай.—Законъ не велѣлъ башкиръ снималъ.

Дѣйствительно, Магометъ запретилъ правовѣрнымъ воспроизводить и распространять ихъ изображеніе; но онъ не велѣлъ также правовѣрному пить вино, а между тѣмъ рѣдкій башкиръ не пьетъ. Поэтому я надѣялся, что они и къ фотографіи не будутъ строги, и мнѣ удастся сдѣлать необходимую съемку типовъ, костю-

Домъ богатаго башкира.

мовъ, построекъ, обрядовъ и пр. Но насколько правовѣрные падки на вино, настолько они черствы оказались къ искусству и наукѣ. Никакія убѣжденія не дѣйствовали: башкиры не хотѣли сниматься и, относились къ моимъ попыткамъ недовѣрчиво. Даже враждебно. Когда я выходилъ на улицу, вся деревня пряталась въ избахъ, изъ боязни попасть въ аппаратъ. Только въ щели дверей и въ окнахъ видны были крайне любопытные, жадные взгляды.

Рѣдкіе изъ башкиръ, побывавшіе въ городахъ, или служившіе въ солдатахъ, охотно садились передъ аппаратомъ, остальные наотрѣзъ отказывались. Женщинъ нельзя было сфотографировать—даже за деньги. Предложеніе денегъ вызвало еще большее подозрѣніе, и лишь присутствіе и доводы Малая сдерживали враждебность башкиръ.

— Зачѣмъ гулялъ на нашъ деревня! Твой хотѣлъ нашъ деревня кончалъ! Гуляй домой!

И когда я, выѣхавъ однажды изъ деревни, остановился въ полѣ, чтобы сдѣлать снимокъ кладбища, я увидѣлъ нѣсколько башкиръ, мчавшихся ко мнѣ во весь духъ. Не было сомнѣній, они бѣжали не съ добрыми цѣлями. Но сдѣлавъ съемку, я сѣлъ въ тарантасъ и укатилъ, а кричащіе и размахивающіе руками башкиры остались позади.

Насколько привѣтливо и гостепріимно встрѣчали меня, какъ заѣзжаго человѣка, гостя, настолько недружелюбно относились они къ фотографіи. Главное: имъ непонятна была цѣль этой съемки. Къ чему она? Планы снимать съ ихъ земли, знать, что у кого есть, чтобы потомъ отнять? Между тѣмъ съемка мнѣ была необходима именно въ глухихъ мѣстахъ Башкиріи; поэтому, добравшись до желѣзной дороги, я снова поѣхалъ въ Уфу и у муфтія, главы мусульманскаго духовенства, живущаго здѣсь, выхлопоталъ разрѣшеніе на фотографическую съемку для научныхъ цѣлей. Бумажка отъ муфтія дала мнѣ полную возможность при помощи муллъ снимать не только башкиръ, но и башкирокъ.

Степныя башкирскія деревни расположены обыкновенно среди пустыннаго моря полей. Нигдѣ ни кустика, ни дерева. Лѣсовъ здѣсь почти нѣтъ. Изрѣдка эту ровную пустыню взволнуютъ увалы Уральскаго хребта, или рѣчка перерѣжетъ степь. Деревни производятъ унылый, разоренный видъ. У болѣе богатыхъ башкиръ есть крѣпкія избы, большинство же избъ—про-

стыя мазанки. Остовъ такой мазанки дѣлается изъ хвороста, который и замазывается глиной. Окна меленькія, почти вросшія въ землю, крыша не всегда бываетъ, печная труба прикрыта сверху опрокинутымъ, дырявымъ котломъ. Рядомъ, хворостяной изгородью отгороженъ небольшой дворикъ, на которомъ нѣсколько хворостяныхъ

Изба и пристройка бѣднаго башкира.

клѣтушекъ—помѣщеній для скота. Вотъ усадьба бѣдняка. Внутри мазанки темно, тѣсно и грязно; но здѣсь помѣщается вся семья, иной разъ ихъ 5—7 человѣкъ. У богатаго башкира изба бревенчатая, высокая, съ высокимъ колѣнчатымъ крыльцомъ. Сѣни раздѣляютъ избу на двѣ половины: лѣтнюю и зимнюю. Рядомъ съ домомъ или за постройками находится пчельникъ, въ которомъ стоитъ нѣсколько выдолбленныхъ, осиновыхъ колодъ-улей. Почти на каждомъ ульѣ виситъ конскій черепъ.

— Зачѣмъ у васъ эти черепа вѣшаютъ? — спросилъ я.

— Чтобы дурной человѣкъ дурно для пчелъ не сдѣлалъ,—отвѣчалъ башкиръ. — У дурного человѣка худой глазъ есть.

Значитъ, чтобы не сглазили. Вообще, у башкира предразсудковъ не мало.

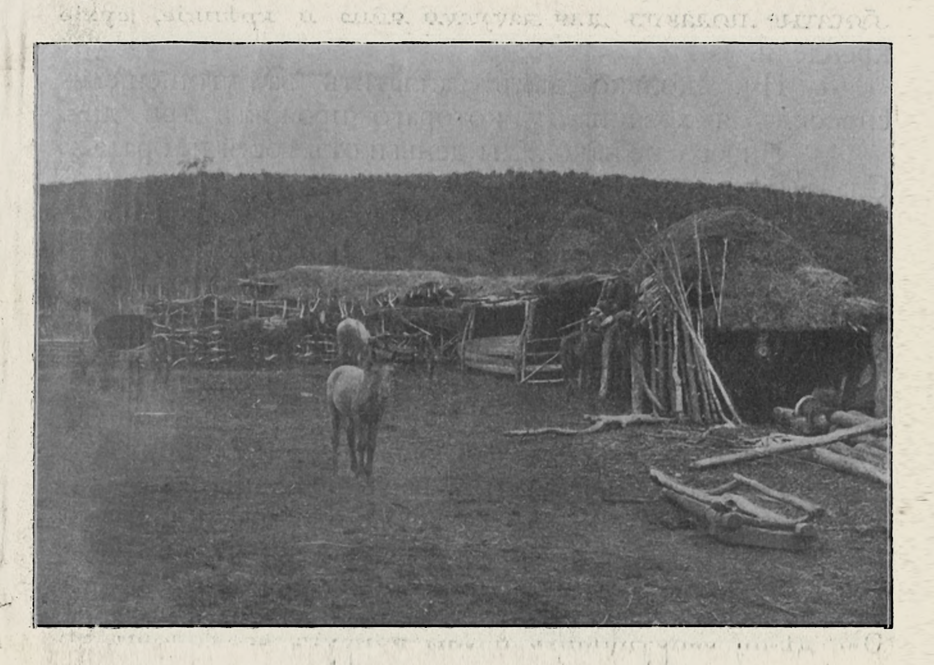
Башкирская баня.

Была пятница, которую мусульмане почитаютъ за воскресный день. Тарантасъ мой, запряженный парой крѣпкихъ, башкирскихъ лошадокъ, подкатилъ къ рѣкѣ Демѣ, на противоположномъ берегу которой стояла башкирская деревня. Дема беретъ начало въ гористыхъ мѣстахъ, а затѣмъ вступаетъ въ степь, и течетъ въ низкихъ, заросшихъ кустарникомъ, берегахъ; прой-

дя болѣе трехсотъ верстъ, она впадаетъ въ Бѣлую. Проѣхавъ вдоль рѣки, межъ кустарниковъ, тарантасъ вдругъ повернулъ къ рѣкѣ, и передъ нами открылся мостъ. Настоящій башкирскій мостъ, какой можно встрѣтить только на степной рѣкѣ. Построенъ онъ на легкихъ козлахъ. Это не срубленные, сколоченные козлы, а натуральные: каждый козелъ представляетъ изъ себя стволъ ели съ четырьмя суками, идущими въ одномъ направленіи; эти сучья служатъ ногами. Поверхъ козловъ настилка изъ хвороста, покрытая сверху дерномъ. Мостъ узокъ: разъѣхаться двумъ телѣгамъ на немъ нельзя; по бокамъ легкія перила. Такіе мосты можно строить лишь на неглубокихъ и тихихъ степныхъ рѣкахъ; но несмотря на свою легкость, они выдерживаютъ цѣлые обозы. Весной и осенью здѣсь ходитъ паромъ, громадныя лодки котораго сохнутъ въ теченіе лѣта, вытащенныя на берегъ. Миновавъ рогатый мостъ, тарантасъ быстро взобрался на высокій берегъ и помчался по деревнѣ. Звонкій колокольчикъ наполнилъ эту степную тишину шумомъ, всюду виднѣлись любопытныя фигуры. Пріѣздъ чужого человѣка—событіе. Зачѣмъ пріѣхалъ, что ему надо, кто такой? Всякъ ожидаетъ отъ такого пріѣзда чего нибудь случайнаго, нехорошаго для себя, и безпокоится. И у ямской избы, гдѣ останавливается экипажъ, тотчасъ же собирается толпа любопытныхъ. Изъ окна избы видно, какъ башкиры осаждаютъ и распрашиваютъ Малая, а онъ даетъ имъ объясненія. На крыльцо выбѣгаетъ въ туфляхъ хозяинъ и ведетъ въ комнату, отведенную для пріѣзжающихъ. Иногда въ избѣ только одна комната и есть; въ такомъ случаѣ она перегорожена занавѣской, за которой ютится вся семья. Всякій пріѣзжій въ глазахъ башкира „болсой синовникъ“; кокарда на шляпѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что это лицо офиціальное, важное; а если есть на груди какой-нибудь значокъ, то это ужъ черезъ чуръ важное лицо.

— Самъ балсой синовникъ, кокардамъ на сапкѣ носилъ, миндалъ съ царскамъ лицамъ таскалъ.—

Отсутствіе кокарды на шляпѣ приводитъ башкира въ недоумѣніе и сбиваетъ его съ толку. Онъ незнаетъ, какъ подступиться: можетъ быть, въ пріѣзжемъ скрывается «самый балсой синовникъ», который уже

Башкирскій дворъ.

и кокарды не носитъ. Дипломатично узнаетъ онъ о цѣли прибытія и успокаивается. Въ избу набивается нѣсколько чѣловѣкъ башкиръ, не по какому-нибудь дѣлу, а просто постоять и внимательно разсмотрѣть пріѣзжаго. Интересныя, простыя, почти дѣтскія лица. Пущенная на лету шутка, окрылитъ эти лица улыбкой, всѣ развеселятся и довѣрчиво пустятся въ разговоры. Хозяинъ между тѣмъ тащитъ большой самоваръ. Женщины за столомъ здѣсь не прислуживаютъ: и

посуду, и ѣду приносятъ мужчины. За столъ приглашается и ямщикъ, сынъ богатаго башкира изъ сосѣдней деревни, и мой спутникъ Малай; кромѣ того подсаживаются два-три именитыхъ башкира. Къ чаю обязательно подаютъ медъ, сахаръ и масло. Башкиры пьютъ чай, закусывая то медомъ, то масломъ. Болѣе богатые подаютъ для закуски яйца и крѣпкіе, сухіе крендели.

— Ну, сколько вамъ заплатить за угощеніе?— спросилъ я хозяина, у котораго прожилъ три дня.

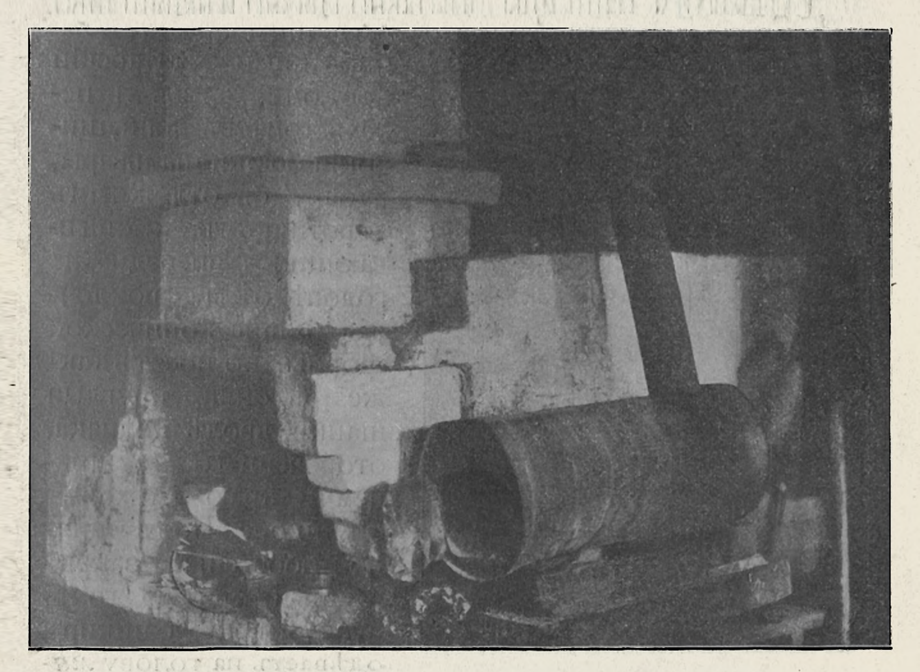
— Ничего не надо... мы деньги отъ гостя не бралъ... Слава Богу, что ѣлъ...

Конечно, каждый разъ приходилось платить за угощеніе, подъ тѣмъ, или инымъ предлогомъ; но это азіатское гостепріимство, одинаковое какъ у бѣдняка, такъ и скупого богача, говоритъ о привѣтливости и добродушіи башкиръ. И невольно вспоминаются наши деревни, гдѣ за каждое посѣщеніе, за каждый шагъ спрашиваютъ «на чаекъ». Даже ямщики, эти исконные любители получать «на чаекъ», даже они не попросятъ здѣсь ни копѣйки, если имъ самъ не дашь.

Прежде, чѣмъ угостить чаемъ, хозяинъ пошелъ на пасѣку за медомъ. Онъ надѣлъ на лицо рѣшето, которое привязалъ тряпкой къ головѣ, связавъ узлы на затылкѣ, и осторожно открылъ одинъ изъ ульевъ. Загудѣли, закружились пчелы вокругъ его головы, но башкиръ ловко выломалъ ковригу сотоваго меда и положилъ его на чашку. Будучи даже не любителемъ меда, я съ удовольствіемъ ѣлъ этотъ свѣжій, душистый медъ, отъ котораго неслись всѣ запахи степи. Воскъ обыкновенно выплевывается и каждый изъ гостей тутъ же скатываетъ его въ шарикъ; эти восковые шарики хозяева потомъ тщательно убираютъ.

Внутренность избы башкира не замысловата. Направо отъ входной двери стоитъ небольшая печь; чаще всего она стоитъ, не примыкая къ стѣнамъ, какъ въ русскихъ избахъ, а отдѣльно, такъ что между печью

и стѣнами образуется проходъ. Это устроено для того, чтобы женщины во время посѣщенія чужихъ мужчинъ, могли незамѣченными входить въ избу, за занавѣску и выходить. Отъ печи до передней стѣны протянутъ пологъ, вышитый разноцвѣтными узорами, раздѣляющій комнату на двѣ половины, а вдоль всей передней

Печь въ башкирской избѣ. Слѣва „чувалъ", углубленіе съ боку печи для небольшой варки, справа желѣзная печка.

стѣны тянутся широкія, низкія нары. На нихъ спятъ въ повалку, а иногда и ѣдятъ. Нары застланы кошмой, толстымъ, бѣлымъ войлокомъ; въ углу стоитъ высокая стопа красныхъ подушекъ, а со стѣнъ и съ потолка спускается множество полотенецъ, концы которыхъ вышиты узоромъ. Полотенца эти бываютъ очень красивы, узоры никогда не повторяются; башкирка составляетъ узоръ въ своей головѣ, а не беретъ

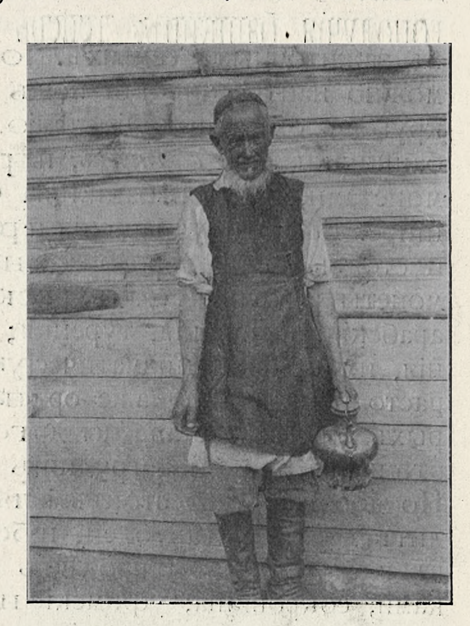
его изъ разныхъ премій къ журналамъ и образцовъ, и единственное, что башкиры сохранили до сихъ поръ, это свои узоры. Хотя и они значительно отатарились. Такимъ образомъ, башкирская женщина, эта вѣчная, неустанная работница, является хранительницей искусства и красоты своего народа.

Одѣваются башкиры довольно грязно и неряшливо. Мужчины носятъ обыкновенный татарскій костюмъ: халатъ съ перехватомъ въ таліи, широкія брюки-шальвары, рубаху съ отложнымъ воротникомъ, застегивающимся впереди; на головѣ бѣлая, войлочная шляпа коничеcкой формы, но носятъ также высокія, круглыя шапки, вродѣ колпака, отороченнаго по нижнему краю мѣховой опушкой. Подъ шляпой-тюбетейка, закрывающая бритую голову. Зимой башкиръ одѣваетъ на голову *малахай*, громаднѣйшую остроконечную шапку, закрывающую всю голову, спускающуюся на плечи. Внутри малахай выложенъ мѣхомъ, у богатыхъ башкиръ-лисьимъ. Шубы шьютъ безъ воротниковъ, такъ какъ малахай вполнѣ достаточно защищаетъ зимой отъ холодныхъ, степныхъ вѣтровъ. На ногахъ бѣлые, шерстяные чулки почти до колѣнъ, и кожаные сапоги вродѣ калошъ. Передъ входомъ въ комнату башкиръ снимаетъ калоши въ сѣняхъ, и входитъ въ домъ въ

Башкиръ въ малахаѣ.

чулкахъ. Носятъ также очень красивые, берестяные лапти и сапоги, иногда сафьяновые. Костюмъ женщины болѣе нарядный и оригинальный. Башкирка носитъ короткое платье, въ видѣ рубашки съ длинными рукавами, закрывающими кисти рукъ; поверхъ рубашки длинная кофта-безрукавка, съ перехватомъ въ таліи, такъ называемая *зюлень*, или казакинъ; на головѣ широкій платокъ, который носятъ не косынкой, какъ русскія, а четырехугольникомъ. Башкирки очень любятъ красный цвѣтъ, платье и платокъ почти всегда красные, съ широкими, желтыми узорами. Если матерія покупная, то узоръ бухарскаго образца; но часто узоры бываютъ своей вышивки, и тогда нарядъ башкирки еще красивѣе. Подъ платкомъ замужнія женщины носятъ на головѣ *кажбовъ*, родъ чепца изъ связанныхъ коралловыхъ нитей, дѣвушки же небольшую шапочку-тюбетейку, обшитую галуномъ; волосы дѣвушки заплетаютъ въ косы, на концѣ которыхъ вмѣсто нашихъ лентъ привязываются серебряныя *монисты*, т.-е. монеты, погремушки, бляхи и пр. У многихъ богатыхъ башкирокъ до сихъ поръ сохранился дорогой, старинный головной уборъ—*калябашъ*. Онъ очень красивъ по своей оригинальности. Это цѣлый шишакъ изъ коралла и серебряныхъ монетъ, плотно облегающій голову. Спереди онъ окаймленъ рядомъ одинаковыхъ

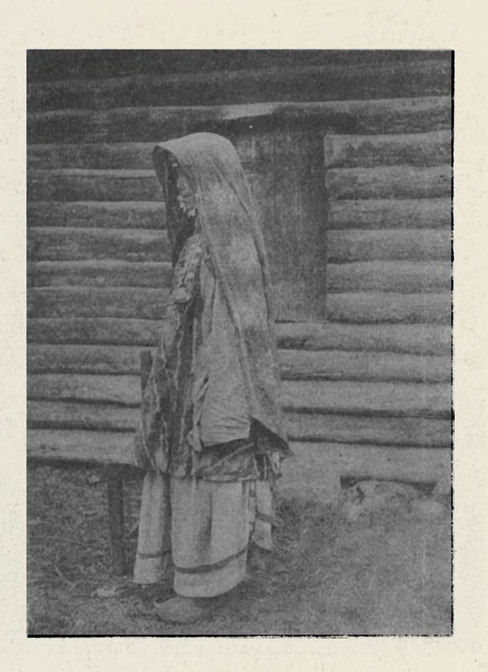
Башкиръ съ кумганомъ.

монетъ, передніе концы его оканчиваются длинными висюльками, въ родѣ серебряныхъ серегъ, темя, виски и уши закрыты нитями крупнаго коралла, идущими рядами, а начиная съ макушки весь затылокъ закрытъ крупными серебряными монетами; отъ макушки спускаются двѣ длинныя ленты изъ такихъ же монетъ, и доходятъ до пояса. Калябашъ—остатки былого благополучія башкиръ; теперь онъ встрѣчается только въ зажиточныхъ семьяхъ. Точно также, но еще рѣже, можно найти широкій поясъ изъ серебряныхъ монетъ, кругомъ охватывающій талію. Зато почти у каждой башкирки есть *салтярь*, нагрудникъ, весь завѣшенный монетами, и чѣмъ башкирка богаче, тѣмъ нагрудникъ шире. Всѣ эти украшенія передаются изъ рода въ родъ и стоятъ очень дорого. На нагрудникѣ можно найти монеты разныхъ странъ: русскія, персидскія, бухарскія, арабскія, китайскія, турецкія; есть монеты очень древнія, имѣющія нумизматическую цѣнность; межъ монетъ часто попадаются даже ордена и медали; въ нѣкоторыхъ бляхахъ вставлены драгоцѣнные камни. Ясно поэтому, что такой нагрудникъ цѣнится очень дорого. Но дороже всего стоитъ калябашъ. Цѣна его доходитъ до тысячи рублей, и болѣе. Разоряясь изъ года въ годъ, башкиры продаютъ свои, накопленныя вѣками, сокровища; уфимскіе и оренбургскіе скупщики покупаютъ эти украшенія на вѣсъ серебра, т.-е. за безцѣнокъ; но многіе башкиры, несмотря на то, что ведутъ почти нищенскую жизнь, что голодаютъ по зимамъ, берегутъ свои сокровища, какъ остатокъ былого величія, и мать передаетъ дочери свои украшенія. И чѣмъ нряднѣе невѣста, тѣмъ большій *калымъ*, т.-е. выкупъ семьѣ долженъ заплатить женихъ.

Обувью для женщинъ служатъ сафьяновые сапожки-*ичиги*.

Когда проходишь по башкирской деревнѣ, то женщинъ почти не встрѣчаешь. Онѣ сидятъ дома, работаютъ по хозяйству или въ полѣ. Законъ Магомета запре-

тилъ женщинѣ показываться народу. Только у рѣки, гдѣ берутъ воду, можно увидѣть женщинъ, въ яркихъ костюмахъ, съ серебряными украшеніями на груди и головѣ, несущихъ на коромыслахъ воду. Вся тяжелая работа лежитъ на женщинѣ, самъ же башкиръ большой гуляка и мечтатель. Онъ любитъ дѣло, требующее сметки, смышлености, любитъ искусство въ дѣлѣ, и поэтому во всемъ его хозяйствѣ, начиная отъ крылечка, и кончая запорами и домашней утварью — вездѣ видна мысль и творчество. Дырявую крышу чинить ему лѣнь, а поставить у воротъ шестъ и на немъ устроить скворешницу—это дѣло первой важности. Выкопать на дворѣ колодезь ему совсѣмъ не по нраву, но когда ненавистная, черная работа сдѣлана, онъ устроитъ такой великолѣпный журавль, и такой замысловатый жолобъ придумаетъ для стока воды, что просто диву дашься. Въ особенности много вкладываетъ башкиръ творчества въ свои надворныя, хворостяныя постройки. Надо быть искуснымъ архитекторомъ, чтобы построить рядъ этихъ клѣтушекъ, соединенныхъ другъ съ другомъ, легкихъ и прочныхъ. Какъ непохожи эти воздушныя строенія на наши русскіе тяжелые, приземистые сараи и хлѣвы! Одна клѣтушка для овецъ, другая рядомъ для коровъ; отсюда ходъ въ

Нарядъ замужней башкирки.

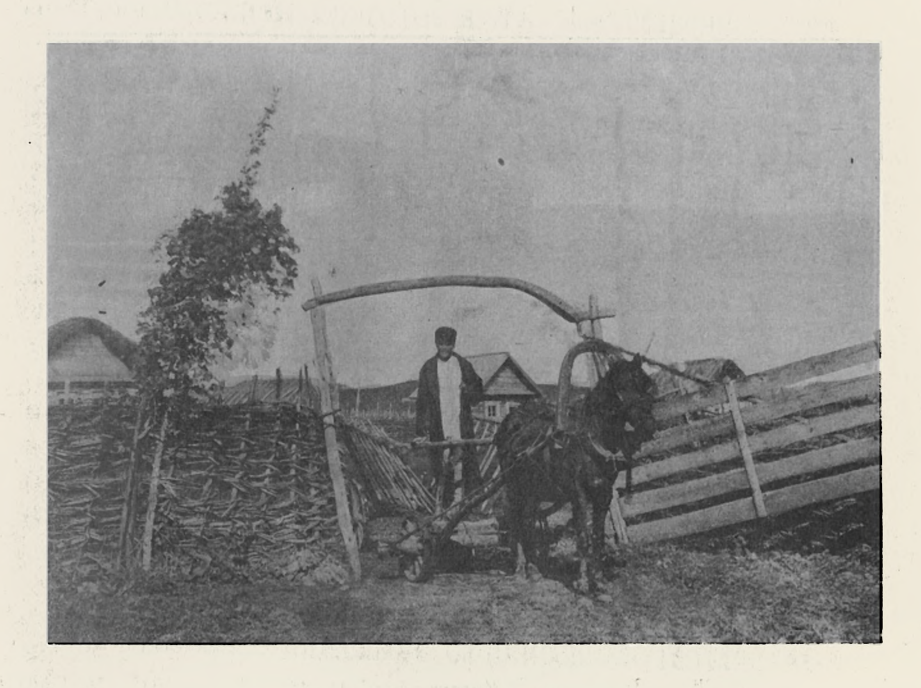
конюшню; дальше помѣщеніе для куръ и гусей, еще дальше для склада всякаго скарба... Здѣсь цѣлая квартира. Рядомъ съ этой постройкой отдѣльно стоитъ навѣсъ. Башкиры большіе любители всякихъ навѣсовъ. Дѣлаются они также просто и легко. Въ землю вбиваютъ колья-рогатины, на которыя и накладываютъ перекладины тоже изъ кольевъ; поверхъ перекладинъ настилаютъ плоскую крышу изъ хвороста или соломы. Подъ такими навѣсами—а ихъ у каждаго хозяина бываетъ нѣсколько—хранится солома, сохнутъ снопы, ленъ, стоятъ въ дождливую погоду лошади. На крышу навѣса наваливаютъ большую, круглую копну сѣна, необходимаго для ежедневнаго корма; эта копна придаетъ навѣсу форму какого-то легкаго зданія съ тяжелымъ куполомъ и напоминаетъ какой-то необыкновенный, но естественный средне-азіатскій стиль. И когда смотришь снизу отъ рѣки на прибрежный косогоръ, по которому лѣпятся эти постройки, то получаешь впечатлѣніе, будто это цѣлый городокъ изъ мелкихъ навѣсовъ и куполовъ.

Башкирка въ калябашѣ.

Кромѣ этихъ построекъ на дворѣ башкира можно увидѣть лѣтнюю избу и баню. Сдѣланы они также изъ хвороста. Чуть настанетъ лѣто, башкиръ выѣзжаетъ на дачу. Онъ покидаетъ свою тѣсную, грязную избу,

со всѣми тараканами и клопами и ѣдетъ со всѣмъ скарбомъ и семействомъ въ поле, гдѣ строитъ себѣ *коши,* т.-е. палатки изъ войлока и кошмъ. Прежній кочевникъ не умеръ въ башкирѣ до сихъ поръ. Но выѣзжаютъ на коши теперь лишь тѣ, у которыхъ много земли, притомъ—находящейся далеко отъ деревни; малоземельные башкиры, не разставаясь со своими ко-

Въѣздъ во дворъ.

чевыми привычками, устраиваютъ у себя на дворѣ лѣтнее помѣщеніе, въ которомъ и живутъ все лѣто. Пищу варятъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ: тутъ же у постройки разводится костеръ. Бани есть далеко не у всѣхъ башкиръ. Вообще башкиры сильно грѣшатъ противъ заповѣди Магомета, предписывающей чистоту и опрятность. Башкиръ нѣсколько разъ въ

день совершаетъ омовенія, но это одна лишь форма. Для омовеній существуетъ особый кувшинъ—*кумганъ*, съ широкимъ, круглымъ резервуаромъ и длиннымъ, узкимъ горлышкомъ; эти кумганы дѣлаются въ Казани, изъ кованой мѣди. Поливъ себѣ на руки воды, башкиръ растираетъ ее, вѣрнѣе грязь, и омовеніе совершено. Законъ соблюденъ, и довольно. И только

Кизякъ.

этой грязью можно объяснить ту главную болѣзнь, которая распространена у доброй четверти башкиръ. Болѣзнь эта — трахома. Ею страдаютъ и дѣти, и старики, и многіе лишаются зрѣнія. Нигдѣ нѣтъ столько слѣпыхъ, какъ у башкиръ. Многіе поэтому уже начинаютъ строить бани. Хотя бани эти таковы, что въ нихъ скорѣе запачкаешься, чѣмъ вымоешься, но все-таки бани. Дѣлается баня въ землѣ. Выкапываютъ

яму, стѣнки выкладываютъ хворостомъ и замазываютъ глиной; сверху потолокъ, засыпанный землей, а надъ нимъ такая же земляная крыша, на которой выросъ цѣлый цвѣтникъ изъ всякихъ полевыхъ цвѣтовъ. Печь въ банѣ—простая каменка, безъ трубы. Отапливается баня большей частью *кизякомъ*.

Въ степи лѣсовъ почти нѣтъ, и топливо дорого. Поэтому башкиры приготовляютъ искусственное топливо, смѣшивая навозъ съ торфомъ, Башкиръ не удобряетъ своихъ полей; онъ просто ковыряетъ землю деревяннымъ плугомъ, и плодородный черноземъ взрытый на глубину не болѣе двухъ-трехъ вершковъ, даетъ обильную жатву. Навозъ же идетъ на топливо. Въ ямѣ его смѣшиваютъ съ торфомъ, затѣмъ это мѣсиво рѣжутъ на кирпичи; это и есть кизякъ. Кирпичики складываютъ для просушки въ небольшія, пирамидальныя стопки. Дымъ отъ кизяка имѣетъ особый, тяжеловатый запахъ. Тепла кизякъ даетъ достаточно, но нельзя наготовить его на всю зиму: столько и навоза не наберется; поэтому топлива не хватаетъ, и зимой въ избахъ стоитъ страшная стужа. Только башкиръ, выносливый, крѣпкій, терпѣливый и малотребовательный, только онъ и можетъ перенести всѣ невзгоды, какія ему въ степи посылаетъ суровая уральская зима.

Наступалъ вечеръ. По деревенской улицѣ прогрохотало нѣсколько тяжелыхъ башкирскихъ телѣгъ; заблеяли овцы, замычали коровы. Отъ рѣки шли цѣлыми полками гуси и неистово гоготали. Надъ мечетью съ громкимъ карканьемъ носилась цѣлая туча воронъ. Это были послѣдніе отзвуки умиравшаго дня. Потомъ все затихло, понемногу успокоилось, и на землю спустились тихія, торжественныя сумерки. Надъ Демой заклубились туманы и закутали верхушки кустовъ противоположнаго берега; на бѣломъ фонѣ тумановъ долго чернѣли силуэты куполовъ и рогатыхъ построекъ, наконецъ все слилось въ одну темную,

спящую массу. Тогда съ высоты минарета, словно откуда-то съ облаковъ, раздался и далеко разнесся по спящей окрестности громкій, заунывный, печально-величественный призывъ муэдзина къ молитвѣ. День конченъ: надо благодарить и славить великаго Аллаха за всѣ щедроты его.

— Алло-о-о!—протяжно, торжественно несется съ высоты.—Эки бэръ Алло, эки бэръ!... Аше хаде Алле!.. Иле ага, иль Алло-о-о!.. Илле Алло-о-о!.. Аше хадэ аннэ, Маханъ-мадэръ Ряссуль-улла-а!.. Хайе галле соло!..Галле соло, хайе галаль фаля-а!.. Галяль фаля-а! Алло-о! Экъ бэръ Алло!.. Иле л-л-о-о-о!...

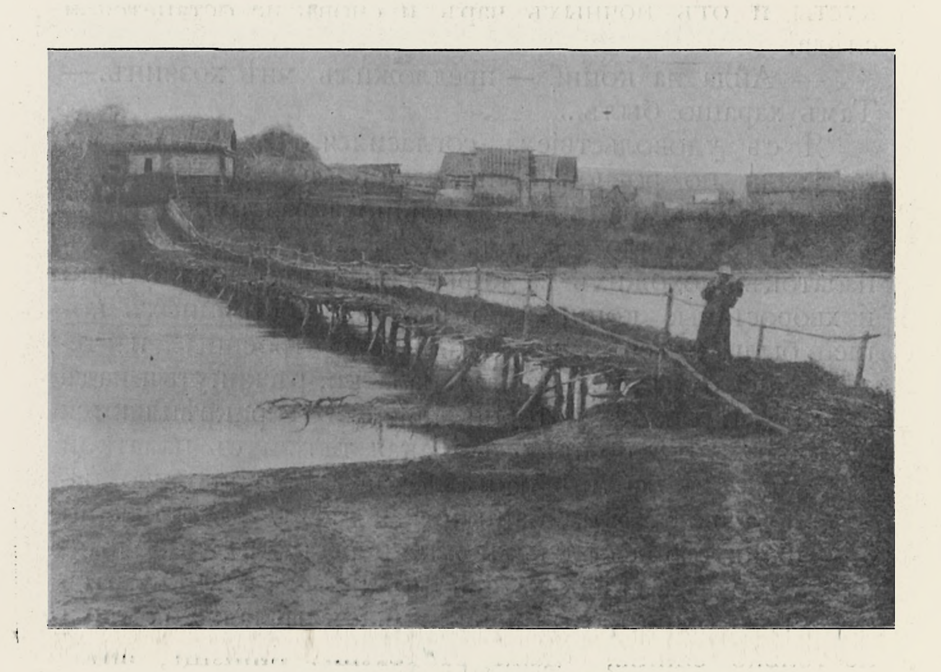

Деревенская мечеть.

Послѣдняя нота кончилась полутономъ, но кончилась не сразу, а незамѣтно растаяла и потерялась въ ночной темнотѣ. При звукѣ этой красивой, поэтической пѣсни каждый правовѣрный, гдѣ бъ онъ ни былъ, садится на землю, поджавъ подъ себя ноги, простираетъ впередъ руки съ поднятыми кверху дланями, чтобы Аллахъ видѣлъ, что душа его открыта также, какъ эти длани, и творитъ молитву. Лицо молящагося обращено къ востоку, въ сторону святой Мекки. Здѣсь нѣтъ ни иконъ, ни образовъ, не курится душистый фиміамъ, но душу правовѣрнаго и безъ всего этого наполняетъ священный трепетъ, лицо его строго, сосредоточенно, а глаза

ушли въ невѣдумую даль. Красиво, искренно молятся правовѣрные.

Кое-гдѣ въ домахъ зажглись огоньки: люди ѣдятъ вкусный *бишъ-бармакъ*,—вареное тѣсто съ кусочками мяса, или *юру*-ячневую похлебку. Что приготовила хозяйка. Кто побѣднѣе, ѣстъ простую *салму*—мучную похлебку съ солью, а кто побогаче—лакомится ду-

Башкирскій мостъ черезъ Дему.

шистымъ *пловомъ,* т.-е. вареннымъ рисомъ съ кусочками мяса, облитымъ масломъ. Бѣдняки запиваютъ молокомъ, а у богачей есть *айрянъ*,—квасъ изъ козьяго молока. Хорошо живется богатымъ: придумщики они. Есть у нихъ и *крутъ*-сыръ изъ кислаго молока, и *курмачъ*—жареный на маслѣ ячмень съ коноплей, и *баламыкъ*—мясо съ крутомъ и мукой, и *чуръ-пари*—мясные пирожки; а у бѣдняка только то и есть, что

салма, бишъ-бармакъ, да *каймакъ,*—топленое молоко. Зато чай съ медомъ и масломъ есть у всякаго. Послѣ ужина люди заваливаются спать на широкихъ лавахъ, на мягкихъ кошмахъ, рядышкомъ, и спятъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не разбудятъ крики пѣтуховъ, гоготаніе гусей, мычаніе коровъ. Тогда уже снимутся курящіеся туманы съ Демы, откроютъ свои верхушки кусты и отъ ночныхъ чаръ и сновъ не останется и слѣда.

— Айда на коши! — предложилъ мнѣ хозяинъ.— Тамъ харашо былъ...

Я съ удовольствіемъ согласился, Въ телѣгѣ мы проѣхали по ровной степной дорогѣ верстъ пять и пріѣхали къ кошамъ. На небольшомъ разстояніи другъ отъ друга стояло нѣсколько круглыхъ, войлочныхъ палатокъ, похожихъ на киргизскія кибитки; но были и хворостяные коши. Кромѣ этихъ постоянныхъ кошей были здѣсь и передвижные, устроенные на телѣгахъ. Это были холщевыя палатки, раскинутыя надъ самой телѣгой, къ которой для этого прикрѣпляются палки въ видѣ подпорокъ. Такая телѣга съ палаткой очень напомнила мнѣ нашу дорогую, неуклюжую, парадную карету; хотя башкирская карета въ сравненіи съ нашей, городской немножко первобытнѣе, ободраннѣе... но въ нашей каретѣ можно спать лишь отъ скуки, въ башкирской же спишь съ наслажденіемъ; и не только спишь, — даже работаешь: пишешь, читаешь, — однимъ словомъ — живешь. Днемъ оводъ не безпокоитъ, ночью не кусаетъ комаръ; и духоты нѣтъ. Такіе передвижные коши устраиваютъ болѣе бѣдные башкиры, но главнымъ образомъ они служатъ для далекихъ разстояній; застала ночь въ далекой степи, ѣхать назадъ поздно, — тутъ и домъ. Палатка всегда готова.

Широко раскинулась ровная, гладкая степь. Нѣтъ ни пригорка, ни кочки. Только въ сторонѣ видна волна увала. Здѣсь стѣной стоитъ созрѣвающая рожь, тамъ

волнистый коверъ проса, а дальше пестрѣютъ луга. Деревьевъ нѣтъ; даже на горизонтѣ не видно лѣсовъ; лишь кое-гдѣ видны рощицы кустовъ. Въ степи широкій просторъ; здѣсь масса воздуха и свѣта, и такъ легко, свободно дышется. Ничто здѣсь не тѣснитъ. Неудивительно, что башкиръ сроднился съ этимъ просторомъ, полюбилъ его и отъ него получилъ свою

Паромъ на Демѣ.

любовь къ свободѣ. Онъ знаетъ степь, какъ свою пасѣку, и въ неясной дали степи за нѣсколько верстъ можетъ различить и замѣтить человѣка. Въ степи онъ замѣчательно развилъ свой глазъ и видитъ, подмѣчаетъ то, чего другой и не подозрѣваетъ. Ровная степь пріучила его къ быстрой верховой ѣздѣ: на своей крѣпкой лошаденкѣ особой породы онъ скачетъ какъ

вихрь, и въ этой быстрой ѣздѣ развилъ стройную, легкую фигуру, ловкость и юркость. Съ глубокой древности до сихъ поръ сохранился у башкиръ широкій весенній праздникъ *сабантай,* можетъ быть посвященный чествованію той же кормилицы степи. Проживъ долгую, холодную зиму въ избѣ, гдѣ онъ зачастую по цѣлымъ днямъ не ѣлъ, башкиръ страшно тощаетъ и бродитъ въ ожиданіи весны, какъ тѣнь. Лошадь его, бывшая всю зиму безъ корма, бродившая безъ призора по степи и добывавшая изъ подъ снѣга себѣ кормъ, къ веснѣ едва влачитъ ноги. Но вотъ настала весна. Какъ будто только ея и нужно было этимъ дѣтищамъ степи; какъ будто тепла и солнца не доставало имъ. Въ двѣ недѣли башкиръ поправляется, какъ ни въ чемъ не бывало: онъ здоровъ, крѣпокъ и жизнерадостенъ. Удивительно выносливый, крѣпкій народъ. И вотъ, передъ началомъ покоса они устраиваютъ широкое празднество-сабантай (иначе „*джіинъ*“), во время котораго происходятъ: и борьба самыхъ сильныхъ, и бѣшеныя скачки. Праздникъ продолжается нѣсколько дней, и заключается въ весельи и обжорствѣ. Башкиры ходятъ другъ къ другу поздравлять съ праздникомъ и вездѣ самое щедрое угощеніе. У каждаго зарѣзанъ баранъ, наварены вкусныя кушанья, заготовлено много кумыса. Количество съѣдаемаго каждымъ просто неимовѣрно; другой давно умеръ бы отъ такой безпрестанной, обильной ѣды, а башкиру ничего; онъ даже здоровѣе становится. Проникаетъ сюда и вино, запрещенное Магометомъ, а кумысъ льется рѣкой; подгулявшіе башкиры начинаютъ пѣть и плясать. Выступаютъ на ровное мѣсто борцы, и вокругъ нихъ сразу образуется живая стѣна любопытныхъ зрителей. Начинается борьба. При силѣ и юркости башкира побороть его очень трудно; борьба продолжается долго, при крикахъ и замѣчаніяхъ зрителей; побѣдителю назначается награда. Самая красивая дѣвушка должна поднести самому

сильному вышитый платокъ. Башкиры тѣшатся какъ дѣти; всякъ захваченъ всей душой, заинтересованъ и смѣется; здѣсь нѣтъ угрюмыхъ, сдержанныхъ лицъ, которыя встрѣчаются въ самой веселой русской толпѣ. Но на скачкахъ веселье доходитъ до неистовства. Башкиры жадно смотрятъ на мчащихся наѣздниковъ, кричатъ, машутъ руками, понукаютъ, выходятъ изъ

Лѣтнее жилище башкира.

себя. Лучшему наѣзднику та же награда И долго потомъ будутъ передавать башкиры другъ другу всѣ событія минувшаго праздника, и жить воспоминаніями о немъ.

— Зачѣмъ не ѣхалъ на нашъ джіинъ, — говорилъ хозяинъ. — Весело былъ, хорошъ былъ, мало-маля гулялъ. Садыкъ сильный былъ, меня на земля крѣпко валялъ...

— А вотъ этого не повалилъ-бы,—сказалъ я, указывая на Малая.

— Тхэ!.. Его тоже валялъ. Садыкъ-булно сильный былъ, всѣхъ валялъ.

— Ну, его то не повалитъ.

Достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы разжечь азартъ башкира, и вскорѣ онъ убѣжалъ въ одинъ изъ кошей, чтобы разсказать о новомъ прибывшемъ силачѣ. Это всѣхъ раззадорило; работы по боку, успѣютъ: прежде всего надо посмотрѣть, какъ будетъ бороться пришлецъ съ такимъ прославленнымъ силачемъ, какъ Садыкъ, поборовшій столько народа Далеко еще было до вечера, когда къ нашему кошу началъ стекаться народъ. Первые нѣсколько человѣкъ пришли тихой, спокойной поступью, какъ будто ни за чѣмъ. Вѣжливо здороваются, подаютъ руки. Начало было положено, и слѣдующіе нѣсколько человѣкъ пришли болѣе торопливо, словно по дѣлу, а остальные, видя собравшуюся кучку, уже не шли, а бѣжали. Пришелъ и Садыкъ, здоровенный, рослый парень. Борцы стоили другъ друга, но при первомъ взглядѣ на нихъ видно было, что Садыку не устоять. Малай былъ словно скованъ изъ желѣза. Оба схватились среди круга жадныхъ зрителей. Садыкъ былъ очень самоувѣренъ и горячился, но почувствовавъ въ желѣзномъ Малаѣ достойнаго соперника, сталъ осторожнымъ. Болѣе получаса возились они, сжимая другъ друга желѣзными объятіями; башкиры словно застыли, созерцая борьбу; они всей страстностью кочевой натуры принимали въ ней участіе, и вдругъ раздался общій крикъ. Садыкъ лежалъ на землѣ, а на него всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ навалился Малай. Было о чемъ негодовать: деревенская слава погибла отъ рукъ пришельца. Садыкъ былъ сконфуженъ, а Малай по дѣтски улыбался. Назначили еще схватку, потомъ еще третью,— увы! Малай былъ непобѣдимъ и сдѣлался героемъ вечера. Его потащили въ коши и началось неурочное угощеніе.

Такъ развлекаются башкиры.

Наступилъ вечеръ. Хозяинъ предоставилъ мнѣ палатку на телѣгѣ, и я съ удовольствіемъ расположился на ночлегъ въ этой каретѣ, въ которой вмѣсто пружинныхъ подушекъ было положено въ изобиліи свѣжее, душистое сѣно. Но спать не хотѣлось. Лежа на сѣнѣ, я смотрѣлъ чрезъ открытую занавѣску на степь, залитую свѣтомъ луны. Какое глубокое небо, какая тишина нависли надъ плоской степью! Ни шелеста, ни

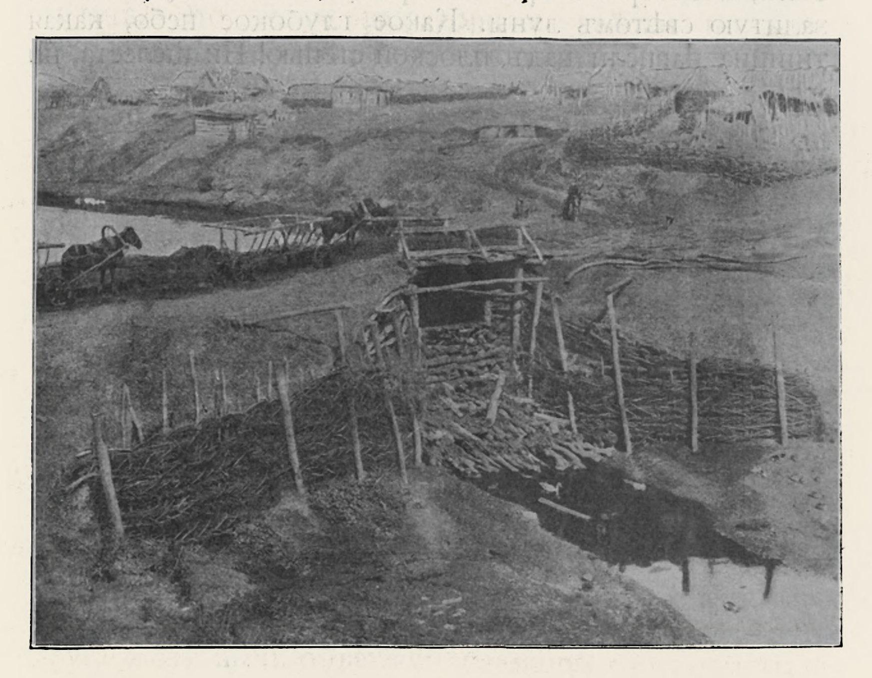

Палатка на телѣгѣ.

звука,—не откликнется ни одна какая нибудь ночная птичка. Степь застыла, очарованная луной, окованная ея бѣлесовато-зеленымъ, фосфорическимъ налетомъ. Что-то строгое, безжалостное есть въ этомъ скованномъ спокойствіи степи, она словно не умѣетъ мечтать по ночамъ, не любитъ поэзіи; безжалостно ровно, плоско ширится она, теряясь гдѣ то въ ночной дали и одно лишь навѣваетъ впечатлѣніе, именно: впечатлѣніе необыкновеннаго простора и воздушности. Степь — это широкій размахъ природы. И что сдѣ-

лается со степью, если вдругъ по ней загуляютъ вѣтры? Какая подымется тутъ музыка! Но пока что степь безмятежно спитъ, словно затаивъ дыханіе, потому что громада воздуха повисла надъ ней и не колышется.

И вдругъ изъ нѣдръ этой мертвой тишины раздался и нерѣшительно, стыдливо пронесся по степи то-

Мельничная плотина.

скливо-унылый звукъ флейты. Въ ночной тишинѣ чья-то душа жаловалась печальными звуками. Понемногу звуки крѣпли и начинали властвовать надъ степью; они были такіе же ровные, безъ рѣзкихъ переходовъ, такіе же уныло однообразные, какъ и степь; она вылилась въ нихъ, въ звукахъ отразилась степь, и то, и другое слилось въ одной общей, меланхолической гармоніи. Чудно красива была эта незатѣйливо-

простая пѣсенка, состоявшая всего на всего изъ пяти-шести протяжныхъ, мелодическихъ нотъ; лучшій оркестръ въ мірѣ не далъ бы здѣсь такого настроенія, не передалъ бы такъ сильно и поэтично впечатлѣнія живой природы; здѣсь можно убѣдиться, что музыка, вылившаяся изъ нетронутой, поэтической души народа—это живой языкъ природы, это сама природа.

Я вышелъ изъ своей палатки и пошелъ по направленію звуковъ. Невдалекѣ отъ коша на травѣ полулежалъ башкиръ; онъ держалъ въ рукахъ простую ивовую дудку, длиною около аршина, толщиною съ палецъ, и изъ-нея то, перебирая пальцами по дырочкамъ, извлекалъ тоскливые звуки флейты. Простой донельзя инструментъ, а какъ онъ хорошъ здѣсь, въ степи! ни гармоника, ни скрипка, ни рояль, никакой другой инструментъ въ мірѣ, только эта дудка-*чибизга* умѣстна здѣсь въ степи, погруженной въ глубокую, тихую ночь, залитую фосфорическимъ свѣтомъ луны. По моей просьбѣ башкиръ сыгралъ нѣсколько пѣсенокъ, и всѣ онѣ были съ такимъ же унылымъ, протяжнымъ, однообразно-ровнымъ безъ всякихъ скачковъ мотивомъ. Переходы нотъ мелодичны и мягки и заканчивается мелодія полутономъ.

— А пѣсни умѣешь пѣть?—спросилъ я.

— Мой знаетъ многа пѣсня... «Во садику садочку!..»—неожиданно затянулъ башкиръ.

— Не надо, не надо!.. Это я знаю!.. Ты свою спой, башкирскую.

Онъ спѣлъ мнѣ нѣсколько «баскирска» пѣсенокъ на тѣ же мотивы, которые игралъ на дудкѣ, но словъ я къ сожалѣнію не понялъ и не записалъ.

— А сказку знаешь? Разскажи какую-нибудь сказку.

— Скаска? Мой знаетъ булно харошъ скаска, булно балсой скаска. Мой знаетъ скаска о... Онъ показалъ рукой на луну, очевидно забывъ названіе ея по-русски.

— О мѣсяцѣ?—спросилъ я.

— Да, да! О мѣсяцѣ.

И онъ разсказалъ мнѣ интересную сказку про луну. Эту башкирскую легенду я не совсѣмъ ясно понялъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, какимъ говорилъ башкиръ, но впослѣдствіи возстановилъ въ памяти, насколько могъ.

Ночь длилась такая же волшебно-фосфорическая, и царству ея, казалось, не будетъ конца. Звѣзды перемѣнились; Большая Медвѣдица поднялась выше, а на востокѣ заиграла утренняя звѣзда. Луна, словно недовольная, что о тайнахъ ея разсказываетъ какое-то ничтожное существо, маленькій человѣчекъ, букашкой лежащій въ травѣ, начала блѣднѣть. Но долго раздавался въ степи повѣствующій голосъ башкира и смолкъ лишь тогда, когда гдѣ-то далеко прокричали утренніе пѣтухи и когда степь, потерявъ свои фосфорически-зеленыя ночныя одежды, начала принимать сѣроватую дневную окраску.

Башкиры большіе любители музыки. Въ ихъ пѣсняхъ, которыя они складываютъ иногда сами же, почти всегда восхваляется геройство. Въ старинныхъ ихъ пѣсняхъ воспѣвается дикій разгулъ степей, свободная, привольная жизнь кочевника и широкое веселье; въ новѣйшихъ пѣсняхъ звучатъ заунывно-скорбныя ноты, жалоба на порабощеніе и затаенная месть. Вся многострадальная исторія башкира вылилась въ его скорбной пѣснѣ. Рѣдкій башкиръ не знаетъ пѣсенъ о Салаватѣ, этомъ послѣднемъ башкирскомъ героѣ-богатырѣ, возставшемъ за свободу угнетенной родины, оказавшемъ такъ много воинскихъ подвиговъ.

Степь просыпалась. Кое-гдѣ у кошей уже суетились женщины, разводили очаги, кипятили чай. Показались и мужчины, и полунагія дѣти. Слышался лязгъ натачиваемой косы; гдѣ-то въ степи ловили скакавшихъ лошадей... Я уснулъ въ своей кибиткѣ и проснулся лишь тогда, когда солнце уже высоко стояло на небѣ.

Косьба проса. Коса съ граблями.

Была пора косьбы проса. Поля находились далеко отъ кошей, туда надо было ѣхать верхомъ. На поляхъ кипѣла работа. Широко размахивая своими могучими косами, башкиры косили созрѣвшее просо. Надъ косой устроенъ смычекъ, нѣчто въ родѣ грабель, для того, чтобы въ одно и то же время косить и откидывать въ сторону, въ грядку, скошеное просо. Кое-гдѣ на поляхъ работаютъ и женщины; ихъ ярко красные наряды красиво выдѣляются на фонѣ желтой соломы или зелени. Среди поля стоитъ телѣга съ поднятыми кверху оглоблями; къ нимъ на веревкѣ подвѣшена люлька, а въ ней лежитъ неприкрытый ребенокъ. Продолговатый ящикъ изъ лубка, къ нему прикрѣпленъ простой обручъ для подвѣски,—вотъ и вся люлька. Но для чего къ люлькѣ привязана собака? Неужели для того, чтобы воронье и коршунье не унесло ребенка изъ люльки? Нѣтъ; объ этомъ никто не заботится. Эта собака просто-на-просто качаетъ люльку. Работая, люди отойдутъ далеко отъ телѣги, и когда ребенокъ заплачетъ, то не бѣжать же каждый разъ къ нему, не бросать-же работу; смышленая мать начинаетъ звать тогда собаку. Собака бѣжитъ на зовъ, дергаетъ веревку, на которой она привязана къ люлькѣ и такимъ образомъ раскачиваетъ люльку. Убаюканный ребенокъ успокаивается, чего и надо было достигнуть. Очень просто. Немножко диковиннно, но остроумно. Башкирская собака стоитъ того, чтобы на нее обратить вниманіе. Она какой-то особой породы, большая, на высокихъ ногахъ, съ небольшой головой, желтоватая; худая, какъ скелетъ. Чѣмъ только она жива, неизвѣстно! Никто никогда ее не кормитъ. Изрѣдка лишь достанутся ей бараньи потроха, когда бьютъ барана, и кости; еще рѣже—падаль; и за эту скромную пищу она сторожитъ человѣка, служитъ ему и ютится около него, какъ около благодѣтеля, хотя на нее никто здѣсь не обращаетъ вниманія. Собака эта—степенная или скучная неизвѣстно—рѣдко лаетъ попусту,

но очень смышлена и добросовѣстно несетъ свои обязанности. Даже укачиваетъ дѣтей. Вообще животныя, за исключеніемъ лошади, не пользуются любовью башкира, но даже о кормѣ для лошади онъ очень мало заботится. Разсужденіе у него при этомъ такое: я не каждый день ѣмъ, а слава Аллаху и Магомету,

Люлька въ полѣ.

пророку его, живъ; и вы тоже должны быть живы; а придетъ праздникъ—всѣ отъѣдимся.

Полевыя работы башкиръ выполняетъ довольно небрежно. Не въ натурѣ его слишкомъ большая заботливость о будущемъ; онъ довольно безпеченъ. Симпатичной стороной его характера можно считать нелюбовь къ корысти, къ стяжанію, чего нельзя сказать про другихъ, сосѣднихъ азіатскихъ народовъ: татаръ, мещеряковъ, киргизъ и др. Наоборотъ, нагайбаки, на-

родъ башкирскаго происхожденія, отличаются той же безпечностью и широтой, доходящей до безкорыстія. Само собой разумѣется, это безкорыстіе разорительно; но работать до упаду надъ неблагодарной пашней башкиръ не хочетъ и ярму рабскаго труда предпочитаетъ хотя и голодную, зато вольную жизнь по душѣ. И пашню свою онъ обрабатываетъ кое какъ; зем-

Башкирскіе стога.

лю взроетъ на два-три верешка, кое какъ запашетъ и получаетъ жатву въ три раза меньше той, какую могъ бы дать ему тучный черноземъ. Рожь на гумнѣ онъ рѣдко сушитъ: на это нуженъ лѣсъ, а гдѣ его достанешь въ степи,—и ѣстъ ее сыромолотную. Но въ одной изъ деревень я видѣлъ интересный овинъ. Это была простая яма, надъ которой былъ построенъ пирамидой

шалашъ изъ жердей; въ ямѣ разводятъ огонь, а на жерди сверху накладываютъ вплотную снопы; получается цѣлый стогъ, который весь дымится. Тепло и дымъ проходитъ чрезъ щели межъ жердей и почему этотъ стогъ не запылаетъ отъ искры—просто уму непостижимо; это знаетъ только башкиръ. Стогъ башкира сильно отличается отъ русскаго стога; въ то время какъ русскій стогъ на Уралѣ имѣетъ неширокое основаніе, поставленное на адонье, и чѣмъ выше, тѣмъ становится шире, напоминая такимъ образомъ котелъ, башкирскій стогъ наоборотъ—широкъ въ основаніи, чѣмъ выше, тѣмъ становится уже и заканчивается наверху однимъ снопомъ. Богатыя башкирскія деревни обставлены иногда цѣлой ратью такихъ гигантскихъ стоговъ, изъ-за которыхъ не видно и самой деревни. Но богатые башкиры иначе и обрабатываютъ пашни; у многихъ есть новѣйшіе плуги, сѣялки, вѣялки, жатвенныя и другія машины. Эти башкиры очень юркіе земледѣльцы.

Овинъ въ ямѣ.

Вообще башкиры, и богатые и бѣдные, большіе выдумщики и изобрѣтатели. Этому живому, вѣчно неспокойному мозгу недостаетъ образованія. Въ русскихъ деревняхъ все одинаково, шаблонно, какъ заведено испоконъ вѣку; въ башкирскихъ же деревняхъ всегда най-

дется что-нибудь новое, всюду натолкнетесь на мысль. Въ одной деревнѣ башкиръ устроилъ надъ своимъ колодцемъ насосъ, въ то время, какъ вся деревня черпаетъ воду журавлями; зачѣмъ двигать тяжелый журавль, въ особенности женщинѣ, когда стоитъ лишь подставить ведро подъ желобъ и нѣсколько разъ надавить ручку насоса. Устраненъ лишній тяжелый трудъ.

Точило.

Въ другомъ мѣстѣ вы увидите хитроумную ригу въ ямѣ, и другой такой риги уже нигдѣ не найдете; въ третьемъ есть домашняя мельница съ деревянными жерновами, которые вертятъ руками. Вотъ самое обыкновенное точило. Вы думаете—это корытце, поставленное на ножки, въ корытцѣ вода, а на края его упирается желѣзной осью точильный камень? Нѣтъ! Это просто два колышка, вбитыхъ въ землю; наверху

у каждаго колышка торчитъ въ сторону сучекъ; на пазухи этихъ сучковъ, на рогатки и опирается ось точила. Одинъ держитъ топоръ, другой вертитъ и поливаетъ камень. Очень просто. А вотъ колода для корма скота, выдолбленная изъ гигантскаго кряжистаго дерева. Ширина ея два аршина, длина семь аршинъ. Откуда взялось въ безлѣсной степи это ка-

Ручная мельница.

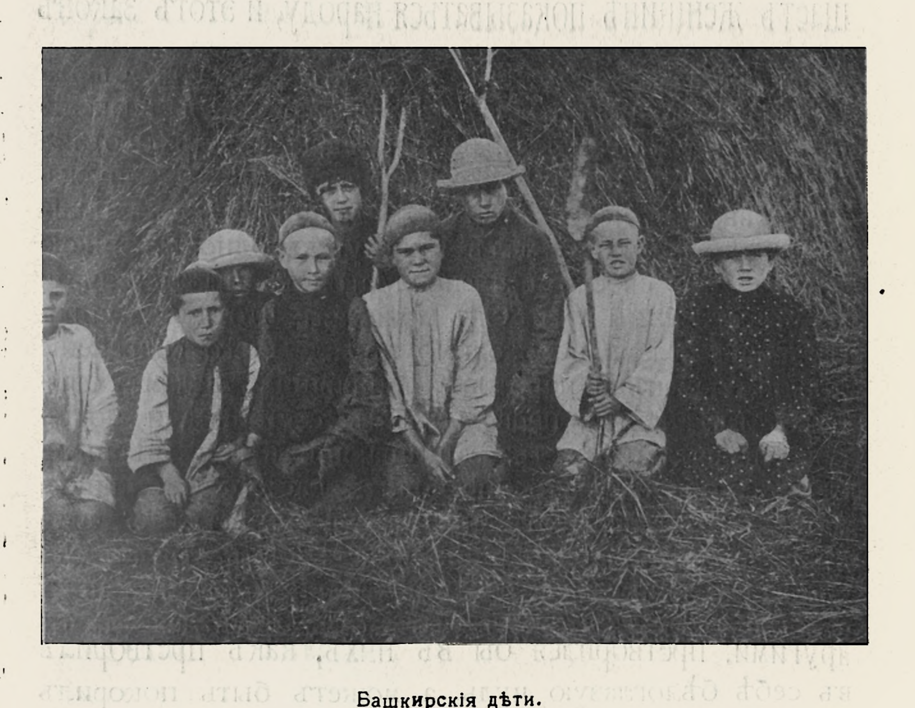
лифорнійское дерево! Еслибъ колода не была такъ тяжела, она могла бы служить хорошей лодкой, въ которой помѣстилось бы не менѣе пятнадцати человѣкъ. И къ чему башкиру такая гигантская посудина, когда у него всего-то двѣ лошади, три коровы да пять овецъ! Можетъ быть у него были когда-нибудь цѣлыя стада, въ тѣ времена, когда расли такія деревья. Въ другомъ мѣстѣ такой же почтенный пень испол-

няетъ обязанность вѣчнаго столба, на которомъ висятъ ворота. Издали онъ кажется какимъ-то уродливымъ чудовищемъ, настолько онъ кряжистъ и рогатъ. Вверху пень раздваивается, одинъ стволъ пошелъ направо, другой налѣво; получились двѣ руки, каждая еъ хорошее мачтовое бревно толщиной. На лѣвое плечо легла толстая жердь, на которой покоится крыша навѣса, а въ правомъ плечѣ просверлена дыра и въ нее вставленъ столбъ, на которомъ какъ на оси ходитъ все прясло воротъ. Извѣстно, ворота капризная вещь; вѣчно одинъ конецъ отяжелѣетъ и тащится по землѣ; не угодно ли каждый разъ приподымать такой грузъ; лишній разъ трудиться. Почтенный пень и тутъ служитъ службу. Отъ передняго конца воротъ, имѣющаго склонность всегда опускаться на землю, идетъ къ верхушкѣ пня ивовый шнуръ, который поддерживаетъ передній конецъ и не даетъ ему опуститься; строптивыя ворота разъ навсегда побѣждены. И всюду у башкира видна техническая смѣтливость и желаніе возможно облегчить тяжелый, излишній трудъ. А сколько фантазіи и сообразительности у него положено въ постройкѣ избы, въ хитроумныхъ клѣтушкахъ, въ мельничныхъ плотинахъ? Глубоко жаль этого смышленнаго, добродушнаго, крѣпкаго народа, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вымирающаго отъ нищеты, отъ внѣшнихъ условій жизни.

Вымираніе башкиръ происходитъ главнымъ образомъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Взрослые башкиры крѣпки и выносливы, но дѣти съ трудомъ переносятъ тяжелыя условія жизни. Голодъ и холодъ уносятъ много дѣтскихъ жизней. На почвѣ нищеты, недоѣданія и грязи развиваются всякія болѣзни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Башкиріи разразился тифъ; при здоровыхъ, нормальныхъ условіяхъ его легко можно было прекратить; но онъ нашелъ здѣсь себѣ такую благодарную почву, что унесъ болѣе четверти башкирскихъ дѣтей. Теперь башкиръ насчитывается не болѣе полу-

милліона душъ и число это съ каждымъ годомъ сокращается.

Башкирскія дѣти замѣчательно симпатичны и въ большинствѣ красивы. Встрѣчаются очень осмысленныя, живыя дѣтскія лица. Сначала они со страхомъ относятся къ чужеземцу и съ жаднымъ любопытствомъ высматриваютъ изъ всѣхъ щелей двора, какъ дикіе

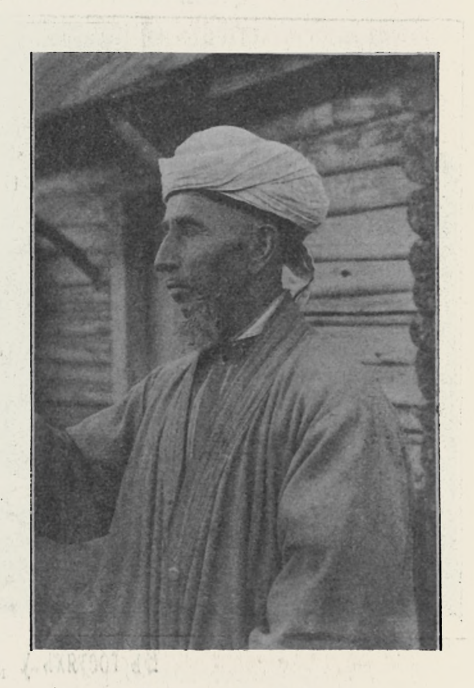
Башкирскія дѣти.

звѣрьки; понемногу они осмѣливаются, подходятъ ближе и черезъ нѣсколько минутъ уже суетятся возлѣ, съ рѣдкой довѣрчивостью и болтливостью. Просто удивляешься ихъ подвижности, юркости; тяжеловѣсныхъ, медлительныхъ фигуръ здѣсь нѣтъ, а торопливости, живости сколько угодно. Лица загорѣлыя, глаза большіе, волосы стриженные. Мальчики полунагіе, одѣты иногда въ одну рубашенку; болѣе богатые носятъ

небольшой халатъ, на головѣ тюбетейка, войлочная или соломенная шляпа. Но въ толпѣ мальчиковъ никогда не увидишь ни одной дѣвочки. Совмѣстныхъ игръ, совмѣстнаго дѣтства здѣсь нѣтъ: мальчики особо, дѣвочки особо. Родители не пускаютъ дѣвочекъ въ компанію мальчиковъ и воспитываютъ ихъ обособленно съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Законъ Магомета запрещаетъ женщинѣ показываться народу, и этотъ законъ башкиры, какъ и татары, и мещеряки безъ нужды переносятъ на дѣтей. Этотъ законъ Магомета, съ нашей современной точки зрѣнія не имѣетъ значенія вѣчной нравственности, наоборотъ, грѣшитъ противъ нея. Многіе башкиры уже понимаютъ это и допускаютъ дѣвочекъ къ играмъ съ мальчиками; но въ большинствѣ дѣвочки ведутъ замкнутую, одностороннюю жизнь. Для своего времени Магометъ былъ великій государственный умъ. Онъ понималъ, что для распространенія ислама, необходимо прежде всего сохраненіе жизни племенъ и народовъ, принявшихъ исламъ, бывшихъ въ дикомъ, первобытнымъ состояніи, и постановилъ рядъ правилъ, защищающихъ правовѣрныхъ отъ вымиранія. Такое правило и касается женщины, матери. Но теперь эти правила давно отжили свой вѣкъ. Конечно неизвѣстно: можетъ быть только эти желѣзныя рамки и сохранили башкиру до сихъ поръ его физіономію. Можетъ быть онъ смѣшался бы съ другими, претворился бы въ нихъ, какъ претворилъ въ себѣ бѣлоглазую чудь, а можетъ быть покорилъ бы другихъ, еслибъ далъ свободу и мужское воспитаніе женщинѣ. У насъ въ Россіи замкнутость женщины была еще въ XVII вѣкѣ, и еще до сихъ поръ русская женщина обособлена; но свобода только усиливаетъ народъ и страну. Многіе сибирскіе инородцы, не знающіе ислама, до сихъ поръ сохранили свое племя, между тѣмъ многіе мусульманскіе народы вымираютъ. Изъ этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что насколько понятно было правило Магомета для древ-

нихъ нравовъ, настолько оно вредно теперь, и ради своей же пользы, своего существованія исламъ долженъ будетъ освободить женщину отъ ея рабства.

Школъ для дѣвочекъ въ Башкиріи нѣтъ, но для мальчиковъ есть въ каждой деревнѣ. Учителемъ является деревенскій мулла. Учатся башкиры по своему, татарской грамотѣ, но нѣтъ ни одного башкира, который былъ бы неграмотенъ. Въ этомъ они опередили русскихъ, у которыхъ, какъ извѣстно, считается 75% неграмотныхъ. Но теперь башкиры устраиваютъ у себя настоящія школы, въ которыхъ обучаютъ дѣтей не только исламу и грамотѣ, но и русскому языку. Для этого есть въ Уфѣ спеціальная семинарія, выпускающая учителей - магометанъ. Съ однимъ изъ такихъ учителей я близко познакомился. Онъ зналъ арабскій, татарскій, башкирскій и русскій языки и обученіе въ школѣ велъ по новѣйшимъ методамъ. Онъ скорбѣлъ о томъ, что только по буквѣ ислама дѣвочки лишены образованія и отдѣлены отъ мальчиковъ.

Мулла—башкиръ.

Въ бѣдныхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ школъ, грамотѣ обучаютъ муллы. Они пользуются большимъ уваженіемъ и почетомъ отъ населенія. Обыкновенно деревенское духовенство состоитъ изъ муллы, моэдзина и ахуна или имана, церковнаго старосты. Жалованье имъ платитъ

населеніе. Назначаются они совѣтомъ духовенства, состоящимъ при муфтіи въ Уфѣ, и съ назначеніемъ получаютъ право носить чалму. Впрочемъ, каждый мусульманинъ, побывавшій въ Меккѣ, имѣетъ право носить чалму и называться *хаджи*. Такихъ хаджи среди богатыхъ башкиръ довольно много.

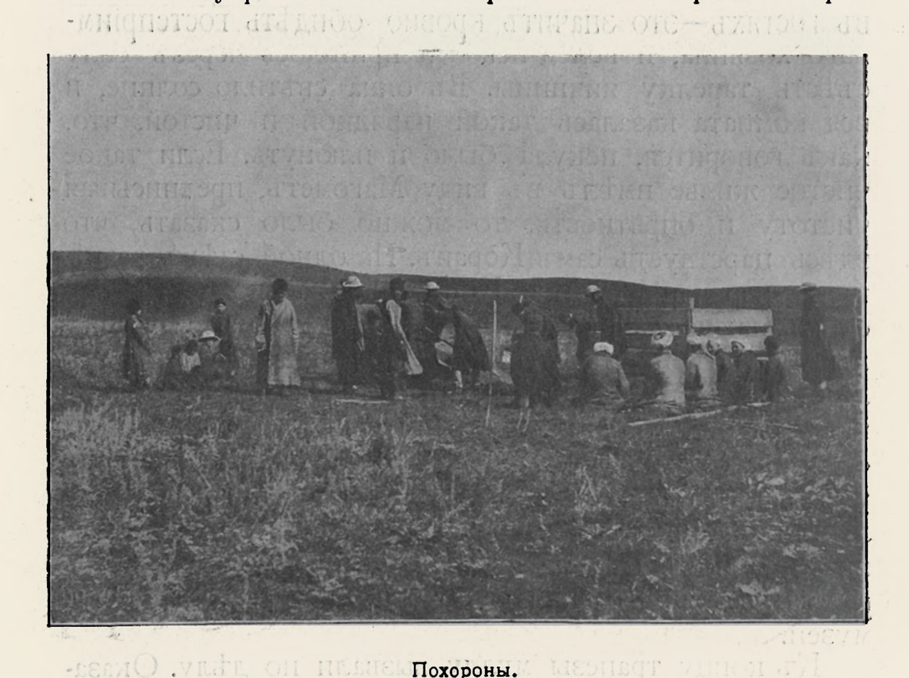
Въ гостяхъ у муллы.

Муллы — это умные и хитрые люди, въ большинствѣ случаевъ состоятельные, такъ какъ не проживаютъ своего достоянія. Нѣкоторые изъ нихъ хорошіе хозяева-земледѣльцы. Съ муллой пріятно поговорить; у многихъ изъ нихъ настоящая философская складка ума. Держатся они съ достоинствомъ, но пришлому гостю оказываютъ скрытое уваженіе и радушіе. Одинъ мулла пригласилъ меня въ гости. Когда я пришелъ, у него уже было двое гостей, мѣстныхъ жителей. Всѣ

усѣлись за трапезу. На полу, на коврѣ поставили самоваръ, посуду и закуску, а кругомъ, поджавъ подъ себя ноги, усѣлись гости и хозяинъ. Поджалъ подъ себя ноги и я, чтобы не нарушать обычая. Хозяинъ былъ очень радушенъ. Закуска состояла изъ меда, молока, масла, яичницы и какихъ-то лепешекъ. Я былъ сытъ и отъ ѣды отказался; но оказалось, что не ѣсть въ гостяхъ—это значитъ кровно обидѣть гостепріимнаго хозяина, и волей-неволей пришлось черезъ силу съѣсть тарелку яичницы. Въ окна свѣтило солнце, и вся комната казалась такой нарядной и чистой, что, какъ говорится, некуда было и плюнуть. Если такое чистое жилье имѣлъ въ виду Магометъ, предписывая чистоту и опрятность, то можно было сказать, что здѣсь царствуетъ самъ Коранъ. На одной стѣнѣ развѣшены изреченія святого Корана на арабскомъ и татарскомъ языкахъ, а остальныя стѣны украшены красными узорчатыми полотенцами. Полотенца, узоръ — это лучшее украшеніе жилища правовѣрнаго. Какъ жалки кажутся съ этой живой живописью наши преміи къ «Нивѣ», «Родинѣ» и другимъ лубочнымъ изданіямъ, украшающія русскіе дома! Здѣсь я видѣлъ такія коллекціи рисунковъ и цвѣтныхъ узоровъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ нашихъ научныхъ музеевъ. Любую комнату муллы можно цѣликомъ перенести въ любой музей.

Къ концу трапезы муллу вызвали по дѣлу. Оказалось, въ ближайшемъ лѣсу одного башкира убило деревомъ, которое онъ рубилъ. Вскорѣ собралось духовенство, и всѣ отправились въ лѣсъ. Пошелъ туда и я. Несчастный башкиръ лежалъ придавленный большимъ деревомъ, раздробившимъ ему грудь. Сюда собралась вся деревня. Спустя четыре часа послѣ его смерти, его уже несли на простыхъ носилкахъ — дрогахъ, сдѣланныхъ тутъ же въ лѣсу, на кладбище. Недоходя кладбиша, процессія остановилась въ полѣ, обратившись лицомъ къ востоку. Муллы пропѣли похо-

ронную молитву, и процессія тронулась дальше. Могила уже была выкопана. Глубиной она не болѣе двухъ аршинъ. Покойника хоронятъ въ сидячемъ положеніи, безъ всякихъ гробовъ, прямо сажая на землю. Лицо его обращено къ востоку. Могилу спѣшно зарываютъ землей. Голова покойника находится на глубинѣ не болѣе полуаршина отъ поверхности. Похоронная про-

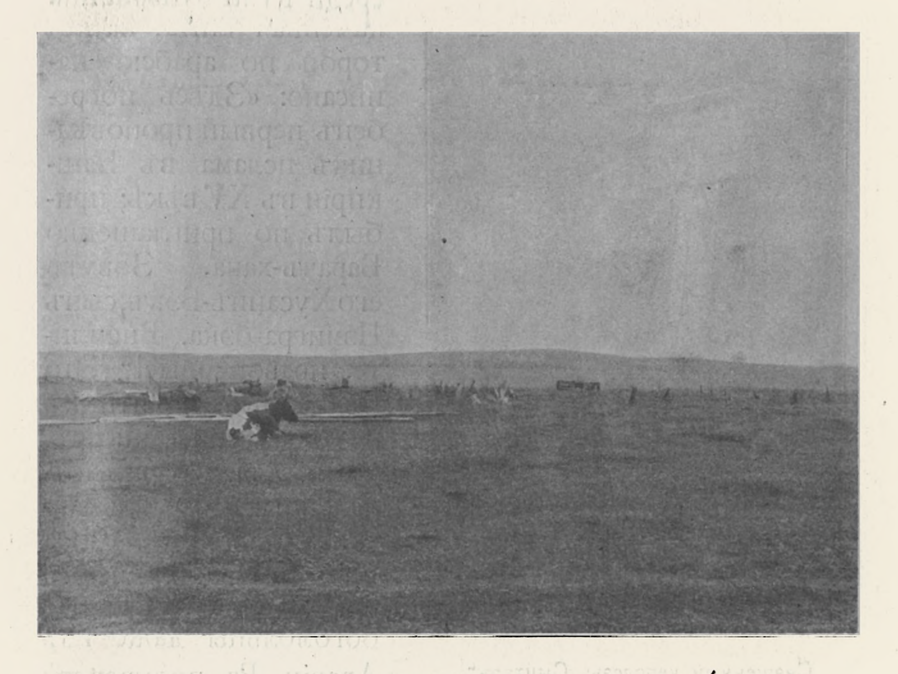

Похороны.

цедура продѣлывается у башкиръ очень быстро. Человѣкъ кипѣлъ, работалъ полный силъ, а черезъ четыре часа уже лежитъ въ землѣ, погребенный навѣки. Исполнивъ похоронный обрядъ, муллы расходятся домой, а надъ могилой громко рыдаетъ и причитаетъ безутѣшная вдова, не ждавшая такой скорой разлуки съ мужемъ.

Башкирскія кладбища мало красивы. Расположены они большей частью въ открытыхъ, степныхъ мѣстахъ,

и очень рѣдко въ рощахъ. Изгородь не охраняетъ покоя мертвецовъ; прямо въ степи видѣнъ рядъ низкихъ съ закругленной верхушкой камешковъ-плитъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ вырѣзаны надписи и изрѣченія Корана. Иные могилы просто засыпаны булыжникомъ,— то могилы бѣдняковъ, какъ у насъ безкрестныя могилы. Унылый и скучный видъ. По кладбищу иногда

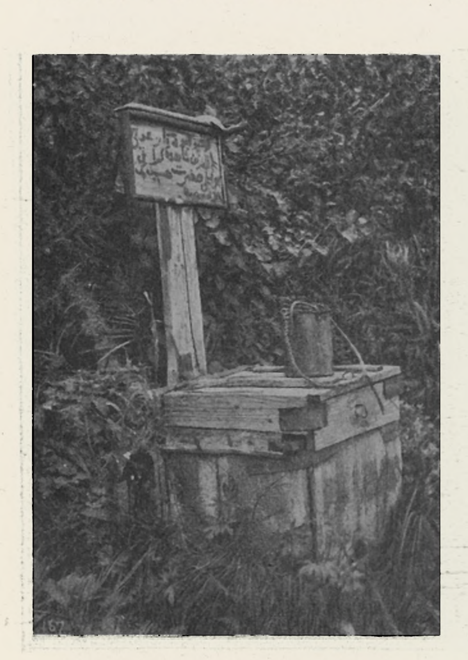

Башкирское кладбище.

бродятъ коровы и, сказать правду, оживляютъ этотъ скучный городъ мертвецовъ.

Но когда-то башкиры умѣли строить красивые надгробные памятники и мавзолеи своимъ подвижникамъ и великимъ людямъ. Интереснѣйшій изъ такихъ памятниковъ, являющійся достояніемъ науки, находится близъ большой деревни Чишмы, недалеко отъ Уфы. Это полуразрушенный мавзолей, стѣны котораго изъ

булыжника имѣютъ толщиной одинъ аршинъ, въ высоту четыре аршина, общая же форма—четырехъугольникъ, каждая сторона котораго сажени три. Внутри видны обрушившіеся своды и граненные углы. Мѣсто это и весь памятникъ заросли высокой травой, а внутри выросла дикая яблоня, украшающая внутренность мавзолея. Около одной изъ внутреннихъ стѣнъ стоитъ среди кучи булыжника каменная плита, на которой по арабски написано: «Здѣсь погребенъ первый проповѣдникъ ислама въ Башкиріи въ XV вѣкѣ; прибылъ по приглашенію Барачъ-хана. Зовутъ его Хусайнъ-Бэкъ, сынъ Измигра-бэка. Внемлите, правовѣрные!“ Это священный памятникъ не только для башкиръ, но и для самыхъ отдаленныхъ мусульманскихъ народовъ. Сюда приходятъ поклониться праху великаго святого богомольцы даже изъ Аравіи. Въ полуверстѣ отъ памятника, подъ горой, въ низинѣ, образуемой разливами Демы, гдѣ начинаются кусты, стоитъ священный колодезь „Сынтаръ“. Изъ высокой травы выходитъ небольшой срубъ обшитый досками; къ задней сторонѣ сруба прикрѣпленъ столбъ, а на немъ доска съ арабской надписью. Ключъ закрытъ сверху доской, на которой стоитъ ведерко, а на самомъ верху столба хранится желѣзный ковшикъ. Правовѣрный, побывавъ на могилѣ святого,

Священный келодезь „Сынтаръ“.

считаетъ своимъ священнымъ долгомъ испить цѣлебную для души воду ключа. Ведеркомъ достаетъ онъ воду изъ колодца, ковшикомъ черпаетъ изъ ведра и пьетъ, а затѣмъ ставитъ посуду на свое мѣсто, чтобы и другимъ можно было сподобиться благодати великаго Аллаха. Въ началѣ лѣта здѣсь бываетъ масса паломниковъ-мусульманъ.

Могила Хусайнъ - Бэка.

Невдалекѣ отсюда находится рядъ деревень, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ—Терьмовъ. Въ одной изъ нихъ, именно въ Средней Терьмѣ находится второй, сохранившійся до сихъ поръ башкирскій памятникъ. Онъ важенъ не столько въ историческомъ, сколько въ архитектурномъ отношеніи, такъ какъ даетъ понятіе о стилѣ, бывшемъ когда-то у башкиръ. До сихъ поръ памятникъ не излѣдованъ, а между тѣмъ онъ во

всей Башкиріи—единственный, постепенно разрушается. Стоитъ онъ среди степи, на высокой горѣ, откуда открывается широкій видъ на всю окрестность. Далеко внизу стоятъ всѣ три Терьмы: Большая, Средняя и Малая; эти громадныя селенія съ нѣсколькими мечетями кажутся совсѣмъ маленькими. Мѣстность здѣсь сильно взволнована увалами; на самомъ высокомъ хол-

Степная деревня „Терьмы“.

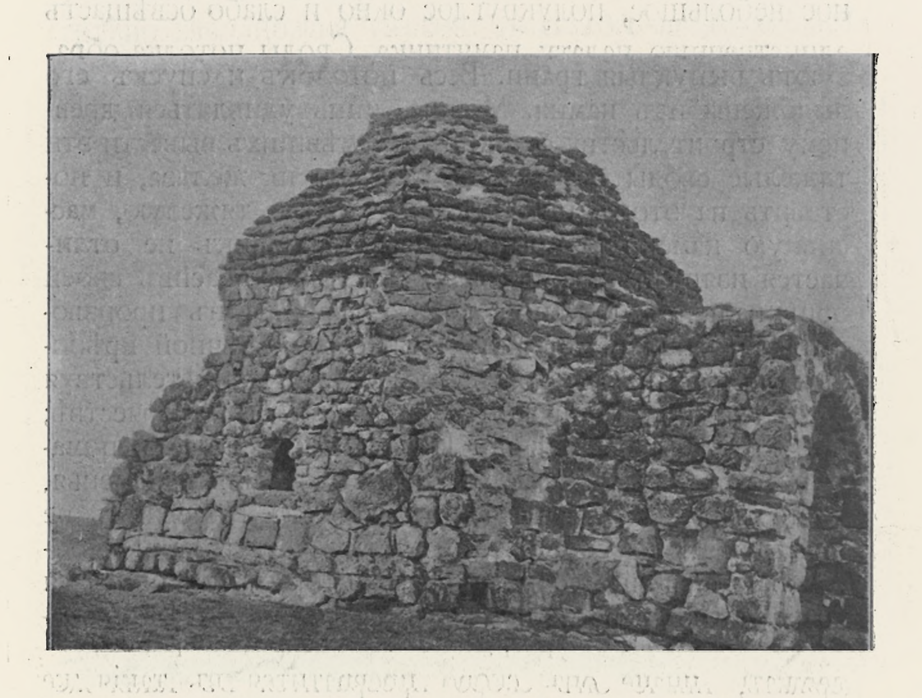
мѣ и стоитъ видимый отовсюду памятникъ. Построенъ онъ въ XIV в., въ честь башкирскаго князя, а какого-неизвѣстно.

Размѣры памятника громадны: въ поперечникѣ онъ имѣетъ около десяти саженъ, высотою съ добрый четырехъэтажный домъ; сложенъ изъ булыжника и плитняка. Въ основаніи онъ четырехъугольный, но на высотѣ болѣе сажени отъ земли углы наклонно срѣзаны и

наверху образуютъ уже восьмиугольникъ; сверху эта фигура увѣнчана тяжелой каменной крышей пирамидальной формы, тоже восьмигранной. Съ западной стороны въ этотъ храмъ ведетъ входъ въ видѣ глубокой, полукруглой ниши; изъ нея уже ведетъ дверь внутрь. Внутри пусто. Свѣтъ проникаетъ въ единственное небольшое, полукруглое окно и слабо освѣщаетъ единственную палату памятника. Своды потолка образуютъ выпуклыя грани. Весь потолокъ и спускъ его выложены изъ камня. Можно лишь удивляться древнему строительству башкиръ, съумѣвшихъ вывести эти тяжелые своды безъ куска дерева или желѣза, и поставить на этомъ потолкѣ еще болѣе тяжелую, массивную каменную крышу. Весь памятникъ не отличается изяществомъ, но онъ безусловно красивъ своей оригинальной, цѣльной архитектурой. Онъ производитъ впечатлѣніе страшной тяжести и вѣчной крѣпости; онъ долженъ стоять тысячелѣтія, свидѣтельствуя о могучемъ башкирскомъ народѣ, о его творчествѣ; но увы! ничто не вѣчно. Памятникъ начинаетъ помаленьку разрушаться; кое-гдѣ уже отвалились каменья, осыпалась скрѣпляющая ихъ известь. Кочевникъ не умѣлъ хорошо составить известку. Межъ камней образовалось много щелей, изъ которыхъ поднимается трава, этотъ первый признакъ разрушенія. Чтобы спасти памятникъ отъ разрушенія, его надо во время поддержать, иначе онъ скоро превратится въ такія же развалины, какъ и могила Хуссайна.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь отъ степи къ Уралу, къ Уфѣ, тѣмъ чаще встрѣчаешь богатыя башкирскія деревни, перемѣшанныя съ деревнями мещеряковъ. Объясняется это относительное богатство тѣмъ, что здѣсь кумысо-лѣчебныя мѣста. Здѣсь недалеко уже вѣтвь желѣзной дороги, сюда пріѣзжаютъ лѣчиться разные недугующіе съ ближнихъ и съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, не только изъ европейской Россіи, но даже изъ Западной Европы. Привлекая въ деревни столько народа,

кумысъ является хорошей статьей дохода для башкира: пріѣзжій платитъ не только за кумысъ, но и за помѣщеніе, и за продукты. Кумысныхъ мѣстъ въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ очень много, и всѣ онѣ въ рукахъ башкиръ и мещеряковъ. Кумысъ-любимый напитокъ башкира. Это—заквашенное лошади-

Древній башкирскій памятникъ и могила князя, близь Терьмовъ.

ное молоко. Приготовляется кумысъ такимъ образомъ. Въ большую деревянную ступу вливаютъ свѣжее лошадиное молоко и прибавляютъ къ нему извѣстную дозу уже закисшаго, перебродившаго молока; послѣ этого башкиръ начинаетъ взбучивать молоко деревяннымъ пестомъ, вродѣ нашей русской мутовки, и взбиваетъ его до тѣхъ поръ, пока молоко не начнетъ пѣниться; тогда кумысъ готовъ и его можно пить. Онъ

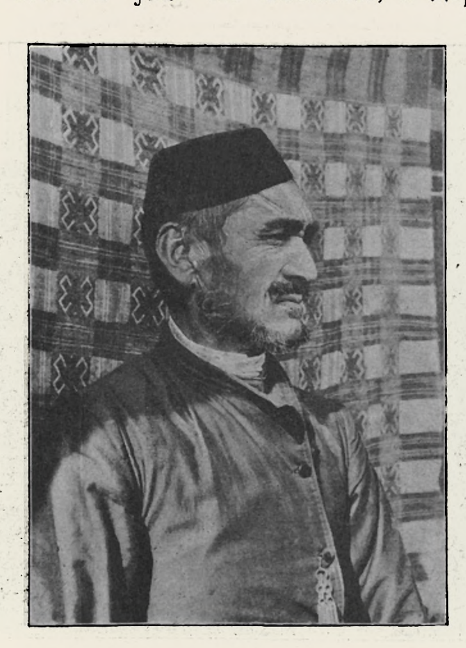
имѣетъ немного острый вкусъ, немного щиплетъ и словно пьянитъ; но всѣмъ извѣстны цѣлебныя свойства кумыса. Онъ помогаетъ отъ многихъ болѣзней, укрѣпляетъ расшатанные организмы, и башкиръ можетъ быть потому такъ и крѣпокъ, и здоровъ, что въ изобиліи пьетъ кумысъ.

Пчельникъ.

Съ началомъ Уральскаго хребта башкирскія деревни рѣдѣютъ. Здѣсь много казенныхъ и заводскихъ земель, и русскія деревни. Степные увалы кончаются, начинается хребетъ, покрытый безконечными лѣсами. Въ этихъ лѣсныхъ пространствахъ тамъ и сямъ раскиданы башкирскія деревни; но народъ здѣсь не тотъ. Башкиры вообще дѣлятся на три разныхъ вида: на степныхъ, лѣсныхъ и горныхъ. Степной башкиръ пред-

ставляетъ изъ себя главный типъ. Лѣсные башкиры отличаются отъ степныхъ лишь образомъ жизни и занятіями, свойственными жителямъ лѣсистыхъ мѣстъ; но съ уничтоженіемъ лѣсовъ, которое широкой волной идетъ по всему Уралу, жизнь лѣсного башкира перемѣнилась. Теперь это тотъ же земледѣлецъ. Въ деревняхъ стоятъ уже не мазанки, а деревянныя избы, но нищета отъ этого не меньшая. Лѣсные, какъ и горные, башкиры занимаются сидкой дегтя, выдѣлкой колесныхъ ободьевъ, рубкой и сплавомъ лѣса, а любимое занятіе—пчеловодство. Пчельникъ есть почти у каждаго, у богатаго и бѣднаго, улья разставлены всюду: у избы, у сарая, у хлѣвовъ, посреди двора, и гдѣ нибудь за дворомъ на особой пасѣкѣ. Отъ пчелъ просто нѣтъ прохода. Но здѣсь съ самыхъ древнихъ поръ существуетъ и бартевое пчеловодство, состоящее въ томъ, что улья помѣщаютъ въ лѣсу на деревьяхъ. Вблизи Юрезани, въ одной башкирской деревнѣ я видѣлъ цѣлую рощу, въ которой на верхушкахъ деревьевъ были прикрѣплены барти,—улья. Тутъ же подъ ними висятъ на сучьяхъ неизмѣнные конскіе черепа, какъ средство противъ дурного глаза; эти черепа придаютъ рощѣ характеръ чего-то языческаго, священнаго. Вообще же въ присутствіи пчелъ башкиръ молчаливъ, сдержанъ, не любитъ говорить лиш-

Горный башкиръ.

няго слова, чтобы не сказать чего нибудь дурного, что могло бы повредить пчеламъ. Такимъ образомъ, башкиръ сдѣлалъ пчелъ своими наставницами: можно сказать—онѣ воспитываютъ его.

Горные башкиры отличаются отъ степныхъ и лѣсныхъ особеннымъ типомъ. Они выше ростомъ, горбоносые, съ гордымъ, даже злымъ выраженіемъ лица. Когда то это былъ очень воинственный народъ, гроза кочевниковъ—киргизовъ, отъ нападеній которыхъ горные башкиры зашищали степныхъ. Тотъ же говоръ у нихъ, тѣже наряды и обычаи; только въ коши они не ѣздятъ, потому что некуда. Земли ихъ окружены тѣснымъ кольцомъ заводскихъ земель. До сихъ поръ горные башкиры не забыли былой своей вольности и воспѣваютъ былые подвиги. Въ послѣднія возстанія горные башкиры въ особенности пострадали: русскіе вырѣзали и жгли цѣлыя селенія ихъ, отыскивали ихъ въ недоступныхъ мѣстахъ родныхъ горъ, брали заложниками или умерщвляли. Славный богатырь Салаватъ происходилъ изъ горныхъ башкиръ и погибъ въ горахъ. И пѣсни горныхъ башкиръ также зловѣщи и мрачны, какъ эти мрачныя горы, какъ вся мрачная исторія всего этого края.

Въ одной изъ деревень, повидимому тоже башкирской, съ такими же избами, хотя и болѣе зажиточными, съ мечетью посреди я встрѣтилъ людей, одѣтыхъ также, какъ и башкиры, но по типу значительно отличающихся отъ нихъ.

— Мы мешары...—говорилъ мнѣ хозяинъ ямской, и съ трудомъ я понялъ, что это мещеряки.

Окруженные башкирами, мещеряки дѣйствительно мало отличаются отъ нихъ своей внѣшностью, и только внимательно присмотрѣвшись къ нимъ можно съ точностью сказать, что это не башкиры. Мещеряки жили когда-то по правому берегу Волги, въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губерніи, и вся та сто-

рона называлась Мещерой. Происхожденіе ихъ спорное: одни ученые относятъ ихъ къ финскому племени, другіе къ тюркскому, но точныхъ данныхъ объ ихъ происхожденіи нѣтъ. Ясно лишь то, что мещеряки, будучи ближайшими сосѣдями казанскихъ татаръ, подпали подъ ихъ вліяніе, отатарились, приняли исламъ и совершенно потеряли свою прежнюю національность. Съ покореніемъ Русью Казани мещеряки, бывшіе авангардомъ башкиръ, испытали на себѣ тяжелую руку завоевателей-татаръ и бѣжали въ башкирскія степи, гдѣ ихъ приняли очень радушно и отвели имъ земли. Но мещеряки не взлюбили башкиръ, и когда впослѣдствіи башкиры поднимали возстанія противъ русскихъ, мещеряки были противъ пріютившихъ ихъ единовѣрцевъ, и сражались противъ нихъ въ русскихъ рядахъ. Объяснить это можно тѣмъ, что мещеряки уже испытали на себѣ господство русскихъ и боялись ихъ; въ сравненіи съ воинственнымъ башкиромъ мещерякъ былъ тихій человѣкъ и, какъ осѣдлый земледѣлецъ по натурѣ, заботился только о землѣ, къ которой приковалъ себя. Кочевникъ и земледѣлецъ—двѣ, слишкомъ разныя натуры, даже враждебныя другъ другу; отсюда и вышла рознь. Русскія власти покровительствовали мещерякамъ, какъ своимъ союзникамъ противъ воин-

Мещерякъ.

ственныхъ и неспокойныхъ башкиръ, всячески поддерживали вражду между ними, и впослѣдствіи, когда башкирскія земли были уже расхищены, къ владѣнію остатками этихъ земель были допущены и мещеряки, подъ названіемъ «припущенниковъ». Эти припущенники получили надѣлы, въ иныхъ мѣстахъ не меньшія башкирскихъ. Старая вражда осталась и до сихъ поръ: мещерякъ не любитъ башкира, хотя перенялъ отъ него говоръ, нѣкоторые обычаи и нравы, и замѣтно обашкирился. Мещерякъ любитъ назвать себя скорѣе татариномъ, нежели башкиромъ.

Дѣвушка – мещерячка.

Въ настоящее время мещеряковъ считается на Уралѣ не болѣе 150 тысячъ. По типу они дѣйствительно скорѣе похожи на татаръ: болѣе закругленныя, хотя и грубыя черты лица, каріе глаза, прямой или горбатый носъ, такъ рѣзко отличающійся отъ башкирскаго вдавленнаго носа; ростъ у нихъ хорошій средній, но фигура болѣе неуклюжа и тяжеловѣсна. Мещерякъ очень добродушенъ, но въ тоже время хитеръ, мелоченъ и придирчивъ. Утонченнаго башкирскаго радушія, привѣтливости и искренности въ немъ нѣтъ: онъ сдержанъ и даже холоденъ. Веселыхъ игръ у него нѣтъ, пѣсни тѣ-же башкирскія, наряды тѣ-же. Только женщины не носятъ на головахъ башкирскаго калябаша, а вмѣсто нагрудника, увѣшеннаго монетами, богатыя

мещерячки носятъ ленту чрезъ плечо, вродѣ генеральской, увѣшанную старинными монетами. Такія ленты носятъ татарки.

Мещеряки-искони осѣдлый, земледѣльческій народъ, поэтому живутъ несравненно зажиточнѣе башкиръ, прирожденныхъ кочевниковъ. Избы у нихъ крѣпкія, помѣстительныя, все у нихъ хозяйственно, хотя башкирской изобрѣтательности уже не увидишь. Дворъ мещеряка большой; надворныя постройки сдѣланы частью изъ лѣса, частью изъ хвороста; на дворѣ масса птицы: гуси, куры, утки, индюшки. Скота у него тоже много. У нѣкоторыхъ изъ мещеряковъ прямо таки громадныя, помѣщичьи хозяйства. Однажды я побывалъ на гумнѣ богатаго мещеряка. Гумна, въ смыслѣ постройки, здѣсь нѣтъ; молотятъ прямо на землѣ. Межъ нѣсколькихъ гигантскихъ стоговъ устроена площадка, на которой и работаютъ. Утренніе лучи солнца не могли пробиться сквозь ту пыль, которая стояла здѣсь. Все здѣсь было словно въ дыму, и въ этомъ дымномъ, полугустомъ воздухѣ двигались люди и машины. Посреди площадки устроенъ громадный двигатель, приводимый въ дѣйствіе двумя парами лошадей; лошади привязаны къ жердямъ, жерди прикрѣплены къ вращающемуся кругу, который имѣетъ зубчатку; отъ круга идетъ длинный желѣзный стержень или валъ, вращающійся отъ зубчатки; на другомъ концѣ вала - шестерня, которая и приводитъ въ дѣйствіе громадную молотилку самой новѣйшей конструкціи. Здѣсь же стоитъ и вѣялка. Шумъ и грохотъ здѣсь невообразимые: мальчики все время зычно кричатъ, погоняя лошадей, идя вслѣдъ за ними съ кнутомъ въ рукахъ, грохочетъ молотилка, грохочетъ рядомъ вѣялка; люди лихорадочно работаютъ, едва поспѣвая за машинами... здѣсь цѣлая хлѣбная фабрика. Только въ большомъ хозяйствѣ возможна такая обработка зерна.

На дворѣ одного мещеряка я нашелъ очень интересную мельницу, устроенную для своихъ нуждъ. Она

состояла изъ двухъ помѣщеній: въ одномъ находилась собственно мельница: жернова, рѣшета, засѣки и пр., въ другомъ приводъ-топчакъ; послѣдній и представляетъ интересъ. Сдѣланъ онъ такъ. Подъ громаднымъ навѣсомъ вырыта большая, воронкообразная яма; съ центра ея идетъ вертикально толстый столбъ, постав-

Обработка хлѣба у мещеряковъ.

ленный, чтобы могъ вращаться, на колоду, въ которой для этого сдѣлана ячейка; столбъ подымается до самой крыши, до перекладины ея, къ которой и прикрѣпленъ такимъ образомъ, чтобы могъ свободно вертется. Къ этому столбу, какъ къ вращающейся оси вертикально прикрѣпленъ громадный кругъ-топчакъ, имѣющій въ поперечникѣ около пяти саженей; положеніе топчака немного наклонное: одинъ край на разстояніи

аршина отъ земли, противоположный на сажень. Такимъ образомъ, весь топчакъ напоминаетъ собой нашъ волчокъ, когда онъ вертится. Топчакъ дѣйствительно вертится на своей громадной оси, а приводится въ движенiе лошадьми. Ихъ вводятъ на топчакъ, привязываютъ къ находящейся выше перекладинѣ, и понукаютъ; лошами идутъ, т.-е. упираются въ землю ногами, а такъ

Домъ богатаго мещеряка.

какъ топчакъ устроенъ наклонно, то отъ давленiя лошадьми и начинаетъ вертеться. Привязанныя лошади стоятъ на мѣстѣ, но въ то же время идутъ, т.-е. все время шагаютъ. Скучно смотрѣть на этихъ животныхъ все время идущихъ, и никуда не приходящихъ, Подъ навѣсомъ никого нѣтъ, работникъ приставилъ лошадей къ дѣлу и ушелъ, и вотъ бѣдныя лошадки въ какой-то отупѣлой покорности, безъ всякаго понуканiя идутъ

сами по цѣлымъ часамъ и вертятъ грохочущій кругъ. А если остановятся они, вся мельиица остановится; потому что внизу круга есть зубцы, которые вертятъ большой валъ, а этотъ послѣдній проходитъ въ сосѣднее помѣщеніе и вертитъ жернова.

Благодаря зажиточности, мещеряки живутъ значительно опрятнѣе башкиръ. Избы у нихъ чистыя, на

Дворъ мещеряка.

лавахъ громадныя, толстыя кошмы и горы подушекъ, а по стѣнамъ множество вышитыхъ полотенецъ, придающихъ комнатѣ ярко-красочный, нарядный видъ. Чѣмъ больше женщинъ въ домѣ, тѣмъ больше и вышивокъ. Мещерячки красивѣе башкирокъ; межъ нихъ нерѣдки очень миловидныя, даже красивыя лица; но онѣ большія щеголихи: чернятъ брови, румянятся и бѣлятся; это считается признакомъ хо-

рошаго тона и богатства. Бѣдныя дѣвушки румянъ не употребляютъ.

Мещеряки далеко не всѣ богачи: есть много у нихъ и бѣдноты; но и богатые, и бѣдные—хорошіе земледѣльцы. Бѣднота селится въ небольшихъ деревянныхъ избахъ: башкирской мазанки въ мещеряцкой деревнѣ не найдешь. Въ глубинѣ Урала я встрѣтилъ деревню, одна половина которой была башкирская, другая мещеряцкая; башкирская половина производила унылый, общипанный, разоренный видъ, мещеряцкая же говорила о довольствѣ и благосостояніи. Но надворныя постройки мещерякъ даже средней зажиточности плететъ изъ хвороста, и главная причина тому—дороговизна лѣса въ степи.

Мещеряки заселяютъ преимущественно Уфимскую губернію, степное Пріуралье, изборожденное увалами. Чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ ихъ меньше, и въ глубинѣ Урала, въ горахъ они совсѣмъ рѣдки.

— Ну что, Малай! пора разставаться. Доволенъ ли поѣздкой, заработкомъ?—говорилъ я на прощанье своему спутнику.

— Булно харашо гулялъ... Мало-маля заработалъ, слава богу. Пасибо.

Башкиру не хотѣлось разставаться. Скитальческій образъ жизни пришелся по душѣ кочевнику, онъ просился ѣхать дальше. Но въ дальнѣйшемъ пути онъ былъ для меня совершенно лишнимъ, и волей-неволей пришлось мнѣ разстаться съ моимъ добродушнѣйшимъ, симпатичнымъ помощникомъ Малаемъ.

Русская дѣвушка на Уралѣ, въ старинномъ нарядѣ.

На заводахъ.

Самаро-Златоустовская ж. д. Туннели и горы. Златоустъ. Издѣлія. Заводы. Ихъ прошлое. Рудникъ. Добываніе руды. Картина завода. Работы на заводахъ. Чугунъ. Желѣзо. Сталь. Огненныя печи. Люди. Жизнь рабочихъ. Пропавшая душа. Погибшій ребенокъ. Заводская интеллигенція. По деревнямъ. Поскотина и балаганъ. Типъ деревни. Ворота. Нелюбовь къ природѣ. Деревенскій пожаръ. Первые русскіе поселенцы на Уралѣ. Вольница. Смѣсь населенія. Проигранные въ карты. Хлѣбопашество. Пчелы. Огороды. Деревенскія хляби. Ночное приключеніе. Рѣка Юрезань. Горящая пещера. Мгла и туманы. Диковинный мостъ. Староверы. Дожди. Лѣсныя дороги. Свинья-путешественница. Откуда взялась на Уралѣ береза.

По сѣверной части Южнаго Урала, перерѣзая его поперекъ, проходитъ красивѣйшая въ Россіи желѣзная дорога Самаро-Златоустовская. Близь Уфы она перерѣзаетъ Бѣлую, черезъ которую построенъ постоянный мостъ; затѣмъ идетъ вдоль Бѣлой, по подножію лѣсистыхъ холмовъ; здѣсь открываются широкія па-

норамы съ видомъ на Бѣлую, на противоположный холмистый берегъ и на горныя дали; дальше дорога пересѣкаетъ громадныя лѣсныя пространства и наконецъ вступаетъ въ область горъ, межъ которыхъ она извивается, выбирая себѣ путь по долинамъ и ущельямъ.

Трудно найти на какой-нибудь другой дорогѣ ту простоту человѣческихъ нравовъ и свободу, которыя встрѣчаются здѣсь на каждой станціи. Такъ и тянетъ на такой станціи выйти изъ душнаго, тѣснаго вагона и потолкаться въ непринужденной толпѣ, заполнившей платформу. Глазъ путешественника отдыхаетъ здѣсь на движеніи этнографическихъ красокъ и костюмовъ; въ живой толпѣ здѣсь видны и русскіе, и башкиры, и другіе инородцы Урала. По обѣимъ сторонамъ платформы расположились торговцы; и чѣмъ только они не торгуютъ! Здѣсь сидятъ торговки булками, дальше можете найти молоко, масло, яблоки, вареное мясо, преимущественно печенку; тутъ же стоитъ продавецъ кипятку: у него большой самоваръ, изъ котораго онъ и нацѣживаетъ въ чайники осаждающимъ его пассажирамъ; въ толпѣ ходятъ вдоль поѣзда продавцы вареныхъ раковъ, а рядомъ продаютъ душистый башкирскій медъ. На всемъ здѣсь: на костюмахъ, движеніи, типахъ и торговлѣ видѣнъ отпечатокъ Азіи. Поѣздъ трогается и несется дальше, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующей станціи найти ту же кипучую жизнь и свободу нравовъ. Какъ непохожи на все это станціи дорогъ европейской Россіи, гдѣ жизни народа нѣтъ и слѣда, гдѣ все подавлено, замучено, запрещено.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ главному хребту горъ, тѣмъ дорога становится интереснѣе. Близъ Миньярскаго завода стоитъ совершенно отдѣльно громаднѣйшая гранитная скала, возвышающаяся надъ поѣздомъ, который проходитъ мимо; за Миньяромъ дорога идетъ нѣкоторое время вдоль рѣки Сима, а затѣмъ входитъ въ глубокій, сверху непокрытый туннель—выемку. Въ вагонѣ становится темно; справа и слѣва,

на разстояніи двухъ аршинъ отъ окна идетъ вверхъ отвѣсная каменная стѣна; не мало трудовъ пришлось положить здѣсь человѣку, долбить камень, рвать горы, чтобы прорыть въ горной породѣ этотъ глубокій ровъ; иначе пришлось бы отвести дорогу значительно въ сторону, вдоль подножія громаднѣйшей горы. Дальше

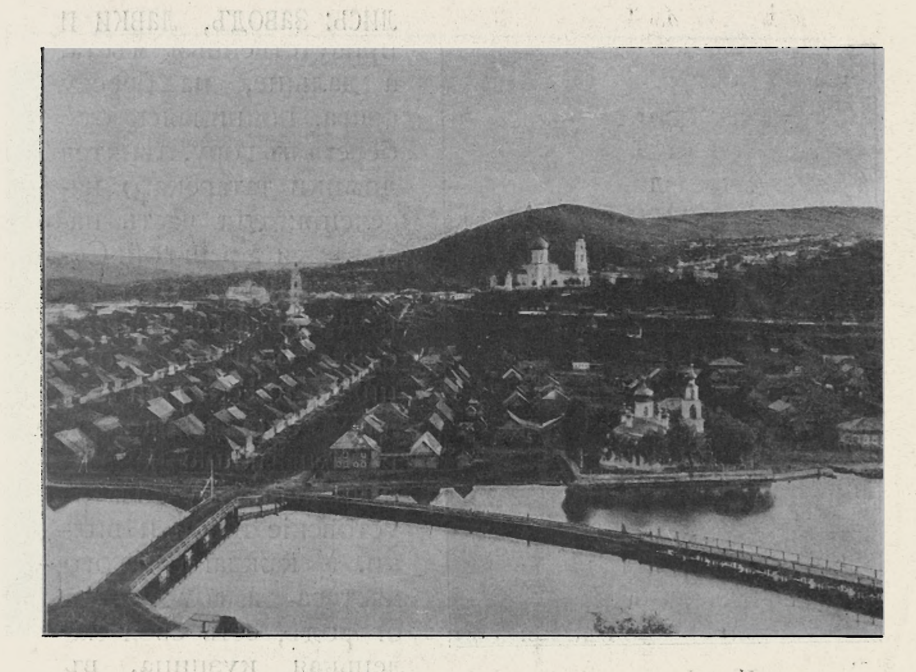
Мостъ черезъ р. Юрезань.

дорога идетъ вдоль берега широкой, быстрой, красивой рѣки Юрезани и большими кругами огибаетъ гору Вязовую. Это самое красивое мѣсто на дорогѣ. Изгибы дороги здѣсь настолько круты, что сидя въ послѣднемъ вагонѣ поѣзда, можно видѣть лишь два-три ближайшихъ вагона; это въ одномъ окнѣ; а въ другое съ выпуклой стороны видѣнъ весь поѣздъ, изогнувшійся змѣей, видѣнъ локомотивъ. На такихъ изгибахъ

одинъ край полотна, именно вогнутый, всегда приподнятъ; вагоны принимаютъ сильно наклонное положеніе, и кажется—готовы упасть; но наоборотъ: поѣздъ обрушился бы именно тогда, если бъ на изгибахъ рельсы вогнутой стороны не были приподняты; тогда бы поѣздъ не могъ дѣлать крутыхъ поворотовъ, изгибаться, вагоны напирали бы другъ на друга и весь поѣздъ свалился бы подъ гору въ рѣку. Иногда поѣздъ мчится во весь духъ вдоль подножія отвѣсной скалы, которая подымается саженъ на сто вверхъ. Невольно приходитъ на мысль: что будетъ, если оттуда сверху сорвется камень и упадетъ внизъ во время прохода поѣзда? Здѣсь бывали частые случаи, когда камни сваливались на полотно и преграждали поѣзду путь; поэтому ночью поѣздъ идетъ съ большими предосторожностями.

Въ промежуткѣ междой Уфой и Златоустомъ, гдѣ находится главный узелъ уральскаго хребта, расположились самые большіе, значительные заводы Южнаго Урала: Миньярскій, Симскій, Усть-Катавскій, Катавъ-Ивановскій, Юрезанскій, Кусинскій, Бакальскіе рудники, и наконецъ Златоустовскій. Въ Златоустѣ дорога кончается, но затѣмъ идетъ дальше въ далекую Сибирь подъ названіемъ Западно-Сибирской дороги. Самъ Златоустъ является центромъ заводской дѣятельности; здѣсь находится громаднѣйшій оружейный заводъ, изготовляющій на нашу армію холодное оружіе, преимущественно клинки и кинжалы. Городокъ этотъ живописно расположился у озера, въ котловинѣ горъ Косотура и громаднаго хребта Уреньги; на сѣверо-западѣ виднѣются высочайшія вершины Таганая, исполина Южнаго Урала, а на востокѣ—Александровская сопка. Черезъ городъ проходитъ рѣка Ай, вливается въ озеро, изъ котораго выходитъ въ противоположной сторонѣ его, гдѣ находится угольный городокъ, снабжающій заводъ углемъ. Вершины горъ, окружающихъ Златоустъ, увѣнчаны часовнями; это обыкновеніе ураль-

скихъ благочестивыхъ людей—поставить часовенку на самой вершинѣ горы, чтобы ее отовсюду было видно; но надо сказать правду: ни гора часовнѣ, ни часовня— горѣ красоты не придаютъ: часовенка кажется мизерной въ сравненіи съ величиной горы, на которой симметричнѣе было бы выстроить какой-нибудь гигантскій, волшебный замокъ, и кромѣ испорченнаго

Златоустъ. Видъ съ запада. Мосты черезъ рѣку Ай; вдали хребетъ Уреньга.

контура горы, кромѣ неуваженія къ природѣ ничего изъ благочестиваго усердія строителей не получается. И страшно хочется отнести эту маленькую часовенку куда-нибудь въ таинственную священную рощу, или въ тайгу, гдѣ можетъ быть она служила бы меньше для рекламы благочестивыхъ строителей, но больше для чувства святости, уединенія и христіанскаго смиренія. Только на одной изъ вершинъ стоитъ скромный

уральскій крестъ, деревянный, покосившійся, и, красуясь на фонѣ неба, своимъ смиреннымъ, скромнымъ видомъ навѣваетъ чувство какой-то святости и печали.

Городъ Златоустъ невеликъ. Въ немъ около 30 тысячъ жителей. Сначала тянется длинное предмѣстье Ветлуга, заселенное желѣзнодорожными и заводскими рабочими, затѣмъ въ ложбинѣ межъ горъ расположились: заводъ, лавки и присутственныя мѣста, а дальше, на берегу озера, поднимаясь отъ берега въ гору, лѣпятся домики татарскаго населенія; эта часть называется Уреньгой. Составъ жителей — главнымъ образомъ заводскіе рабочіе; но кромѣ нихъ здѣсь живутъ еще вольные мастера, выдѣлывающіе извѣстные каждому златоустовскіе ножи и вилки. У каждаго такого мастера за домомъ, на огородѣ, есть своя маленькая кузница, въ которой онъ и вырабатываетъ свои издѣлія.

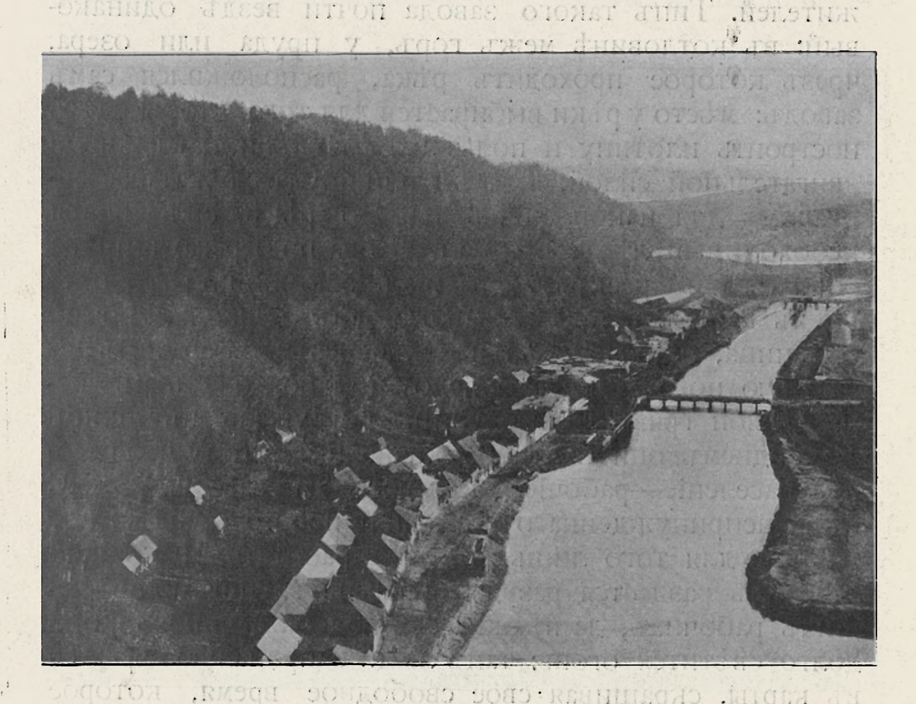

Крестъ на одной изъ вершинъ, окружающихъ Златоустъ.

Эти ножи и вилки славятся не только закалкой стали, но и рѣзьбой, выгравированной на нихъ. Златоустовцы — хорошіе рѣзчики, и ихъ вѣчные ножи расходятся по всей Россіи; но къ сожалѣнію, они далеки отъ требованій современнаго искусства.

Въ то время, какъ московскіе, нижегородскіе, вятскіе кустари вырѣзаютъ на своихъ деревянныхъ издѣліяхъ узоры и рисунки, отвѣчающіе современной реаль-

ной школѣ живописи, златоустовскій мастеръ украшаетъ свои издѣлія самыми допотопными, хитросплетенными и шаблонными узорами, почему и не находитъ для своихъ работъ покупателя въ средѣ, у которой развитъ художественный вкусъ. Эти ножи продаются въ особыхъ кіоскахъ на вокзалахъ Златоуста, Уфы и

Гора Косотуръ. Златоустовскій заводъ.

даже далекой Тулы, тамъ же продаются разныя уральскія издѣлія — фигурки и вещицы изъ черненаго желѣза, которыя вырабатываются главнымъ образомъ на Кусинскомъ заводѣ, а также разныя украшенія и бездѣлушки изъ самоцвѣтныхъ камней, работы исключительно екатеринбургскихъ гранитныхъ мастерскихъ.

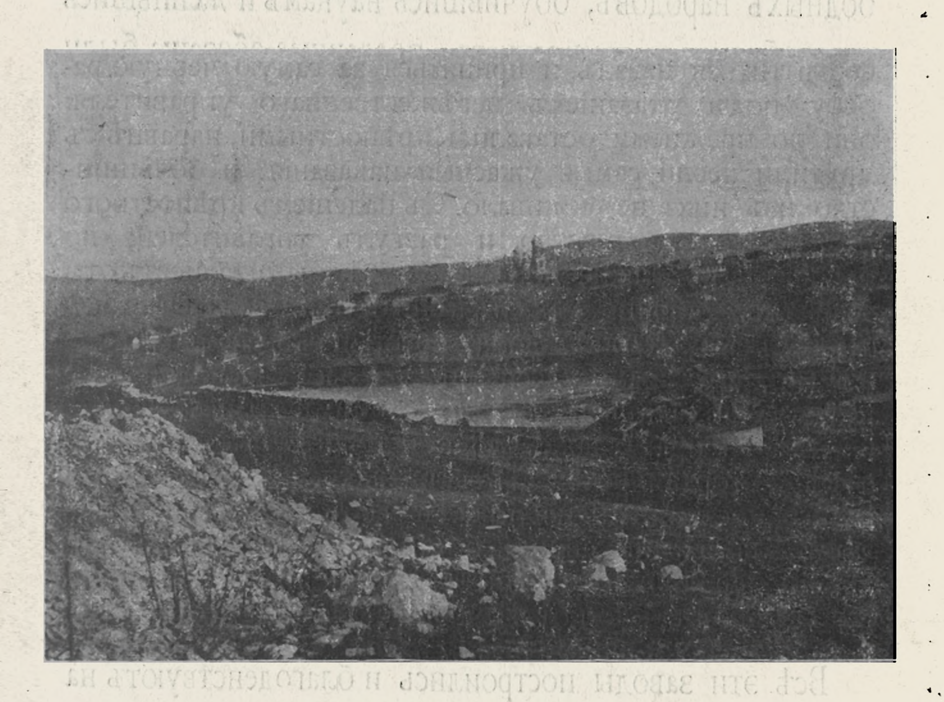
Удаляясь вглубь, направо и налѣво отъ желѣзной дороги, я посѣтилъ много заводовъ съ цѣлью позна-

комиться съ ихъ дѣятельностью, а также съ населеніемъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ русскихъ.

Заводомъ на Уралѣ называется большое поселеніе, имѣющее нѣсколько тысячъ жителей. Иногда это настоящіе городки, какъ напр. Катавъ-Ивановскій заводъ, Міясскій, Качкарскій и другіе, имѣющіе до 20 тыс. жителей. Типъ такого завода почти вездѣ одинаковый: въ котловинѣ межъ горъ, у пруда или озера, чрезъ которое проходитъ рѣка, расположился самъ заводъ; мѣсто у рѣки выбирается для того, чтобы здѣсь построить плотину и пользоваться водой, какъ живой двигательной силой, а озеро или прудъ служатъ резервуаромъ для накопленія воды. По рѣкѣ сплавляется необходимый лѣсъ. Вокругъ завода по берегамъ пруда обыкновенно расположены жалкіе домишки рабочихъ, но въ каждомъ такомъ заводѣ есть церковь, почта, больница, школа, нѣсколько лавокъ и базаръ. Въ ненастную погоду все селеніе буквально тонетъ въ непролазной грязи; ночью улицы погружены въ темноту, а днемъ они почти безжизненны, потому что главное населеніе—рабочіе работаютъ на заводѣ. Здѣсь нѣтъ непринужденнаго веселья и простоты, здѣсь всѣ живутъ для того лишь, чтобы заработать, и только вечеромъ раздастся разудалая пѣсня группы подгулявшихъ рабочихъ, да въ окнахъ заводскихъ чиновниковъ долго свѣтится огонь:—тамъ люди напропалую играютъ въ карты, скрашивая свое свободное время, которое здѣсь не на что расходовать.

Всѣ эти заводы расположены на земляхъ, искони принадлежавшихъ башкирамъ. Возникли они въ далекія времена, когда шла усиленная колонизація этихъ земель русскими. Россійскіе промышленники, «дошлые, и заслуженные» люди получали здѣсь земли или даромъ, или за безцѣнокъ, а такъ какъ свободолюбивый кочевникъ—башкиръ считался по граматамъ вольнымъ и закрѣпостить его было нельзя, работать же внутри земли и около огня онъ не хотѣлъ, то сюда пересе-

лили для работы русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній; переводили сюда ихъ цѣлыми деревнями и селами, и крестьянинъ отказаться не смѣлъ, такъ какъ былъ крѣпостнымъ. Глубокая это была трагедія, когда человѣка отрывали противъ его воли отъ родины, отъ родныхъ, отъ взлелѣянныхъ полей и пе-

Катавъ—Ивановскій заводъ на рѣкѣ Катавѣ.

реносили въ чуждыя условія, на трудъ, не менѣе тяжелый. Часть этихъ переселенцевъ занялась исключительно заводскимъ трудомъ, часть же хлѣбопашествомъ на заводскихъ земляхъ, при чемъ они всецѣло зависѣли отъ завода. И сколько тутъ было несправедливостей и жестокостей со стороны заводоуправителей! Жизнь человѣка находилась въ ихъ рукахъ. Земледѣльцы были обложены страшнѣйшими оброками, ра-

бочіе вели почти животную жизнь. Заводъ выматывалъ изъ нихъ всѣ соки. Нѣкоторые изъ заводчиковъ, нуждаясь въ опытныхъ ученыхъ мастерахъ, посылали своихъ крѣпостныхъ на свой счетъ заграницу для изученія горнозаводскаго дѣла; проживъ заграницей десятокъ лѣтъ, усвоивъ себѣ привычки и культуру свободныхъ народовъ, обучившись наукамъ и женившись на свободныхъ гражданкахъ, посланные обязаны были возвратиться назадъ и приняться за самую черную работу подъ указаніемъ невѣжественнаго управителя; они по прежнему оставались крѣпостными, наравнѣ съ другими несли самыя ужасныя наказанія, и большинство изъ нихъ не выживало. Съ паденіемъ крѣпостного права пало самодурство и разгулъ управителей; но рабочіе и крестьяне попрежнему бѣдны и зависятъ отъ заводовъ. Рабочій долженъ купить отъ завода участокъ земли для постройки дома, крестьянскія земли окружены громадными лѣсными угодьями заводчиковъ, которыя доходятъ иногда до 75000 десятинъ. Никто не имѣетъ права даже удочкой ловить рыбу въ той рѣкѣ, которая протекаетъ тутъ же, какъ говорится, у самаго носа; никто не можетъ взять хворостинки изъ лѣсу; для охраны своихъ обширныхъ лѣсныхъ угодій заводы держатъ цѣлый штатъ лѣсничихъ и лѣсныхъ объѣздчиковъ, съ которыми населеніе находится въ вѣчной, непримиримой враждѣ.

Всѣ эти заводы построились и благоденствуютъ на счетъ тѣхъ неисчерпаемыхъ сокровищъ, которыми изобилуетъ Уралъ. Главнымъ сокровищемъ Урала является желѣзная руда, въ изобиліи разбросанная повсюду, отличающаяся хорошимъ качествомъ, т.-е. большимъ процентомъ желѣза. Изъ ста частей руды добывается желѣза 60 частей; остальное *порода* и примѣсь; есть и болѣе тощія руды, дающія 30—40 частей желѣза, но и онѣ годятся для обработки. Не всѣ заводы имѣютъ свои рудники; многіе изъ нихъ покупаютъ руду и затѣмъ обрабатываютъ; но есть заводы съ собствен-

ными рудниками. Одинъ изъ рудниковъ я посѣтилъ невдалекѣ отъ Златоуста.

Рудничный поселокъ неприхотливо раскинулся по обѣимъ сторонамъ широкой дороги; убогія избушки, зачастую покосившіяся, говорили о бѣдности ихъ обитателей. Весь поселокъ производилъ впечатлѣніе чего-то временнаго, лихорадочнаго; никто здѣсь не забо-

Усть—Катавскій заводъ при впаденіи р. Катава въ р. Юрезань.

тился о красотѣ, о лучшей обстановкѣ и удобствахъ жизни; все здѣсь было сшито на живую нитку: прожить день, и ладно; по поселку словно «французъ прошелъ», Унылая и скучная картина. На видномъ мѣстѣ въ сторонѣ красуется нѣсколько хорошихъ построекъ, тамъ живетъ начальство рудника, а по другую сторону штабели дровъ и нарытыя горы руды, ожидающей очереди для отправки на заводы; за по-

селкомъ открывается видъ на рудникъ. Предо мной открылся цѣлый амфитеатръ изъ ряда выступовъ, поднимающихся другъ надъ другомъ, все выше и выше, вплоть до верхушки горы; выступы эти идутъ полукругомъ, они образовались отъ выемки руды. Здѣсь когда-то была гора, неглубоко подъ слоемъ земли нашли желѣзную руду и начали ее добывать; теперь отъ горы осталась лишь глубокая впадина, въ которую, какъ по лѣстницѣ, ведутъ уступы; постепенно уступы эти разрабатываются, на мѣсто старыхъ возникаютъ новые и полукругъ амфитеатра расширяется все больше и больше. За этимъ главнымъ рудникомъ, далеко еще не исчерпаннымъ, виднѣются другіе, съ изорванными динамитомъ стѣнами, и съ такими же уступами. Черезъ рудникъ во многихъ мѣстахъ проложены рельсы, по нимъ катятся вагонетки, то нагруженные рудой, то обратные, пустые.

На одномъ крылѣ рудника кипѣла горячая работа: тамъ долбили и сверлили стѣну. Рабочіе поднимали кирки и долбили ими изломъ стѣны; обломки валились тутъ же, но долго не залеживались: другіе рабочіе накладываютъ въ вагонетки, лошадь тащитъ тяжелый грузъ по рельсамъ къ свалкѣ, гдѣ вагонетку опоражниваютъ, наклонивъ ее на бокъ; куски руды летятъ вдоль крутой насыпи и постепенно увеличиваютъ ее; пустая вагонетка возвращается къ мѣсту работы. Одни рабочіе бьютъ гору кирками, другіе—ломами, а третьи—сверлятъ; сверленіе производится двумя рабочими: одинъ бьетъ тяжелымъ молотомъ по концу длиннаго бурава, а другой послѣ каждаго удара поворачиваетъ буравъ; работа трудная и медлительная, потому что буравъ послѣ каждаго удара проходитъ въ стѣну не больше четверти дюйма, и такимъ образомъ, чтобы пробить отверстіе въ нѣсколько вершковъ, необходимое для закладки динамита, надо употребить цѣлый день; а такихъ отверстій дѣлается подъ рядъ нѣсколько.

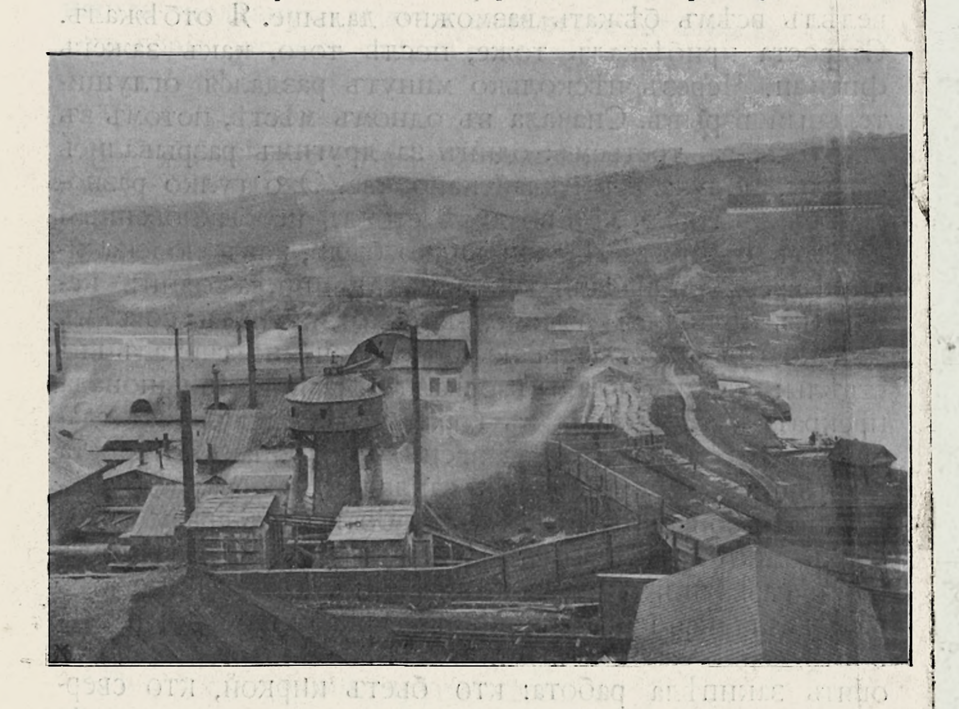
— Пойдемъ на сосѣдній рудникъ, предложилъ староста, отведенный въ мое распоряженіе;—тамъ сейчасъ будутъ рвать руду динамитомъ.

Мы пошли. Тамъ все было готово, ожидали лишь старосту съ динамитомъ. Въ приготовленныя отверстія онъ вложилъ динамитъ, провелъ къ нему фитили и велѣлъ всѣмъ бѣжать вазможно дальше. Я отбѣжалъ. Староста прибѣжалъ тоже, послѣ того, какъ зажегъ фитили. Черезъ нѣсколько минутъ раздался оглушительный взрывъ. Сначала въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ, въ третьемъ; одинъ за другимъ разрывались заряды, получалась цѣлая канонада. Эхо гулко разносилось въ горахъ, въ воздухѣ стоялъ необыкновенный грохотъ и шумъ. Издали видно было, какъ подскакивали вверхъ и падали громадные камни, а одинъ камешекъ поднялся высоко—высоко и упалъ совсѣмъ близко отъ насъ. Староста сосредоточенно считалъ выстрѣлы: всѣ ли заклады взорвались. Наконецъ канонада прекратилась. Только въ горахъ гдѣ-то гуляли отдаленные отголоски эхо, да звенѣло въ ушахъ. Староста поспѣшилъ осмотрѣть всѣ закладки: взорвались всѣ, можно безопасно работать. А работы тутъ сразу стало очень много. На мѣстѣ прежняго уступа я увидѣлъ однѣ развалины. Громадные камни, отдѣленные отъ горы, валялись какъ мячики и сверкали на солнцѣ свѣжимъ, черно-матовымъ изломомъ. Набѣжали рабочіе, и опять закипѣла работа: кто бьетъ киркой, кто сверлитъ, а вагонетки отвозятъ разорванную руду къ ссыпкѣ.

Отсюда руду отвозятъ на стале-литейные, чугуноплавильные, рельсопрокатные заводы, изъ которыхъ она уже выходитъ въ видѣ большихъ болванокъ, въ видѣ листоваго желѣза, въ видѣ рельсъ и вагоновъ и всѣхъ издѣлій нашего домашняго обихода. Отсюда я объѣздилъ много такихъ заводовъ, и на одномъ изъ нихъ поселился на болѣе продолжительное время.

Когда смотришь на заводъ съ вершины горы, у подножія которой онъ расположенъ, то весь онъ ка-

жется какимъ-то необыкновеннымъ, загадочнымъ городкомъ, внутри котораго кипитъ какая-то скрытая, неизвѣстная жизнь. Подымаются кверху безчисленныя трубы, узкія, широкія, высокія и низкія; изъ однѣхъ валитъ дымъ, изъ другихъ—паръ; межъ трубъ—всевозможныя строенія: цилиндрическія и прямоугольныя

Юрезанскій заводъ на р. Юрезани.

башни, навѣсы и громаднѣйшія крыши самой различной высоты. Надъ заводомъ носится дымъ, изъ узкихъ трубъ съ сухимъ шипѣніемъ вылетаетъ бѣлый паръ, иногда раздастся свистокъ, и въ то же время слышенъ безпрестанный, какой-то глухой, подавленный шумъ. Тамъ внутри кипитъ скрытая жизнь. Ночью нѣкоторыя изъ трубъ извергаютъ вмѣстѣ съ дымомъ пламя, которое ярко обрисовываетъ въ темнотѣ дикія очер-

танія трубъ и крышъ. Въ обѣденное время, когда раздается свистокъ, заводъ словно раскрываетъ свою пасть и выпускаетъ изъ себя какихъ-то черныхъ, изможденныхъ людей; какъ цѣлый полкъ трубочистовъ, они идутъ тѣсными рядами, потомъ расходятся по тѣмъ жалкимъ домишкамъ, которыми окруженъ заводъ; потомъ раздастся призывной свистокъ, и всѣ они снова пойдутъ на работу и исчезнутъ въ пасти завода. Словно они добровольно идутъ въ какую то мрачную, вѣчно дымную, вѣчно шумную, ужасную тюрьму.

Таковъ заводъ снаружи.

Но если заводъ снаружи представляется удручающей тюрьмой, то внутри онъ кажется кромѣшнымъ адомъ. Такое впечатлѣніе производнтъ онъ на свѣжаго человѣка, мало знакомаго съ устройствомъ его и работами. Стукъ, грохотъ машинъ, бѣготня и суетня рабочихъ, въ одномъ мѣстѣ—полумракъ, въ другомъ—яркіе, почти бѣлые огни, все это производитъ впечатлѣніе чего-то сумасшедшаго, безтолковаго и необычайнаго. Но стоитъ всмотрѣться хорошенько во всю эту работу машинъ и людей, стоитъ вникнуть въ нее, и ясно станетъ, что все здѣсь дѣлается разумно и въ высшей степени обдуманно; заводъ перестанетъ казаться кромѣшнымъ адомъ, наоборотъ, будетъ привлекать массой того серьезнаго дѣла, которое въ немъ совершается.

— Какой металлъ вы считаете самымъ дорогимъ? спросилъ меня въ разговорѣ сопровождавшій меня управляющій завода.

— Золото, серебро, платина...—не подумавъ, отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, батенька, ошибаетесь! Самый дорогой металлъ—желѣзо, торжествующе сказалъ управляющій.— Безъ него нигдѣ и никуда ни шагу не ступить. Сдѣлайте-ка ножикъ изъ золота,—чего онъ стоить будетъ? И дорого, и совершено ненужная вещь, потому что и рѣзать-то имъ ничего нельзя; а желѣзо на каждомъ

шагу необходимо, безъ него жить нельзя; вотъ и выходитъ, что оно самое дорогое на свѣтѣ. А золото, да серебро, это, батенька, только роскошь. Желѣзо—ржаной, насущный хлѣбъ, а золото — пшеничная булка.

Управляющій былъ большой руки шутникъ, но нельзя было не согласиться съ нимъ, и я попросилъ показать мнѣ подробно, какъ у нихъ на заводѣ пекутъ этотъ «ржаной, насущный хлѣбъ».

Я вошелъ подъ громадный навѣсъ, подъ которымъ все было погружено въ полумракъ; люди ходили здѣсь какъ тѣни въ подземномъ царствѣ; всюду проложены рельсы, видны вагонетки; только въ одномъ углу этого сарая, подъ крышей видно ярко красное пламя, выходящее изъ жерла большой каменной печи—это доменная печь, или попросту домна. Она построена изъ кирпича, формы конической, въ высоту имѣетъ не менѣе пяти саженей; внизу видна закрытая дверка печи, а сверху къ жерлу домны ведетъ помостъ, на которомъ положены рельсы. Вверху надъ печью видны въ красномъ пламени черныя балки и перекладины, на помостѣ шевелятся люди: тамъ должно быть очень жарко, потому что онѣ едва одѣты. Управляющій повелъ меня наверхъ.

По помосту я подошелъ къ самому жерлу вулкана. Иначе нельзя было назвать эту ужасную печь, въ стѣнахъ которой, подобно лавѣ, кипѣла жидкая, почти бѣлая масса чугуна. Здѣсь нестерпимо жгло, жаръ былъ просто адскій, тѣмъ не менѣе я заглянулъ въ самый кратеръ этого вулкана и увидѣлъ сплошное море огня. Внутри что-то ревѣло и клокотало, кверху выходили тяжелые удушливые газы отъ пережженаго угля и другихъ примѣсей, такъ называемыхъ флюсовъ. Долго оставаться здѣсь не было силъ.

Около огня сновало нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Лица у нихъ были тупыя, они смотрѣли вяло и равнодушно. Опаленныя рѣсницы и брови, сухіе глаза говорили о томъ, что работа ихъ не легка.

— И какъ вы тутъ терпите?--спросилъ я старика съ опаленной бородой и усами. Сквозь рваную рубаху видно было его голое, покрытое потомъ, тѣло. Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Всю жизнь стою «на красной работѣ»,—сказалъ онъ.—Высушила она меня, какъ щепку; сколько здѣсь поту пролито, сколько этой самой соли изъ меня вышло! Не повѣрите, соль кожурой тѣло облѣпитъ... Пить постоянная охота, а за день столько поту прольешь, что совсѣмъ ослабнешь; и жить-то какъ будто неохота. Хоть весь міръ пропадай—все равно; ничего тебя не привлекаетъ къ жизни, ничто не радуетъ. Вѣрите ли, смѣяться даже забылъ... Проклятая наша работа!

Къ жерлу домны ведутъ узкіе рельсы; по нимъ рабочіе подвозятъ на вагонеткахъ приготовленную для сплава руду, которую и опрокидываютъ въ печь. Но опрокинуть надо такъ, чтобы руда равномѣрно разсыпалась по всей печи, а не съ одного края ея, и для этого нужно большое умѣнье. Прежде чѣмъ всыпать руду въ печь, ее приготовляютъ извѣстнымъ образомъ: сначала ее разогрѣваютъ, затѣмъ раздробляютъ въ дробилкѣ на мелкіе куски,—дробилка—это машина, приводимая въ дѣйствіе паромъ: руду сыплютъ въ четырехгранную воронку, на днѣ которой безпрерывно ходятъ острые крѣпкіе рѣзцы—зубья; они идутъ навстрѣчу другъ другу и когда кусокъ руды попадаетъ межъ нихъ, они дробятъ его, какъ орѣхъ. Изъ дробилки руда выходитъ размельченной въ кусочки до величины куринаго яйца каждый; затѣмъ ее перемѣшиваютъ съ древеснымъ углемъ и флюсомъ изъ известняка и шлака, и уже въ такомъ видѣ отвозятъ для ссыпки въ печь. Съ обоихъ сторонъ доменной печи находятся грамадные воздуходувные мѣха, приводимые въ дѣйствіе паромъ. Воздухъ накачивается въ печь съ такой силой, что около мѣховъ ничего не слышно: здѣсь стоитъ невообразимый шумъ, заглушающій че-

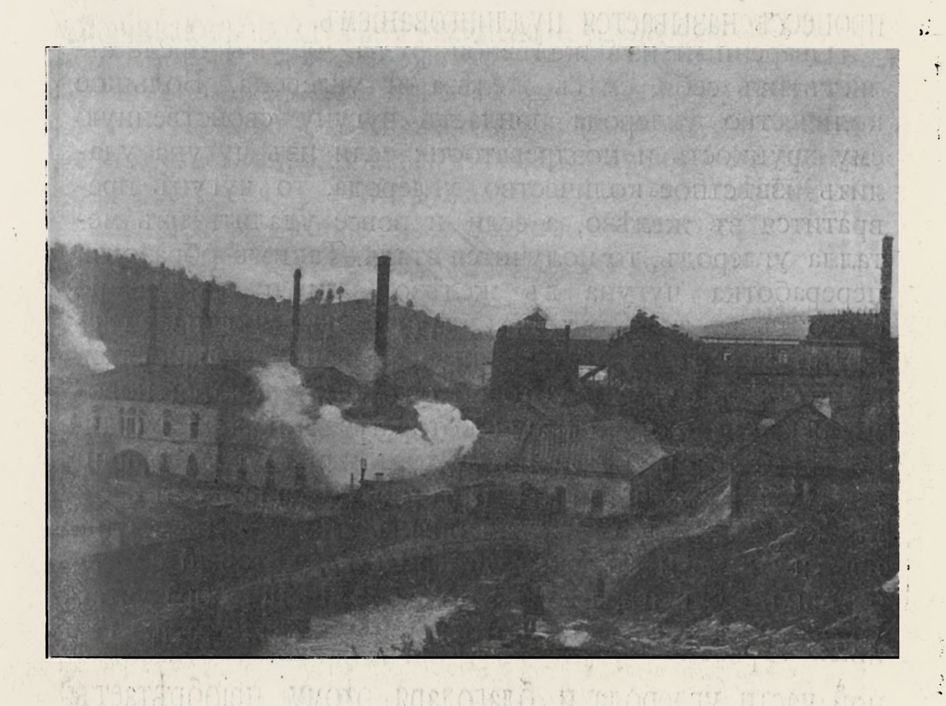
ловѣческую рѣчь на разстояніи двухъ шаговъ. Видно, какъ шевелятся рты, но говора не слышно. Воздухъ т.-е. кислородъ, проходя чрезъ горящіе угли, раскаляетъ ихъ, отчего развивается необыкновенный жаръ, при которомъ руда плавится; флюсы и разныя примѣси, такъ называемые шлаки остаются наверху, а расплавленная масса чугуна, какъ болѣе тяжелая, садится на дно печи. Когда она приметъ извѣстный оттѣнокъ т.-е. достаточно сварится—опытные рабочіе опредѣляютъ конецъ варки только по цвѣту,—то чугунъ выпускаютъ чрезъ дверку, находящуюся внизу домны, почти около земли.

— Пора выпускать,—обратился къ управляющему старикъ съ выжженными бровями и рѣсницами,—сварился, надо быть, чугунъ-то, цвѣтъ дошелъ...

Мы отправились къ отверстію печи, старикъ ловко открылъ дверцу особой кочергой,—оттуда показалась клокочущая, ярко бѣлая масса. Она вспучилась, стремясь сразу вылиться чрезъ дверцу, и затѣмъ полилась въ видѣ жидкаго, бѣлаго киселя. Отъ дверцы въ земляномъ полу проведенъ жолобъ, по которому вся масса и направляется въ особыя формы, приготовленныя здѣсь же въ землѣ; формы эти имѣютъ видъ продолговатыхъ ячеекъ, и въ каждую наливается до трехъ пудовъ чугуна. Текущая лава до такой степени раскалена, что громадный полутемный сарай мгновенно наполняется ослѣпительнымъ свѣтомъ. Видны самые отдаленные уголки. Больно смотрѣть на этотъ расплавленный потокъ, глаза слѣпитъ, подробности ускользаютъ, видна лишь масса яркаго, бѣлаго свѣта. Понемногу чугунъ начинаетъ затвердѣвать и постепенно мѣняетъ окраску: сначала розовѣетъ, потомъ дѣлается пунцовымъ съ сизоватымъ налетомъ; тогда рабочіе отдѣляютъ болванки чугуна другъ отъ друга и ловко поддѣвъ на тачки, быстро мчатъ раскаленные куски въ другія мастерскія для слѣдующихъ работъ.

— А что же домна? Погаснетъ?

— Нѣтъ, она никогда не погасаетъ, — говоритъ управляющій. — Пока чугунъ выливается изъ дверцы, сверху сдѣлали уже новую засыпку. Не дай Богъ ее остудить. Если чугунъ во время плавки застудится, то совсѣмъ не выльется изъ домны, и тогда приходится ломать печь. По нашему это называется „запечь

Заводъ въ Катавъ-Ивановѣ.

козла", и когда запечешь его, хлопотъ и убытковъ не оберешься. А сколько сраму! Всѣ смѣются. Вотъ поэтому-то дѣло это очень отвѣтственное; къ нему приставляется всегда самый опытный, бывалый рабочій, который и сторожитъ домну, какъ свое родное дитя и ухаживаетъ за ней и днемъ и ночью, и въ будни, и въ Свѣтлый Христовъ праздникъ. Да, каторжный это трудъ.

Сваренный чугунъ поступаетъ въ раскаленномъ видѣ въ дальнѣйшую обработку. Однѣ болванки идутъ въ рельсопрокатныя машины, изъ которыхъ они выходятъ въ видѣ раскаленныхъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ; изъ другихъ болванокъ выжигается желѣзо. Выжиганіе это производится въ пудлинговыхъ печахъ, и весь процессъ называется пудлингованіемъ.

Сваренный изъ желѣзной руды чугунъ представляетъ изъ себя смѣсь желѣза и углерода. Большое количество углерода придаетъ чугуну свойственную ему хрупкость и ноздреватость; если изъ чугуна удалить извѣстное количество углерода, то чугунъ превратится въ желѣзо, а если и вовсе удалить изъ металла углеродъ, то получится сталь. Такимъ образомъ, переработка чугуна въ желѣзо, или пудлингованіе состоитъ въ томъ, чтобы удалить изъ чугуна углеродъ. Для этого раскаленные болванки переносятся въ особую печь, въ которой онѣ подвергаются новому накаливанію, во время котораго въ печь безустанно вдувается при помощи мѣховъ или фурмъ горячій воздухъ. Послѣдній, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ кислородъ. Будучи раскаленнымъ, кислородъ соединяется въ печи съ тѣмъ углеродомъ, который содержится въ чугунѣ, и изъ этого соединенія образуется углекислота т.-е. газъ, который и улетучивается. Такимъ образомъ чугунъ освобождается отъ значительной части углерода и благодаря этому пріобрѣтаетъ всѣ свойства желѣза: плотность, вязкость и сплавляемость. Смотря по тому, насколько осталось въ желѣзѣ углерода, оно бываетъ лучшимъ, или худшимъ, и въ продажѣ имѣется нѣсколько сортовъ его.

Способъ пудлингованія для рабочихъ очень тяжелая работа, такъ какъ приходится все время быть около нестерпимаго огня. Постоянно открываются дверцы—заслонки печи и рабочіе длинными шестами съ желѣзными наконечниками помѣшиваютъ сплавъ; наконечники раскаляются до красна; жаръ отъ печи нестер-

пимо палитъ; лицо рабочаго защищено особой сѣткой, на которой на мѣстѣ глазъ находятся синія стекла; иные рабочіе защищаютъ глаза желѣзнымъ козырькомъ. Другіе рабочіе сбоку подбрасываютъ лопатой въ открытую печь шлакъ, необходимый для лучшаго соединенія кислорода съ углеродомъ, а мѣхи все время накачиваютъ воздухъ. Углекислота удаляется изъ печи по особымъ трубамъ. Внутри печи что-то кипитъ, бурлитъ и сверкаетъ ярко бѣлымъ пламенемъ. Подымается заслонка—и цѣлый снопъ свѣта, подобно солнечному, мгновенно освѣтитъ весь баракъ; еще мгновеніе—и снова все погружается въ мракъ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ также неожиданно снова засвѣтиться. Здѣсь словно происходитъ какое-то колдовство. Въ яркомъ пламени люди рисуются черными силуэтами и кажутся такими маленькими, невзрачными, словно гномы какого-то подземнаго царства. На нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣты желѣзные фартуки для защиты отъ искръ, которыя съ трескомъ сыплетъ раскаленная масса; одной такой искры достаточно, чтобы прожечь человѣка насквозь, а между тѣмъ огненныя брызги летятъ во всѣ стороны. Человѣкъ около этого нестерпимаго огня сохнетъ какъ мумія.

Когда кончилась выварка, рабочіе вынули изъ печи мягкіе куски раскаленнаго желѣза. Оно было сплошь ноздревато и напоминало громадную, бѣлую губку. Въ такомъ видѣ желѣзо до того мягко, что отбить кусочекъ губчатой массы нѣтъ ничего легче. Выемка изъ печи производится необыкновенно быстро, какъ и вся работа около этого нестерпимаго жара. Не успѣешь замѣтить, изъ печи уже вытащенъ раскаленный кусокъ, словно самое горящее солнце; моментально рабочій уже бѣжитъ съ нимъ, влача его по полу и освѣщая весь баракъ; за нимъ бѣжитъ другой, третій; все здѣсь дѣлается быстро и по порядку; всякъ знаетъ свое дѣло, никто не столкнется съ другимъ, не замедлитъ, люди движутся съ правильностью машины. Звѣ-

вать, медлить и толкаться здѣсь нельзя. Вываренное желѣзо, смотря по нуждѣ, идетъ или въ обжимочныя и прокатныя машины, или же отправляется для дальнѣйшей переработки на сталь въ бессемеровскія печи.

Рабочій подкатываетъ свою горящую тачку къ гигинтскому молоту; въ одно мгновеніе болванка оказывается на наковальнѣ, а молотъ въ десять тысячъ пудовъ, двигаемый паровой машиной, легко подымается вверхъ и начинаетъ тюкать по раскаленной болванкѣ. Страшно смотрѣть, какъ легко двигаются такія тяжести; просто необычайно! Молотъ плющитъ болванку, рабочій постоянно поварачиваетъ ее, несмотря на то, что отъ нея послѣ каждаго удара сыплются милліоны огненныхъ брызгъ, и придаетъ ей желаемую форму. Небольше десятка ударовъ—и болванка готова, и снова уже катится на тачкѣ дальше. Но вотъ другая машина. Здѣсь ходятъ громадные валы, нѣкоторые изъ нихъ почти соприкасаются другъ съ другомъ, или отдѣлены узкой щелью; но болванка должна пройти межъ этихъ валовъ. Она исчезаетъ въ машинѣ. Раздается какое-то скверное шипѣніе, какой-то сжатый гигантской силой трескъ; валы можжатъ, мнутъ раскаленную болванку, втягиваютъ ее въ машину, передаютъ другимъ валамъ, вся машина въ огнѣ. Но вотъ съ другой стороны машины межъ двухъ валовъ показалась широкая, тонкая и бѣлая полоса; ее подхватываютъ рабочіе, и когда она выйдетъ изъ машины вся, бросаютъ ее далеко на землю. Это—готовое листовое желѣзо, то, которымъ у насъ кроютъ крыши домовъ. А рядомъ стоитъ валъ, который принимаетъ эти листы и наматываетъ ихъ еще горячими на цилиндръ; этотъ цилиндръ вертится и отъ листовъ постепенно утолщается.

Одну за другой выкидываетъ машина полосы листоваго желѣза; на землѣ онѣ вскорѣ становятся густо-красными, багровѣютъ, затѣмъ остывая, почти синѣютъ. Ихъ вывозятъ въ пріемную и сортировочную.

Другія болванки, обжатые молотомъ, отправляются на вѣсы; здѣсь ихъ свѣшиваютъ и сдаютъ пріемщику; укладываются онѣ штабелями, въ видѣ дровъ. Наконецъ третьи—поступаютъ въ бессемеровскія печи для выплавки изъ нихъ стали.

— Теперь пойдемъ посмотримъ, какъ «томятъ» сталь,—предложилъ управляющій. Мы зашли въ новый сарай.

Въ прежнее время сталь добывалась самымъ допотопнымъ способомъ: она получалась путемъ страшно сильнаго накаливанія металла, которое все таки не могло очистить металлъ отъ всего углерода. Подобное этому добываніе стали производится на нѣкоторыхъ заводахъ и до сихъ поръ и называется тигельнымъ. Но этотъ способъ требуетъ большихъ усилій и расходовъ, а результаты даетъ небольшіе. Англичанинъ Генрихъ Бессемеръ изобрѣлъ особаго устройства печь и далъ новый способъ полученія стали. Бессемеровская печь имѣетъ видъ громадной реторты-котла, куда накачивается горячій воздухъ. Въ котелъ помѣщаютъ штабелями раскаленныя болванки, такъ чтобы огонь охватывалъ ихъ кругомъ, и прибавляютъ шлакъ. Изъ горла реторты летитъ цѣлый снопъ искръ, горны съ оглушительнымъ шумомъ вдуваютъ въ котелъ необходимый для горѣнія кислородъ, и въ этомъ адскомъ огнѣ желѣзо начинаетъ расплавляться въ жидкую массу. Рабочіе стоятъ у печи и помѣшиваютъ эту огненную массу длинными щипцами. Процессъ бессемерованія состоитъ въ томъ, чтобы *выжечь* углеродъ и для этого и развивается такой адскій жаръ. Понемногу печь словно успокаивается, пламя надъ котломъ дѣлается ровнѣе, огненныхъ брызгъ меньше, гудѣніе фурмъ словно затихаетъ. Одинъ изъ рабочихъ стоитъ на возвышеніи и чрезъ спектроскопъ смотритъ на цвѣтъ пламени: конецъ работы опредѣляется по цвѣту расплавленной массы, потому что чѣмъ меньше углерода, тѣмъ блѣднѣе пламя. Пламя стало блѣднымъ и угле-

родъ весь улетучился. Другія примѣси, которыя были въ чугунѣ, тоже соелинились съ кислородомъ и образовали продукты горѣнія; газообразныя части улетучились, а жидкія всплыли наверхъ въ видѣ шлака.

Подставили къ ретортѣ длинный, узкій жолобъ, и по немъ влили въ котелъ извѣстное количество расплавленнаго чугуна. Опять помѣшали, и чрезъ нѣ-

Входъ въ заводъ. Штабели болванокъ.
(По мѣстн. фотогр.)

сколько минутъ открыли котелъ. По жолобу потекла огненной рѣкой расплавленная масса, сверкая и переливаясь. То была сталь. Къ другому концу жолоба подставили громадный чанъ, и вся масса перелилась въ него, наполнивъ его до краевъ. Сверху въ чанѣ образовался густоватый налетъ—расплавленные шлаки. Мгновенно чанъ со всей массой стали двинулся по рельсамъ съ мѣста, къ цилиндрическимъ формамъ, устроеннымъ ниже его. Со дна его выбили втулку, закрывавшую

отверстіе, и вотъ масса потекла чрезъ это отверстіе въ цилиндръ. Когда одна форма наполнилась, чанъ поѣхалъ къ другой, къ третьей. Въ формахъ сталь скоро застыла; тогда стѣнки цилиндра сняли и сталь приняла форму цилиндрической болванки, ярко бѣлаго цвѣта. Эти болванки переносятъ, пока онѣ раскалены, въ обжимочную, гдѣ онѣ и поступаютъ въ дальнѣйшее производство. Процессъ вывариванія стали конченъ.

Бессемеровскія печи даютъ возможность выработать сразу большое количество стали; но на нѣкоторыхъ заводахъ существуетъ тигельное производство стали. Въ большой палатѣ стоитъ рядъ небольшихъ печей, въ которыхъ при сильномъ накаливаніи сталь выварявается въ глиняныхъ сосудахъ-тигляхъ. Сталь получается при такомъ способѣ самаго лучшаго качества, но небольшими, отдѣльными порціями. Двое рабочихъ винимаютъ изъ печи длинными щипцами раскаленный тигель и какъ сумасшедшіе бѣгутъ съ нимъ къ большой воронкѣ, въ которую и вливаютъ жидкую массу. Изъ воронки масса переливается въ формы. Опорожнивъ тигель, рабочіе бѣгомъ несутъ его назадъ, бросаютъ на землю и разбиваютъ въ дребезги. Навстрѣчу имъ и за ними бѣгутъ такіе же пары съ горящими тигелями, и никто не столкнется, не помѣшаетъ. Эта бѣготня съ горящими тигелями напоминаетъ какой-то сумасшедшій, но стройный танецъ какихъ-то дикихъ существъ, а не людей. И сколько тутъ надо приложить умѣнья и труда, чтобы изъ куска черной руды получить тѣ драгоцѣнные металлы, изъ которыхъ сдѣланы почти всѣ вещи нашего ежедневнаго обихода, безъ которыхъ современная культура не можетъ обойтись ни на одну минуту, ни на одинъ шагъ! И когда мы ежедневно употребляемъ ножъ, вилку, топоръ, пилу, перо и прочія издѣлія изъ желѣза и стали, мы не представляемъ себѣ тѣхъ людей, неимовѣрными трудами которыхъ все это сдѣлано. Не представляются намъ обожженныя рѣсницы и брови,

сухіе, воспаленные глаза, ожоги на рукахъ и лицѣ; не чувствуется тотъ зной, который сушитъ изо дня въ день изможденное тѣло. А между тѣмъ эти люди, эти герои, жертвующіе своимъ трудомъ, здоровьемъ и жизнью ради блага всего міра, эти герои часто выбиваются изъ силъ. Вотъ сидитъ поодаль отъ печи группа рабочихъ, только что томившихъ сталь! Они похожи на безчувственныхъ истукановъ. Они еле дышатъ. Равнодушными, безстрастными глазами смотрятъ они, ничего не видя, не слыша; въ нихъ все убито заживо, убито всепожирающимъ огнемъ... И только одно желаніе горитъ въ ихъ сердцахъ: скорѣе бы вырваться изъ этого кромѣшнаго ада и глотнуть своими высушенными легкими свѣжій, чистый воздухъ. Эти герои—простые заводскіе рабочіе.

Гулко, продолжительно прогудѣлъ заводскій гудокъ. Изъ заводскаго чрева начинаютъ выходить группы рабочихъ. Грязные, черные, помятые, они усталой, разбитой походкой проходятъ заводскій дворъ и разсыпаются по слободѣ, кто куда. Заводъ погружается въ зловѣщую темноту; только кое-гдѣ въ этой темнотѣ вырывается изъ жерла трубъ ярко-красное пламя: даже ночью заводъ не успокаивается, дышитъ огнемъ и по этому видно, что тамъ еще работаютъ люди: тамъ осталась ночная смѣна.

Наверху горы, окружающей заводъ, зажигаются огоньки: то свѣтятся окна рабочихъ. Я взобрался на верхушку горы. Подыматься пришлось почти по отвѣсной стѣнѣ, и невольно приходитъ на мысль, каково рабочимъ взбираться и спускаться по этой крутизнѣ четыре раза въ день. Эти подъемы и спуски должны сильно утомлять и безъ того утомленныхъ людей. Наверху горы рядами расположились избушки заводской бѣдноты; крыши рисуются на темномъ небѣ черным зубчатымъ гребнемъ и сливаются во мракѣ ночи. Сверху горы видѣнъ заводскій прудъ, въ которомъ отражаются огоньки избушекъ, дальше нѣ-

сколько большихъ, красныхъ пятенъ, бросаемыхъ заводскими трубами; надъ заводомъ стоитъ зарево, въ которомъ видны черные силуэты трубъ, а дальше на противоположномъ высокомъ берегу видны такіе же огоньки въ окнахъ рабочихъ избушекъ, за которыми все сливается въ одну массу черной, ночной дали. Мрачная, немного тяжелая и дикая картина.

Удручающая тишина царствуетъ въ этихъ рабочихъ кварталахъ въ будніе дни. Рѣдко здѣсь послышится беззаботная пѣсня или веселый смѣхъ, иногда лишь раздастся отрывочный, громкій говоръ, и опять все стихнетъ, замретъ. Послѣ одиннадцати—часовой, утомительной работы рабочему хочется отдохнуть, поужинать, часъ—два провести въ семьѣ, и затѣмъ скорѣе уснуть, чтобы раннимъ утромъ выйти опять на работу. Такъ проходятъ ежедневно рабочее время. Только въ воскресенье услышишь и пѣсни, и скрипъ разудалой гармоники, и человѣческое веселье—смѣхъ. Никакой адъ не въ состояніи убить человѣческой души. Но чему они радуется, почему веселятся?

Если вглядѣться поглубже, то можно замѣтить, что это веселье искусственное, порывистое, и проявляется лишь для того, чтобы забыть, заглушить каторгу обыденной жизни. И такое веселье выливается иногда въ уродливыя формы, въ видѣ буйства и безудержнаго разгула. Стѣсненной душѣ хочется выйти на просторъ, хотя бы въ безалаберной формѣ.

— Охъ ужъ эта мастеровщина!—жаловались мнѣ обыватели, которые составляютъ въ заводѣ привилегированное сословіе. Это высшіе заводскіе служащіе, конторщики, лѣсники, торговцы, даже учителя; это аристократія завода, которой здѣсь живется сравнительно недурно.—Никогда отъ нихъ покоя нѣтъ: горланятъ тутъ пѣсни, проходя мимо оконъ, визжатъ на гармоникѣ, просто спать не даютъ. И всякой-то гадости жди отъ нихъ... Неучтивые такіе, пройти по благородному нельзя...

Во всѣхъ уральскихъ заводахъ можно замѣтить страшную рознь между низшими рабочими и высшими. Ничто ихъ не связываетъ. Положимъ, интеллигенція и заводское управленіе устроили школы, больницы, библіотеки, но дальше этого офиціальнаго доброжелательства отношенія интеллигентовъ къ народу не идутъ.

— Чего имъ надо?—говорили мнѣ эти интеллигенты, — школы, библіотеки у нихъ есть, — развивайся, учись; боленъ — лѣчись; изувѣчила тебя машина — получай пособіе. Все сдѣлано. Надо бы цѣнить это, наше вниманіе, наши труды... А они ничѣмъ не пользуются, ничѣмъ недовольны.

Конечно, недовольны. Устроить школы, церкви и лѣчебницы изъ большихъ заработковъ легко, даже ничего не стоитъ; но успокоиться на этомъ нельзя. Нельзя отдѣлаться отъ людей только пожертвованіями и внушеніями; рабочій людъ требуетъ къ себѣ душевнаго отношенія, справедливости, смотритъ на всѣ эти учрежденія, какъ на свое, принадлежащее ему по праву, и къ интеллигентамъ, какъ къ сытымъ людямъ, относится съ недоброжелательствомъ. Здѣсь на заводѣ можно воочію видѣть рознь между людьми сытыми и голодными.

Былъ воскресный день. Рабочій людъ отдыхалъ, словно по евангелію. Кое-гдѣ виднѣлись группы рабочихъ, наряженныхъ въ пиджаки; кое-гдѣ слышался громкій смѣхъ, перемѣшанный съ визгомъ гармоники и пѣсней. Я забрался къ одному рабочему, Евлаху, съ которымъ познакомился за недѣлю пребыванія въ заводѣ и слушалъ его безконечные разговоры. Избушка его стояла на самомъ обрывѣ, и глядѣла своими окнами на весь заводъ. Внутри избы тѣсно и довольно грязно. Единственная комната перегорожена яркокраснымъ ситцевымъ занавѣсомъ, за которымъ спальня; первая часть комнаты обставлена стульями, въ одномъ углу столъ, а въ другомъ — русская печь; на стѣнахъ наклеены кой-какія лубочныя картины и фотографіи. Жена

Евлаха, невзрачная, сухая женщина, то суетилась у печи, то сидѣла у себя за занавѣской. По всему видно было, что здѣсь жили невесело и донельзя однообразно.

Евлахъ, мужчина среднихъ лѣтъ, средняго роста, казался гостемъ въ этой убогой избѣ. Онъ и на самомъ дѣлѣ былъ гостемъ, потому что приходилъ изъ завода домой только по вечерамъ. Онъ вовсе не напоминалъ зажиточнаго, заботливаго русскаго домохозяина, у котораго домъ — полная чаша; наоборотъ: его хозяйство было почти убого, и кромѣ горшковъ, необходимыхъ для варки пищи, въ избѣ ничего изъ утвари не было. Но по его обгорѣлому лицу, по высушеннымъ глазамъ видно было, что онъ желаетъ быть гостепріимнымъ и радъ встрѣтить чужаго человѣка, поговорить съ нимъ, отвести съ нимъ душу.

Грязь на заводскихъ улицахъ. Жилища рабочихъ.

— Живу отъ роду въ этой хибаркѣ,—говорилъ онъ,—отъ отца досталась,—а до сихъ поръ не накопилъ никакого добра; даже курицы не завелъ. Блудящая собака однажды пристала, да и та сбѣжала; потому, видитъ — нехозяйственно, голодно. Если что нужно для хозяйства, сейчасъ въ лавку. Эй, старушка моя, угости насъ хоть чайкомъ!..

— Знаете что, предложилъ я,—возьмемъ чайникъ,

да пойдемъ въ горы; тамъ и чайку попьемъ, и побесѣдуемъ вдоволь...

— Вотъ, это дѣло!—воскликнулъ Евлахъ.—И какъ это вы хорошо догадались!... По крайней мѣрѣ хоть часикъ поживешь по человѣчески, вдали отъ этого завода.

Былъ теплый лѣтній день; воздухъ почти стоялъ. Мы расположились на верхушкѣ одной изъ горъ, откуда открывался широкій видъ на отдаленныя цѣпи терявшихся вдали вершинъ. Выбравъ мѣстечко межъ кустовъ можжевельника и жидкихъ елокъ, мы развели костеръ и стали варить чай. Подъ вліяніемъ торжественной тишины и мягкаго солнечнаго тепла, лившагося съ бездонно-голубого неба, Евлахъ пустился въ откровенности и разсказалъ мнѣ многое изъ своей незавидно-тяжелой рабочей жизни.

— Не люблю я самого себя,—разсказывалъ онъ,—до смерти ненавижу. Столько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, а для чего жилъ, что сдѣлалъ? Работалъ для всего человѣчества? Водъ удовольствіе-то! А что оно мнѣ дало, это человѣчество? Ничѣмъ оно не подарило меня, кромѣ горькой нужды. Глаза потерялъ, легкія высушилъ, безъ волосъ хожу, на человѣка не похожъ сталъ... Развѣ нельзя такъ работать для человѣчества, чтобы и самому не погибнуть... Подневольный я человѣкъ, изъ-за куска хлѣба работалъ я для міра, погибшій я человѣкъ... Теперь-то я смирился уже, стишился, погасъ, а то ли было раньше! Вотъ когда неповиннаго человѣка ведутъ въ тюрьму, а онъ рвется на волю, такъ и со мной было. Ни за что не хотѣлъ я покориться своей жизни. И бывало такая злоба нападетъ на себя, что готовъ землю рыть со злости. На этой же горѣ, бывало, лежишь, и плачешь. И самъ не знаешь о чемъ. Въ слободѣ играютъ на гармоникахъ, поютъ пѣсни, а меня только хуже разбираетъ. Лежишь этакъ да изнываешь, а потомъ какъ вскочишь!.. Кажется весь свѣтъ перевернулъ бы, если-бъ

можно было его ухватить. Схватишь этакъ громадный валунъ, и давай съ нимъ бороться. Онъ упирается, не сходитъ съ мѣста, наваливаетъ на меня, а я на него; одолѣю его, спихну съ горы внизъ; покатится онъ подъ гору мелкимъ бѣсомъ, а мнѣ кажется, будто я все злосчастное горе, всю поганую жизнь спихнулъ въ пропасть! И таково-то жалко послѣ этого станетъ себя! Вѣдь что вы думаете! Заводъ втянулъ меня въ себя, не справился я съ нимъ, не одолѣлъ; на всю жизнь закрѣпостилъ меня, въ немъ и умру. Женился я, дѣти пошли, нужды да голоду прибавилось; а что изъ дѣтей-то будетъ? Такіе же каторжники, какъ и я. Будутъ вѣкъ ходить на заводъ, жариться у огня, сохнуть; ни отдыха тебѣ, ни удовольствія на свѣтѣ. Сгубилъ меня заводъ... И не одного меня, а тысячи такихъ. Провались ты сквозь землю, эта огненная работа; провались весь заводъ!

Евлахъ вскочилъ на ноги и усиленно размахивалъ руками. Лицо его пылало, глаза горѣли гнѣвомъ. Обернувшись лицомъ въ сторону завода, черныя трубы котораго едва мелькали изъ-за гребня передней горы, Евлахъ, высоко поднявъ голову, выкрикивалъ громкимъ голосомъ проклятія погубившему его заводу.

— Ты звѣрь!.. Ты чудовище!.. Ты огненная змѣя, высосавшая мою горячую кровь!.. Однимъ ты даешь богатство, роскошь, другимъ смерть! Я ненавижу тебя! я... я, я!

Голосъ измѣнилъ ему; Евлахъ тяжело опустился на землю, повѣсилъ голову на руку и заплакалъ безпомощными, дѣтскими слезами. Изъ глазъ его, лишенныхъ рѣсницъ, текли крупныя слезы и одна за другой падали на землю. Огонь костра игралъ въ нихъ и окрашивалъ ихъ въ рубиновый цвѣтъ. Слезы казались кровавыми.

Старушка, мирно собиравшая по склону горы землянику, испуганная неистовыми, дикими выкриками, выпрямилась, закрыла рукой глаза отъ вечерняго солн-

ца, и, очевидно узнавъ Евлаха, подошла къ нашему костру.

— Евлаша... Ты что, касатикъ? Опять затосковалъ, сердечный?—участливо спросила она, нагибаясь къ нему. Евлахъ утеръ слезы и пріободрился.

— Малость взгрустнулось, бабонька!—привѣтливо сказалъ онъ. Въ голосѣ его слышались остатки горечи и усталость.—Жалость къ самому себѣ разберетъ, вотъ и начнешь ругаться... Э, да дѣло обычное! Садись, бабонька, выпей чайку.

Старуха подсѣла къ огню и съ удовольствіемъ начала пить чай. Она серьезно выпятила впередъ свои впавшія губы, громко втягивала въ себя вкусный чай.

— Не жалѣй ты себя, Евлаша, — говорила она, потягивая чай.—Брось ты это дѣло, смирись!.. Подумай, вѣдь одинъ ли ты такой на свѣтѣ. Вспомни мое горе-то!... У всякаго есть своя тяготá...

Я спросилъ у старухи про ея горе; она, немного поколебавшись, разсказала.

— И какъ не горе-то, кормилецъ мой,—говорила она.—Былъ у меня сынишко, одинъ — одинешенекъ; вотъ, Евлаша знаетъ всю мою жисть. Давно это было. И такой славный мальчуганишко былъ на свѣтѣ! Одиннадцать лѣтъ ему было, а все рвется въ школу. Стоитъ у дверей школы, и ждетъ не дождется, на морозѣ мерзнетъ, пока мальчишки высыплются изъ училища. Спрашиваетъ у нихъ то, да се, чему учили въ школѣ, что говорили... Охота ему смертная была въ школѣ учиться, да гдѣ тутъ! Ни обутковъ, ни лопотишки нѣтъ, а вѣдь въ школу отдавать, надо пріодѣть. Такъ дома и сидѣлъ, меня старую тѣшилъ. А тутъ какъ на грѣхъ подвернулся одинъ совѣтчикъ: «пошли ты, говоритъ, Степку на заводъ. Все же двугривенный заработаетъ въ день, а тебѣ старой подмога». Не хотѣла я, да осилилъ ворогъ. Ѣсть нечего, безъ лопоти ходили: деньги не мѣшаютъ. Опять же, думаю, мальчишка безъ дѣла околачивается, а тамъ всежъ къ чему-нибудь пріучится. А благодѣ-

тель-то этотъ пришелъ и говоритъ: «снаряжай своего Степку на заводъ завтра же: мѣсто выхлопоталъ ему въ костыльной *). Упустишь мѣсто, потомъ не скоро получишь».—Согрѣшила я, позарилась на этотъ двоегривенный, и отправила своего Степушку на заводъ. . . . .

Заводскія дѣти.

И не вышло изъ этого дѣла никакого толку: пропалъ мой Степушка. Поставили его вертѣть колесо ногой, этакого-то хрупкаго, болѣзнаго!... Куда ему вертѣть-то, тяжелое колесо! Молотъ стучитъ и стучитъ, а ты верти не отставай, иначе молотъ то будетъ

*) Костыльная—мастерская, въ которой выдѣлываютъ «костыли» т.-е. крючки для прикрѣпленія рельсовъ къ шпаламъ.

тюкать по пустой наковальнѣ, мастеръ будетъ браниться, да пихать кулакомъ. Десять денъ держался онъ, ходилъ на эту проклятущую работу, а на одиннадцатый день не выдержалъ: пришелъ до смѣны,— не могу, говоритъ, мамынька! Не можется!—А самъ весь красный, живымъ огнемъ горитъ. Ночью бредить сталъ. Позвала я фершелицу; посмотрѣла—говоритъ, тифъ, да еще легкія воспалились. Побилась я этакъ недѣльку съ мальчишкой, и умеръ мой Степушка, погасъ, какъ свѣча восковая... Взяла я отъ завода его двоегривенный заработокъ за двѣ недѣли, и весь-то онъ пригодился на гробикъ моему Степушкѣ... Одна я, горемычная, живу съ тѣхъ поръ.

На глазахъ добродушной старухи показались слезы.

— Какъ же ты одна на свѣтѣ живешь-то?—спросилъ я ее.

— А такъ и живу,—отвѣтила она.—Одна-одинешенька живу, съ Господомъ Богомъ, съ котомъ Васькой, да съ курицей Матрунькой. Вотъ и вся моя компанія.

На этотъ день впечатлѣній было болѣе чѣмъ довольно. Я слишкомъ много узналъ о заводскихъ горестяхъ, печаляхъ, о нуждѣ, и въ сердце невольно закралось горькое чувство по отношенію къ этимъ заводамъ, призваннымъ совершить такое великое, культурное дѣло, и въ то же время являющимся тюрьмой и неминуемой плахой для живыхъ людей.

Солнце скрылось за горой. Ложбины уже погрузились въ сумрачную темноту; только на отдѣльныхъ верхушкахъ горъ играли послѣдніе, красные лучи. Когда мы спустались въ долину, стало совсѣмъ темно, и въ окнахъ слободки зажглись огоньки.

Дневной шумъ уже замеръ. Только гдѣ-то на самой грани каменной стѣны, гдѣ-то вверху раздавались носовые звуки гармоники и чей-то чистый, звонкій теноръ пѣлъ распространенную среди уральскихъ рабочихъ пѣсню:

— Накинувъ плащъ, съ гитарой подъ полою,
Къ ея окну прильнувъ въ тиши ночной,
Не разбужу-ль я пѣсней удалою
Роскошный сонъ красавицы младой!..

Заводъ тяжело дышалъ, поджидая къ утру своихъ рабовъ.

Въ одинъ изъ слѣдуюшихъ дней я посѣтилъ заводскую читальню. Въ мрачной, грязной комнатѣ, тускло освѣщенной керосиновыми лампами, спускавшимися съ потолка, сидѣли три рабочихъ, погруженныхъ въ чтеніе. Только три человѣка пришли сюда, влекомые жаждой умственной пищи. Но въ читальнѣ оказались такія жалкія, безполезныя книги, что мнѣ жалко стало времени рабочихъ, которое они тратили на это чтеніе. До чего сильно надо стремиться къ просвѣщенію, чтобы читать даже эти ненужныя книги, которыми набиты заводскія читальни!..

Заработокъ рабочихъ очень не великъ: на «красной работѣ» они получаютъ около рубля въ день, на другихъ же работахъ, въ особенности на вольномъ воздухѣ,—наполовину меньше. Работаютъ они почти одиннадцать часовъ въ сутки. Можно себѣ представить, какова ихъ жизнь.

Интеллигенцію заводскаго городка составляютъ заводскіе служащіе, лѣсники, учителя, доктора, а на нѣкоторыхъ заводахъ есть и судебный слѣдователь, и присяжный повѣренный. Всѣ эти люди живутъ вразбродъ, не связанные никакими общими интересами. Иногда въ этой средѣ встрѣтится живой, съ искрой Божіей человѣкъ; но будничная жизнь, отсутствіе общности интересовъ и поддержки зачастую гасятъ эту искру; такіе люди зачастую здѣсь спиваются. Большинство же мало интересуется общественной жизнью; даже газеты не всегда читаетъ, а журналы и книги подавно; день уходитъ у нихъ на стяжаніе, а вечеръ и ночь на безконечную игру въ карты. Въ этой средѣ царитъ мертвящая скука. Въ одномъ изъ заводовъ я остановился у одного стараго, заводскаго служаки. Онъ занималъ невысокое

положеніе, но у него я нашелъ нѣсколько позднѣйшихъ газетъ, на которыя съ жадностью набросился, такъ какъ давно не читалъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; кромѣ газетъ онъ выписывалъ нѣсколько толстыхъ журналовъ, и прочитывалъ ихъ съ начала до конца.

Конопляное поле.

— Зачѣмъ и выписывать, если не читать ихъ, — сказалъ онъ, — вѣдь деньги плочены не за бумагу, а за статьи. И дѣйствительно, это былъ рѣдко развитый для уральскихъ заводовъ человѣкъ, широко интересовавшійся не только современной жизнью, но и наукой. Но этому человѣку не нашлось мѣста въ средѣ заводскихъ аристократовъ, онъ жилъ совершенно одинъ, не сливаясь съ окружавшей средой. Проживъ у него

два дня, я отдохнулъ душой послѣ всѣхъ заводскихъ картинъ.

«Жаль, что уѣзжаете,—говорилъ онъ мнѣ на прощаньи,—теперь я снова останусь одинъ; и жди годы, когда заѣдетъ свѣжій человѣкъ».

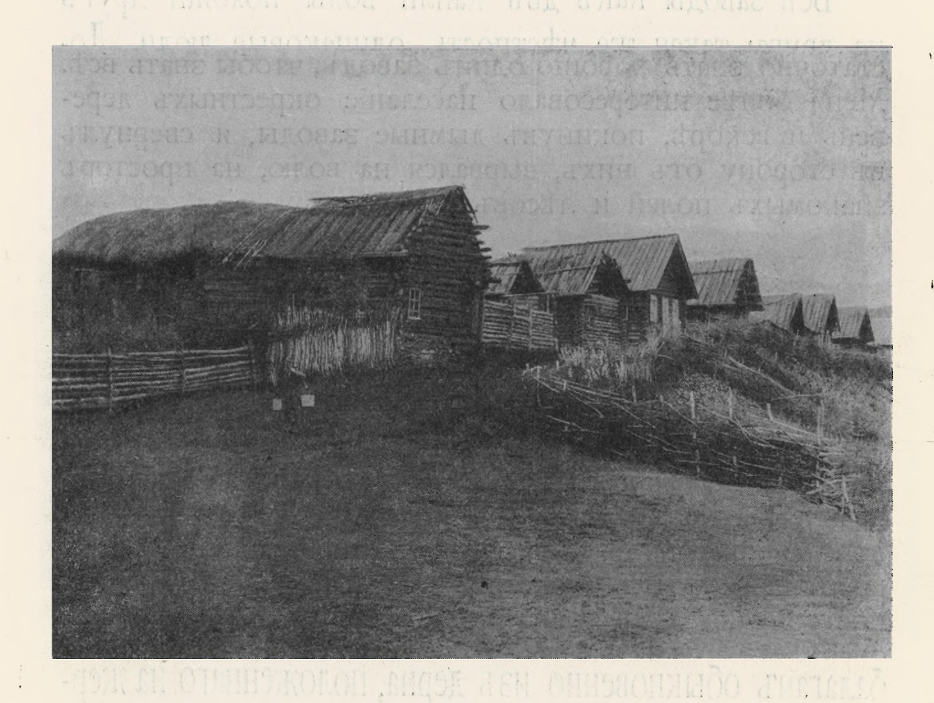
Мы разстались друзьями.

Всѣ заводы какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга: такая же мѣстность, одинаковые люди. Достаточно знать хорошо одинъ заводъ, чтобы знать всѣ. Меня болѣе интересовало населеніе окрестныхъ деревень и вскорѣ, покинувъ дымные заводы, я свернулъ въ сторону отъ нихъ, вырвался на волю, на просторъ знакомыхъ полей и лѣсовъ.

Окруженныя громаднѣйшими заводскими угодьями, ютятся гдѣ-нибудь въ широкихъ ложбинахъ, у береговъ рѣкъ, или на широкихъ плоскогорьяхъ, переходящихъ въ степь, небольшія деревни съ русскимъ населеніемъ. Въ морѣ заводскихъ земель крестьянскія угодья кажутся небольшими островками. На краю деревни, почти въ полѣ стоитъ поскотина, громаднѣйшія ворота, вращающіяся на средней, вертикальной оси; у воротъ выстроенъ балаганъ для сторожа. Это высокая постройка, конической формы, немого напоминающая самоѣдскій чумъ; иногда это низкая землянка. Дѣлается балаганъ обыкновенно изъ дерна, положеннаго на жерди. Впереди маленькое отвестіе для входа, завѣшенное рогожей, вверху дыра для прохода дыма. Внутри такого балагана трудно повернуться; въ одномъ углу грязная постель, въ изголовьи сундукъ, рядомъ табуретъ, служащій столомъ, а посреди очагъ для огня. Огонь разводится здѣсь только въ ненастную погоду, а въ ясные дни — снаружи, передъ шалашомъ. Сторожемъ назначается всегда какой-нибудь немощный, безпріютный старикъ-бобыль, которому деревня и даетъ это общественное дѣло. На его обязанности лежитъ—

открывать и закрывать за проѣзжими ворота, а такъ какъ дѣло это небольшое, то на досугѣ онъ тутъ же, сидя у своего балагана, плететъ лапти или корзины.

Уральскія деревни отличаются отъ великорусскихъ только необыкновенно широкими улицами; видно, здѣсь когда-то не было недостатка въ землѣ. Отъ главной ули-

Русская деревня на Уралѣ.

цы идетъ нѣсколько поперечныхъ, посреди деревни стоитъ обыкновенно часовенка, иногда церковь; избы стоятъ скучными, однообразными рядами. Нѣкоторыя избы сложены изъ крѣпкихъ восьмивершковыхъ бревенъ; это постройки тѣхъ временъ, когда въ окрестностяхъ стояли исполинскіе, кондовые лѣса; новѣйшія же постройки сдѣланы изъ тонкихъ бревенъ, купленныхъ, или порубленныхъ въ заводскомъ лѣсу; въ срав-

неніи со старыми, эти постройки кажутся жидкими, легкомысленными, и придаютъ деревнѣ характеръ бѣдности и неряшества. Крыши соломенныя, изрѣдка тесовыя. Рядомъ съ домомъ стоятъ громаднѣйшія, тяжелыя русскія ворота. Обычай ставить такія крѣпкія ворота беретъ начало въ глубокой древности, когда великороссу приходилось вѣчно быть на сторожѣ отъ всевозможныхъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, для защиты отъ нихъ строить исполинскія ворота и превращать свой домъ въ собственную маленькую крѣпость. За такими воротами можно чувствовать себя спокойно, обособленно: недовѣріе другъ къ другу, замкнутость, обособленность—характерныя черты великоросса, и въ этомъ онъ сильно отличается отъ своихъ, болѣе открытыхъ соплеменниковъ: малороссовъ, бѣлоруссовъ и др. Въ Польшѣ, Бѣлоруссіи, Малороссіи, въ Литвѣ—въ мѣстахъ, даже богатыхъ лѣсомъ, такихъ крѣпостныхъ воротъ не строятъ: воротами служитъ простая рѣшетка, скорѣе для защиты отъ скотины, нежели изъ боязни передъ чужимъ человѣкомъ. Даже сосѣдніе башкиры, которыхъ такъ часто обвиняютъ въ вороватости, относятся къ людямъ болѣе довѣрчиво, и сквозь ихъ рѣшетчатыя ворота легко можетъ проникнуть всякъ, а ужъ видѣть, что дѣлается въ усадьбѣ, можно рѣшительно все. Все открыто. Даже лѣсные башкиры, у которыхъ въ лѣсѣ недостатка нѣтъ, дѣлаютъ самыя легкія ворота-рѣшетки.

Другой характерной чертой великоросса является нелюбовь къ природѣ, къ зелени, Въ то время, какъ малороссъ, бѣлоруссъ и полякъ стараются украсить свои хаты зеленью, разводятъ впереди, передъ окнами палисадники и цвѣтники, а рядомъ —садики съ плодовыми деревьями, великороссъ безжалостно рубитъ послѣднюю рябину, выросшую передъ его избой. Зачѣмъ де она? Только мѣшается тутъ. Закрываетъ хорошій видъ на избу. Пусть де всѣ крещеные видятъ, какая у меня красивая, новая изба,—и вся деревня стоитъ безъ зеле-

ни, а ряды избъ напоминаютъ пустыя казармы. Здѣсь нѣтъ уютности, природной красоты. За то внутри двора, за воротами, великороссъ чувствуетъ себя какъ дома. Ближе къ избѣ стоитъ амбаръ съ засѣками для ссыпки хлѣба, рядомъ бываетъ клѣть для свалки и храненія всякаго скарба, а часто клѣть и амбаръ составляютъ одно помѣщеніе; это мужицкое достояніе вѣчно сторожитъ цѣпная собака, къ которой лучше не подходи. Дальше идутъ хлѣвы, а вдоль задней стороны двора—широкій навѣсъ—повѣть, подъ которымъ въ лѣтнее время стоятъ лошади, телѣги и виситъ упряжь. Все здѣсь уютно и домовито. Но благодаря этимъ крѣпостнымъ стѣнамъ, окружающимъ дворъ, и тѣснотѣ, здѣсь много тѣни и потому масса грязи. Дворы эти не гигіеничны, а въ случаѣ пожара всѣ постройки превращаются въ одинъ громадный, пылающій костеръ.

Мнѣ пришлось быть неожиданнымъ свидѣтелемъ одного такого пожара. Уже два дня жилъ я у одного симпатичнаго, домовитаго хозяина. Дворъ его былъ полонъ всякимъ скарбомъ, всякой подѣлкой, сдѣланной своими руками. Здѣсь много чему было присмотрѣться и поучиться. На соломенной крышѣ повѣти стояло нѣсколько домиковъ—пчелиныхъ ульевъ, внутри двора всякая утварь: деревянная, ручная мельница, хитроумное точило, льняная мялка, большія осиновыя колоды для корма скота, однимъ словомъ все, что накопляется въ крестьянскомъ хозяйствѣ не однимъ десяткомъ лѣтъ. Я спалъ подъ повѣтью на сѣнѣ, предпочитая ночлегъ на свѣжемъ воздухѣ душной избѣ, переполненной тараканами и клопами; среди ночи меня растолкалъ хозяинъ. Лицо его было блѣдно, какъ мѣлъ, губы дрожали; открывъ глаза, я увидѣлъ весь дворъ въ ярко красномъ освѣщеніи. Въ то же время былъ слышенъ шумъ и раздавался предательскій, противный трескъ. «Горимъ!»—на ходу прохрипѣлъ хозяинъ и убѣжалъ спасать свое имущество. Огонь несся съ сосѣдняго двора, уже превратившагося въ одинъ сплошной ко-

стеръ, и легкій вѣтерокъ относилъ пламя прямо сюда. Уже закурились стѣнки сараевъ, огненные языки лизали соломенную крышу и повѣть. Бороться съ огнемъ здѣсь не было никакой возможности; здѣсь можно было только спасать и спасаться. На дворѣ поднялась невообразимая суматоха, люди метались, какъ сумасшедшіе, и, потерявъ разсудокъ, таскали вонъ дрова,

Рига.

щепки и прочую рухлядь, оставляя болѣе цѣнное добро въ жертву пламени. Я едва успѣлъ найти и вытащить свою дорожную кладь. Хозяинъ бился въ хлѣву, стараясь вывести изъ дыма перепуганныхъ коровъ: онѣ ревѣли, упирались, и ни за что не хотѣли выйти изъ хлѣва. Овцы сбились въ одну кучу подъ повѣтью и не хотѣли выйти на ярко освѣщенный дворъ, куры и гуси подняли невообразимый крикъ, усиливающій об-

щую панику; собака охрипла отъ лая. И всѣ они погибли въ огнѣ. Собаку я успѣлъ освободить, перерѣзавъ своимъ дорожнымъ кинжаломъ толстую веревку; въ благодарность за спасеніе она больно укусила меня въ ногу и убѣжала; но весь скотъ, исключая лошадей, бывшихъ на пастьбѣ, погибъ. Погибло и все мужицкое имущество. Добропорядочный, зажиточный мужикъ въ одинъ часъ сталъ горе-горькимъ бѣднякомъ.

Печальное зрѣлище представляло пожарище при свѣтѣ занявшагося ранняго утра. Деревенскіе пожары, какъ начинаются, такъ и прекращаются, очень скоро: но они губительны. Послѣ нихъ ничего не остается. Скосивъ рядъ дворовъ, огонь дошелъ до широкой улицы, и здѣсь, не будучи въ силахъ перекинуться черезъ нее, прекратился. Груды развалинъ и обгорѣлыхъ бревенъ красовались на мѣстѣ прежнихъ бревенчатыхъ избъ. Въ этой равнинѣ, покрытой чернымъ углемъ и сѣрой золой, возвышались въ видѣ надгробныхъ памятниковъ остовы печей и обгорѣлыя печныя трубы; кое-гдѣ еще дымились бревна. Жалкіе остатки скарба кучами валялись на срединѣ улицы и на огородахъ. Въ воздухѣ стоялъ стонъ отъ плача и причитанія бабъ, жались въ кучу почти голыя дѣти. Обыкновенная, но крайне интересная картина русскаго пожарища.

Русскіе начали заселять Уралъ въ XV вѣкѣ. Это была такъ называемая «вольница», которой на родинѣ было тѣсно. Этимъ свободолюбивымъ, угнетеннымъ и преслѣдуемымъ на родинѣ людямъ было одно спасеніе—уйти на привольную Волгу, гдѣ можно было существовать только разбоями и набѣгами. Но на Волгѣ ихъ тѣснили съ одной стороны войска московскихъ царей, съ другой татарскіе кочевники — уздеки; тогда они избрали себѣ путь сѣверо-восточнѣе, именно по Камѣ и затѣмъ по притоку ея «Бѣлой Воложкѣ», или нынѣшней р. Бѣлой. Здѣсь были обширныя башкирскія земли. Свободолюбивые башкиры давали пріютъ бѣглецамъ и не гнали ихъ. Отчасти самимъ башки-

рамъ эти отважные люди нужны были для защиты своихъ земель отъ нападеній кочевниковъ. Здѣсь жилось легко: башкиры не знали власти ни своихъ, ни московскихъ воеводъ, ни Юрьева дня впослѣдствіи; привольная жизнь свободныхъ башкиръ пришлась по вкусу русскимъ бѣглецамъ, они здѣсь поселились, и даже вмѣстѣ съ башкирами защищали ихъ земли. Эти бѣглецы были лучшими русскими людьми своего времени,

Русскіе крестьяне на Уралѣ.

смѣнившими рабскую жизнь на родинѣ на свободную независимую жизнь; но и до сихъ поръ нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ относятся къ уральцамъ и сибирякамъ пренебрежительно, называя ихъ обидной кличкой «рваная ноздря», «рѣзаное ухо»,—указывая такимъ образомъ на тѣ наказанія, которымъ вольница подвергалась на родинѣ. Эти люди составляли коренное русское населеніе на Уралѣ. Впослѣдствіи, когда Башкирія, тѣснимая русскими воеводами, задумала расторгнуть союзъ, добровольно заключенный съ московскими царями, и не разъ подымала возстанія, сюда пришли войсковые русскіе люди, начали строить крѣпости.

Пугачевъ привелъ сюда не мало выходцевъ съ Волги и другихъ мѣстъ; многіе изъ нихъ поселились здѣсь. Затѣмъ началась усиленная колонизація края русскими. Промысловымъ и знатнымъ людямъ раздавались въ награду за заслуги десятками тысячъ десятинъ башкирскія земли; правительство переселяло сюда земледѣльческое населеніе изъ разныхъ мѣстъ: изъ Новороссіи, Малороссіи и внутреннихъ губерній; малороссы ѣхать не захотѣли, а изъ другихъ губерній крестьяне, бывшіе тогда крѣпостными, переводились сюда тѣми же знатными людьми, у которыхъ были вотчины въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Во времена преслѣдованія старообрядчества здѣсь много поселилось старовѣровъ, искавшихъ себѣ здѣсь свободу богослуженія, а въ ближайшія времена сюда переселили массами крестьянъ изъ нынѣшней Вятской губерніи, бывшихъ тогда государственными. Наконецъ, переселили сюда и старыхъ солдатъ, выходившихъ въ отставку. Такимъ путемъ образовалось на Уралѣ русское населеніе, коренное и пришлое, чрезвычайно разнородное, но цѣльное. Всякъ принесъ со своей прежней родины свои обычаи, обряды, наряды, постройки, узоры; и часто можно встрѣтить въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ совершенно различные головные уборы женщинъ, «кокошники»: въ одной деревнѣ носятъ кокошникъ калужскаго образца, въ другой «вологодскій». Впрочемъ, надо сказать, что эти кокошники теперь большая рѣдкость, лежатъ спрятанными на днѣ дѣдовскихъ сундуковъ, среди всякой «досюльщины», т.-е. старины, и если гдѣ надѣваютъ ихъ изрѣдка, то лишь въ самыхъ глухихъ углахъ.

— Какъ вы попали сюда, въ эти края? — спрашивалъ я одного крестьянина-старика.

— Мы—проигранные въ карты,—отвѣчалъ онъ.— Калуцкіе мы были, Бахмановскимъ господамъ принадлежали. Нашъ-то баринъ схватился однажды играть въ карты со здѣшнимъ бариномъ. Въ Петербургѣ было дѣло. Вотъ, играли — играли они, не одинъ день; а

только проигрался нашъ баринъ въ дребезги. Надо платить, а денегъ нѣтъ. Дѣло извѣстное,—въ ихъ положенiи нельзя не платить: конфузъ большой. Вотъ и говоритъ нашъ баринъ-то здѣшнему: у тебя, говоритъ, земли много, а душъ нѣтъ; а у меня земли мало, зато душъ много; бери карточный долгъ мужиками. На томъ и согласились. И перевели всѣхъ насъ сюда за тысячи верстъ, съ женами, дѣтьми и со всѣми животами. Прiѣхали на новыя земли, и давай распахивать. Сначала тяжело было и скучно по родной сторонѣ, а потомъ прiобыкли. Земли вдоволь было. А потомъ объявили манифестъ, размежевали землю, и остались мы опять на крохотномъ надѣлѣ, какъ и въ Рассеѣ... А всѣ-то земли отошли помѣщикамъ и заводамъ.

Старинные уборы и наряды уральскихъ крестьянокъ.

Запашка у уральцевъ обще-русская, трехпольная; въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстахъ распахиваютъ землю до сихъ поръ деревяннымъ плугомъ. Сѣютъ главнымъ образомъ рожь и овесъ, затѣмъ много высѣвается проса, льна и конопли; кое гдѣ встрѣчаются подсолнечныя поля, но подсолнухами чаще всего занимаются хохлы, небольшiе хуторки которыхъ изрѣдка встрѣчаются межъ русскихъ и башкирскихъ деревень. Кромѣ земледѣлiя уральцы любятъ разводить пчелъ; ульи у нѣкоторыхъ помѣщены даже на крышахъ. Любовь къ

пчеловодству заимствована у башкиръ, извѣстныхъ пчеловодовъ, но башкирскія пасѣки лучше русскихъ. Хорошему хозяину пчела доставляетъ до десяти пудовъ меду въ годъ, а это большое подспорье въ хозяйствѣ; ясно поэтому, что пчела пользуется особенной заботливостью хозяина, и въ дождливое, или холодное лѣто, когда пчелѣ нечего ѣсть, онъ ѣдетъ

Экипажъ. Съ „чилякомъ" за медомъ.

съ чилякомъ*) въ далекія мѣста прикупить меда для зимняго корма, а также прибавляетъ къ меду сахарный песокъ. Когда къ уральцу заходитъ рѣдкій гость-башкиръ, то послѣ перваго привѣтствія, онъ спрашиваетъ:

— Ну, какъ поживаютъ твои пчелы?

— Слава богу, хорошо.

---

*) Чилякъ—высокое ведро, выдолбленное изъ цѣльнаго дерева, главн. обр. липы.

— А какъ здоровье твоей семьи? Какъ поживаютъ твои лошади?..

И т. д.

Такіе же вопросы задаетъ и русскій гость башкиру; пчела стоитъ на первомъ мѣстѣ въ привѣтствіи, и изъ этого видно, какимъ вниманіемъ и почетомъ она пользуется.

Уральскіе стога (у русскихъ).

Деревня съ одной стороны кончается поскотиной, за которой обыкновенно стоитъ крестъ, благословляющій въ путь-дорогу; вѣрнѣе это столбъ съ крышей наверху, спускающейся по обѣ стороны; подъ крышей образокъ; дальше тянутся поля. Съ другой стороны деревни раскинулся цѣлый городокъ ригъ, широкихъ, приземистыхъ, почти зарытыхъ соломой; рядомъ стоятъ стога — зароты, съ узкимъ адоньемъ

и широкой верхушкой. Огороды обыкновенно спускаются по откосу къ рѣкѣ, или, если деревня степная, расположены на задворкахъ; но огороды здѣсь очень плохи и, какъ во многихъ мѣстахъ Россіи, крестьянинъ не любитъ копотливой, внимательной огородной работы, необходимой для культуры овощей; кромѣ того, на открытомъ воздухѣ морковь, рѣпа, огурцы представляютъ большой соблазнъ: ихъ разворовываютъ раньше, чѣмъ они успѣютъ вырости.

— Посѣяла лонись морковку эту самую,—говорила баба,—такъ мальчишки всю вытаскали; сама хоть бы одинъ пирогъ испекла. А у сосѣда всѣ огурцы выщипали... Вотъ и устереги ихъ!

Деревенская улица обыкновенно пуста и безлюдна, только въ праздничные дни, подъ вечеръ услышишь пѣсни молодежи и скрипъ гармоники. Въ будни по пустынной улицѣ иногда проѣдетъ дегтярникъ съ бочкой дегтя; тогда его обступятъ съ ведерками и дегтярками; иногда покажется на телегѣ проѣзжій продавецъ и скупщикъ шкуръ и овчинъ. На одномъ изъ дворовъ раздается неумолчный стукъ по желѣзу: то странствующій жестяникъ чинитъ дырявую деревенскую посуду, которой нанесли ему бабы со всѣхъ избъ. Въ дождливое время деревня становится еще болѣе мрачной и пустынной. На улицахъ потоки грязи, чрезъ которые даже въ высокихъ сапогахъ нѣтъ возможности пройти. Въ особенности отчаянны горныя дороги; по нимъ нѣтъ возможности проѣхать послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней. Однажды я пріѣхалъ на глухую станцію, отъ которой надо было проѣхать нѣсколько верстъ до ближайшаго селенія. Была глубокая ночь. На трехъ пассажировъ, высадившихся на станціи, оказался одинъ случайный извозчикъ. Рѣшили ѣхать, не дожидая утра, и вотъ лошадка потащила всѣхъ четырехъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ священникъ, другой татаринъ, везшій два куля огурцовъ. Тарантасъ медленно плылъ по какому-то морю

грязи, раскачиваясь на всѣ стороны, ночь была безпросвѣтно темна; сверху поливалъ дождикъ, слѣва громоздились каменныя стѣны, справа шумѣла Юрезань.

— Знаешь ли ты дорогу-то?—усумнился я въ опытности возницы.

— Успокойтесь! Сто лѣтъ ѣзжу, каждый камень знакомъ. Ужъ довезу благополучно! – хвастался онъ.

Странствующій жестяникъ въ деревнѣ.

Успокоиться было трудно, потому что телѣга неимовѣрно раскачивалась. И вдругъ я почувствовалъ, что мой край тарантаса безнадежно клонится все ниже и ниже, а съ сосѣдняго на меня наваливается сосѣдъ-священникъ. Видя, что дѣло пропало, что мы летимъ, я моментально выпрыгнулъ изъ тарантаса и очутился въ темнотѣ, въ жидкой лужѣ, въ грязи выше колѣнъ. Тарантасъ опрокинулся. Возница разстегивалъ хомутъ

лошади, такъ какъ ее могло удавить, а мои спутники словно исчезли. Они преспокойно сидѣли подъ навалившимся на нихъ тарантасомъ и ждали, когда ихъ откуда освободятъ.—Ха-ха-ха!—раздавался откуда самый непринужденный смѣхъ. Соединенными усиліями тарантасъ былъ приподнятъ и узники освобождены. Но до смѣха ли было, когда въ кромѣшной темнотѣ ничего нельзя было разобрать. У батюшки въ карманѣ нашлась толстая, желѣзнодорожная свѣча, подаренная ему въ вагонѣ кондукторомъ; при свѣтѣ ея мы увидѣли послѣдствія катастрофы. Безъ шляпъ, перемазанные жидкой грязью, мы похожи были скорѣе на чертей, нежели на людей.

— Ха-ха-ха!..—разносился веселый хохотъ.

— Деньги смотри! Кошелекъ смотри!—суетливо кричалъ татаринъ.—Деньги не обронилъ?..

Увы, всѣ огурцы его просыпались и смѣшались съ грязью; мой чемоданъ бариномъ сидѣлъ въ глубокой лужѣ, а шляпы едва удалось найти; но онѣ превратились въ грязныя тряпки. Тюбетейки своей татаринъ такъ и не нашелъ и, противно велѣнію пророка, поѣхалъ съ обнаженной, бритой головой. Оказалось, тарантасъ наѣхалъ однимъ заднимъ колесомъ на одинъ изъ тѣхъ камней, которые такъ хорошо были извѣстны нашему хвастливому возницѣ.

Рѣка Юрезань, притокъ р. Уфы, перерѣзаетъ обширныя заводскія и крестьянскія земли; по ней расположилось много русскихъ деревень, межъ нихъ есть и старовѣрческія. Называютъ эту рѣку разно: Юрезань, Юрюзань, башкирское же названіе—Эризанъ, что означаетъ: быстрая рѣка. Дѣйствительно, Юрезань быстра; теченіе ея достигаетъ двадцати верстъ въ часъ. Выходя изъ узла горъ близь Иремеля, она течетъ долинами, въ высокихъ каменистыхъ берегахъ, изрѣдка лишь отлогихъ. Дно ея изобилуетъ каменьями, затрудняющими сплавъ. Въ одной изъ прибрежныхъ горъ находится громадная пещера, входъ въ которую не

боковой, а на верху; изъ отверстія ея пышетъ жаръ. Если спустить внутрь пещеры термометръ, то онъ покажетъ 60° тепла. Но глубины ея изслѣдовать нельзя. Можетъ быть тамъ еще жарче; поэтому пещера называется Горящей. Такія горящія пещеры находятся въ Бельгіи; несомнѣнно, въ нихъ работаютъ скрытыя вулка-

Берегъ р. Юрезани.

ническія силы. Необыкновенно красива эта дикая, своенравная рѣка. Иногда она течетъ у подножія высочайшихъ каменныхъ стѣнъ, которыя часто посылаютъ въ рѣку каменные утесы и выступы; иногда прокладываетъ себѣ путь межъ высокихъ, закругленныхъ горъ; съ вершины такой горы видна блестящая лента рѣки, извивающейся змѣей. По утрамъ, въ особенности послѣ ночного дождя, подножія горъ окутываются туманомъ,

тогда какъ верхушки ихъ горятъ утреннимъ солнцемъ. Наклонные берега, на которые косые лучи солнца падаютъ прямо и сильно согрѣваютъ ихъ, начинаютъ дымиться густымъ паромъ; тутъ же у ногъ видно, какъ выходитъ изъ земли паръ, колеблется и, поднявшись до колѣнъ, расплывается. Въ воздухѣ видна какая-то

На Юрезани.

струящаяся, волнующаяся густота. А вся рѣка покрылась густымъ налетомъ мглы, окрашенной утреннимъ солнцемъ въ опаловый цвѣтъ. И долго струится такъ воздухъ, и виситъ опаловая мгла, пока наконецъ солнце не растворитъ накопившуюся влагу. Но въ этой мглѣ уже кипитъ на берегу человѣческая жизнь. На дымномъ лонѣ рѣки обрисовывается мягкій, затушеванный контуръ лодки: то рыбакъ закидываетъ сѣть;

издали доносится рѣдкій, смягченный стукъ весла; съ крутой горы спускаются бабы съ коромыслами, а въ кузницѣ, нависшей надъ рѣкой, на верху скалы, уже стучитъ молотъ о наковальню.

Юрезань не уже средняго теченія Бѣлой, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она разливается шире версты. Въ

Мостъ чрезъ Юрезань близъ Юрезанскаго завода.

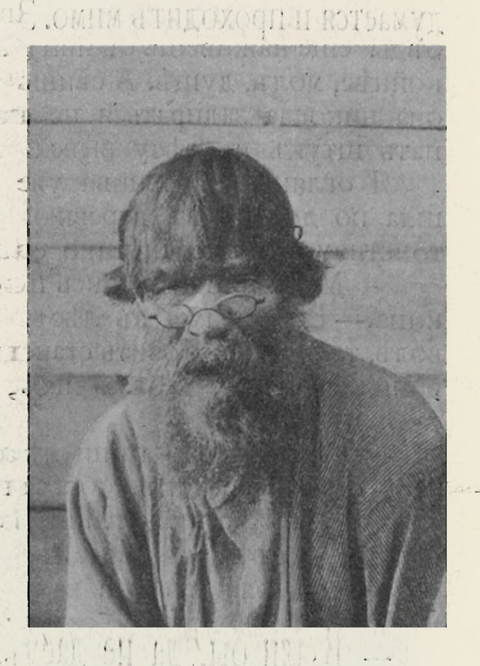
одномъ изъ такихъ мѣстъ, именно за юрезанскимъ заводомъ построенъ чрезъ нее пловучій мостъ. Какихъ только диковинъ нѣтъ на свѣтѣ! Стоитъ посмотрѣть на этотъ мостъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Тянется онъ на протяженіи полуторы версты, на срединѣ рѣки выгибается и затѣмъ подъ угломъ дѣлаетъ сильный поворотъ въ сторону, подъ уголъ первоначальной. Цѣлые обозы проходятъ по этому мосту, доставляя

съ того берега на этотъ древесный уголь. Далеко на томъ берегу едва замѣтенъ угольный городокъ.

Старовѣры, или кержаки, какъ ихъ называютъ на Уралѣ, хотя они вовсе не кержацкаго толка, а обыкновенные безпоповцы, въ сравненіи съ русскими крестьянами живутъ зажиточнѣе и строже; мало у нихъ разгульнаго веселья, меньше пьянства, но сильно развито конокрадство. Они мастера на всякую подѣлку, хорошіе колесники и плотники, и хозяйство обставлено у нихъ обстоятельно, дѣловито. Заводской работы они избѣгаютъ, и идутъ на нее рѣдко. Но предразсудковъ въ понятіяхъ старовѣра много. Ни за что онъ не дастъ мірянину напиться или поѣсть изъ своей чашки: на это есть особая, «поганая», посуда; не любитъ, когда на его икону помолится кто-нибудь другой, и суевѣренъ на каждомъ шагу. Борьба за свою вѣру сдѣлала его немного скрытымъ, онъ любитъ тайну, и отличается отъ своихъ русскихъ собратій эгоистичностью и грубоватостью. Но межъ нихъ встрѣчаются замѣчательно цѣльные, нетронутые типы, съ большимъ запасомъ неизрасходованной энергіи, которой у русскаго крестьянина такъ немного.

Непрерывные дожди, лившіе въ теченіе недѣли, предвѣщавшіе начало осени, заставили меня выбраться изъ глухихъ русскихъ деревень и приблизиться къ желѣзной дорогѣ. Хлѣбъ еще стоялъ не убранный, а между тѣтъ по ночамъ становилось холодно. Рѣчки и ручьи разлились и во многихъ мѣстахъ затопили дороги; лѣса плакали потоками слезъ и наводили уныніе. По такой дорогѣ, среди такихъ унылыхъ картинъ, тарантасъ десятки верстъ двигался шагомъ. Въ такую погоду колокольчикъ какъ-то глухо, безъ звука звенитъ; звонъ его не разносится мелкой дробью по лѣсу, отпугивая медвѣдя и лося. Ямщикъ лѣнится говорить, и по цѣлымъ часамъ сидитъ на облучкѣ неподвижной кучей. Въ душу заползаетъ тоска.

Въ одномъ изъ перелѣсковъ вдругъ удалось развеселиться. Навстрѣчу намъ по дорогѣ шла большая свинья съ двѣнадцатью бѣленькими поросятами. Увидѣвъ насъ издали, она остановилась, насторожилась, затѣмъ, ухнувъ три раза въ страшномъ ужасѣ, метнулась и помчалась вдоль дороги, обѣгая насъ. За ней съ такимъ же порывистымъ хрюканьемъ понеслись поросята, поднявъ хвосты колечками. Какимъ образомъ оказалась здѣсь эта свинья со своимъ многочисленнымъ потомствомъ, въ такой глуши, за десятки верстъ отъ всякаго жилья!

Типъ уральскаго старовѣра.

— Это свинья свата Афони, — объяснилъ мнѣ возница. — Домой идетъ.

— Да какъ же она зашла такъ далеко?

— Весной мы выпускаемъ ихъ въ лѣсъ, тамъ онѣ и остаются на все лѣто. Дома кормить ихъ надо, а тутъ сами прокормятся. Тутъ она и поросилась, и теперь ведетъ домой цѣлый выводокъ. Ну, сватъ Афоня, прибыль тебѣ. Вишь, молодчина-то!

— Какъ же она найдетъ дорогу домой-то?

— Такъ и найдетъ. Чутьемъ, надо быть; чуетъ, въ какой сторонѣ домъ. Человѣкъ, и тотъ иной разъ въ лѣсу собьется, а вотъ вѣдь животина-то, поди знай, какъ находитъ настоящую путь! И не токмо въ деревню, прямо на свой дворъ придетъ.

— И не съѣдятъ ее здѣсь волки, или медвѣди?

— Вона!... Она сама волка заѣстъ. Волкъ, либо барсукъ лучше не подлѣзай: запоретъ. Да волка и мало-то здѣсь. А медвѣдь боится ее, не подходитъ къ ней близко; думаетъ про себя: какая тутъ животина незнамая въ лѣсахъ завелась: длинная, низкая, толстая, необыкновенная; подумаетъ, подумаетъ, ни до чего не додумается и проходитъ мимо. Звѣрь-то больно незнамый, бѣды еще наживешь съ нимъ; лучше ужъ пройти: спокойнѣе, молъ, душѣ. А свиньѣ только того и надо. Сама она никогда задираться не станетъ. Надо же: двѣнадцать штукъ въ лѣсу вывела! Ну, и прибыль же свату.

Я оглянулся. Свинья уже успокоилась и степенно шла по дорогѣ въ деревню, окруженная своимъ потомствомъ. Даже смѣшно стало.

— Мы и лошадей такъ пасемъ,—разсказывалъ возница.—Выпустимъ въ лѣсъ, онѣ и ходятъ тамъ на волѣ, табуномъ. Ловить станешь,—намаешься и не изловишь. И есть у тебя лошадь, и нѣтъ ее. А потомъ сами придутъ.

— А развѣ это ваши лѣса?—спросилъ я, указывая на густой березнякъ, обступившій дорогу.

— Нѣ. Извелись наши лѣса. Казенные это, да заводскіе,—отвѣчалъ ямщикъ.

— Позволяютъ они вамъ пасти въ своихъ лѣсахъ? Денегъ не берутъ?

— Взяли бы, да не даемъ. А придираются, точно; не смѣй, молъ, пасти. Ужъ эти лѣсники, доѣхали насъ! И чего жалѣть-то! Никакой вреды имъ нѣтъ, а прижимаютъ. Да и лѣсъ-то выходитъ нашъ.

— Какъ же такъ вашъ?

— Искони нашъ. Понимающіе вы люди, а не знаете того, что этотъ лѣсъ, березнякъ-то, съ нами изъ Расеи пришелъ.

— Да какъ такъ пришелъ?—удивлялся я.

— Такъ и пришелъ. Мы пришли, и онъ съ нами. До насъ на Уралѣ ни одной березины не было. Ель,

пихта, сосна, осина да листвена,—вотъ и все здѣшнее коренное дерево; а березы и не знали. А старики наши баютъ: пришли наши мужики сюда лѣтъ можетъ триста назадъ, и береза начала расти. Пошолъ нашъ народъ на Уралъ, и тамъ она начала расти; а въ Сибири бѣлаго дерева и до сихъ поръ, баютъ, нѣтъ. Такъ какъ же оно не наше-то дерево? Кровное наше. А поди вотъ: наше, а не даютъ. Забрали себѣ. А безъ насъ-бы ничего и не было здѣсь: топи свои заводы осиной да пихтой. Нѣтъ на свѣтѣ правды, нѣтъ!

Я дѣйствительно слышалъ раньше, что береза переселилась на Уралъ недавно; ея распространеніе здѣсь совпало съ переселеніемъ первыхъ русскихъ выходцевъ; но насколько это вѣрно—не знаю.

Начинало вечерѣть. Лѣсъ угрюмо шумѣлъ, точно недовольный тѣмъ, что ему всю ночь придется проплакать и не удастся ни подумать своей вѣчной думы передъ сномъ, ни заснуть. На лѣсной дорогѣ стало еще неуютнѣе. Но вскорѣ лѣсъ разступился, пошли пустынныя, залитыя сумерками поля, а вдали замелькали огоньки. Пріятно послѣ сырой, промозглой погоды очутиться въ теплой избѣ, пить горячій чай, видѣть радушныя лица хозяевъ. Послѣ такой ѣзды спишь, какъ убитый.

Спустя два дня, я добрался отсюда до станціи желѣзной дороги.

Плетеніе лаптей.

Скалы на Б. Таганаѣ (на Первой сопкѣ).

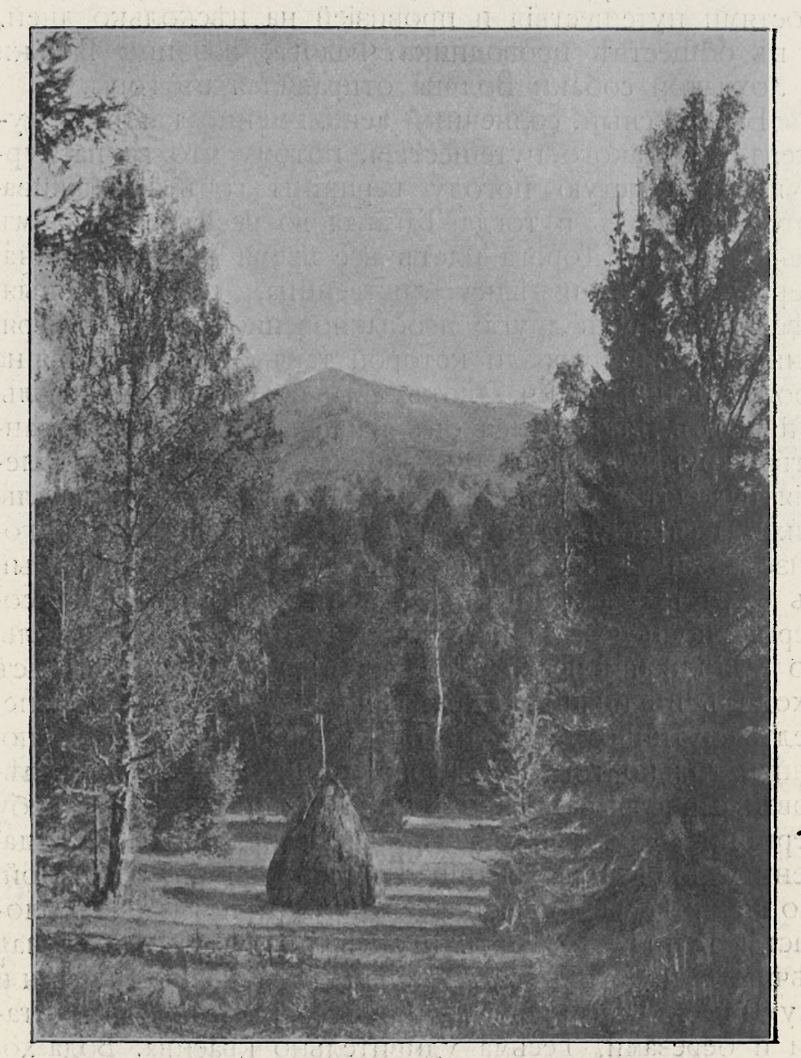
Въ горахъ.

Въ окрестностяхъ Таганая. Рѣчка Тесьма. Диковинный замокъ. Святой ключъ. Постройка балагана. Первая ночь. Волшебная сказка. На таежной тропинкѣ. По склону горы. Каменная рѣка. Тяжелый подъемъ. Деревья карлики. Крѣпость. Охотникъ. Собираніе ягодъ. На вершинѣ сопки. Съемка. Спускъ. Скитники. Старецъ Софронтій. Дождливый день. Ужинъ. Бродяга. Восхожденіе на Откликной Гребень. Старательское добываніе золота. Отклики скалъ. Общій характеръ горъ. Поиски хрусталя. Жизнь горъ. Ночевка въ горахъ. Восхожденіе на Круглицу. Парча изъ лишаевъ. Блужданіе по тайгѣ. Охота на «лося». Ночью на тропинкѣ. Потеряли тропинку. Послѣднія спички. Въ балаганѣ. На угле-выжигательномъ заводѣ. На Александровской сопкѣ. Сибирская сторона. Граница Азіи и Европы.

На Южномъ Уралѣ, верстахъ въ двадцати отъ Златоуста, находится одна изъ самыхъ значительныхъ вершинъ Урала—Таганай. Поднимается она на 4500 фут. надъ уровнемъ моря, и далеко за сотню верстъ видна своими тремя вершинами-шиханами, Большимъ, Среднимъ и Малымъ Таганаемъ, расположенными другъ

отъ друга на разстояніи четырехъ-пяти верстъ. Нанявъ подводу и нагрузивъ телѣгу необходимыми принадлежностями путешествія и провизіей на нѣсколько дней, я въ обществѣ проводника Федора, возницы Ваньки и лохматой собаки Волчка отправился въ горы.

Былъ ясный, солнечный день, именно какой и нуженъ для такого путешествія, потому что въ пасмурную и мглистую погоду вершины горъ заволакиваются туманомъ и тогда Таганая во всемъ его цѣломъ не увидишь. Дорога идетъ все время лѣсомъ; осина, береза, пихта, изрѣдка лиственица, перемѣшанныя, тѣснящія другъ друга; необыкновенное количество рябины, красныя грозди которой такъ ярко рисуются на фонѣ лѣсной зелени,—вотъ самый обыкновенный уральскій лѣсъ. Раскинулся онъ на неизмѣримыя пространства; кругомъ дикое, пустынное мѣсто, а рѣдкія селенія находятся другъ отъ друга въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Этотъ лѣсъ закрылъ собою горизонтъ, и великанъ Южнаго Урала—Таганай, видимый съ самыхъ отдаленныхъ вершинъ за сотни верстъ, совершенно исчезаетъ изъ глазъ въ этомъ лѣсу. И только приблизившись версты за двѣ къ нему, когда лѣсъ уходитъ въ низину, окружающую Таганай, когда передъ спутникомъ въ низину откроются широкія поляны, только тогда на горизонтѣ изъ-за верхушекъ лѣсовъ вырисовываются и мощно поднимаются къ небу вершины исполинскаго Таганая. Направо—болѣе отдаленные Малый и Средній Таганай, налѣво—Большой. По низинѣ, раздѣляющей эти горы, поросшей болотистымъ почти непроходимымъ лѣсомъ, течетъ горная рѣчка Тесьма, притокъ Ая. Необыкновенно быстрая и шумливая, обрамленная глядящимися въ нее ракитами и березами, Тесьма удивительно красива. Вода холодная и прозрачная, на днѣ до мельчайшихъ подробностей видны камни и рѣдкія болотистыя растенія. Тесьма беретъ начало изъ возвышенныхъ болотъ, раздѣляющихъ Таганай, принимаетъ въ себя всѣ горные

Видъ изъ за лѣсовъ на Большой Таганай.

ручьи, стекающіе съ вершинъ, и сама по себѣ не широка. Но весной, когда на горахъ начнутъ таять снѣга, когда разогрѣются болота, Тесьма превращается въ широчайшую рѣку и заливаетъ всѣ окрестныя низины. Тогда пробраться на Таганай нѣтъ никакой возможности, потому что единственный мостъ, перекинутый черезъ нее, совершенно исчезаетъ подъ водой. Тогда кругомъ Таганая разливается широчайшее море и самъ онъ кажется какимъ-то исполинскимъ чудовищемъ съ многочисленными гребнями и уродливыми наростами на спинѣ, вылѣзшимъ изъ воды. Грандіозная работа природы—таяніе снѣговъ, образованіе рѣкъ и ручьевъ—видна здѣсь воочію; въ низинѣ, какъ въ гигантскомъ котлѣ, кипитъ сумасшедшая жизнь, и нѣтъ картины красивѣе и величественнѣе этой. Потомъ стечетъ вода, одѣнется лѣсъ, закроетъ обнаженныя, мрачныя скалы Таганая и спрячетъ его такъ, что ихъ вблизи совершенно не видно.

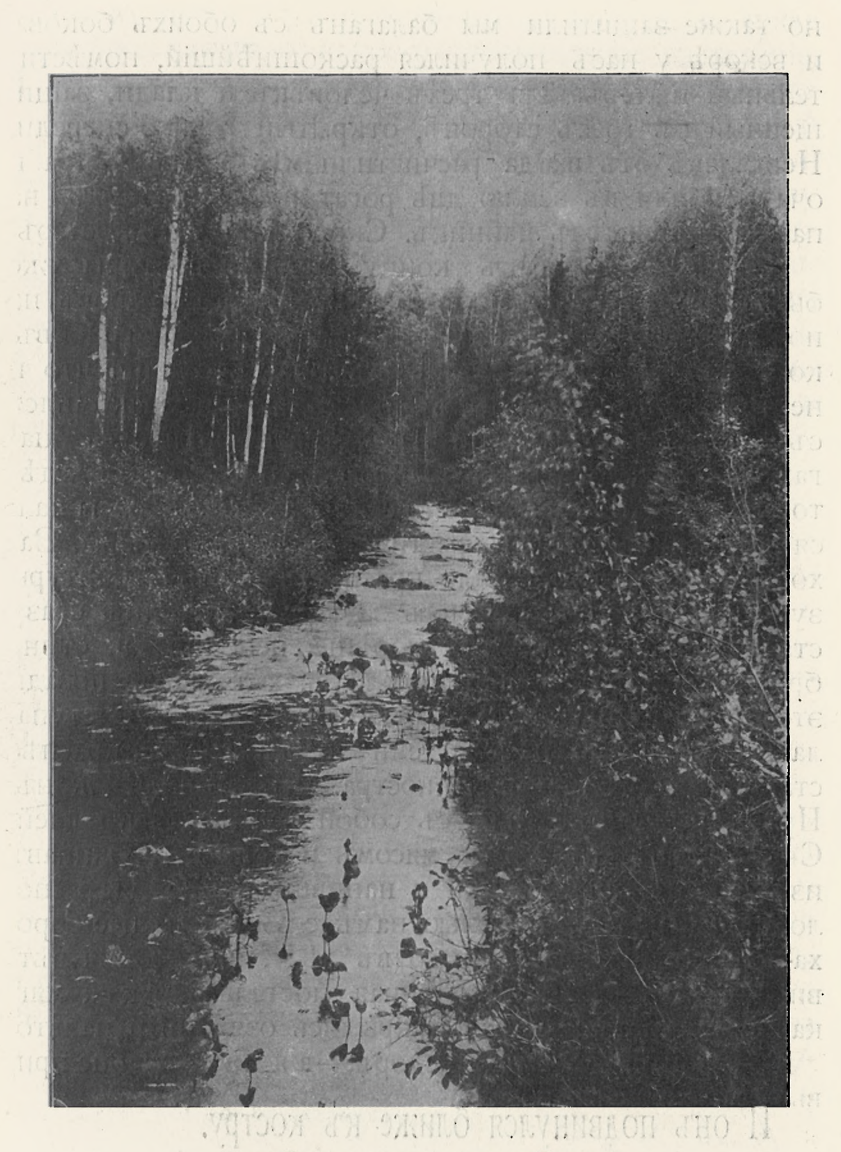
Дорога оканчивается у рѣки. По ту сторону моста уже начинается подножіе Большого Таганая, поросшее лѣсомъ. Здѣсь проложена просѣка, усѣянная громадными валунами. Поднимаясь все время въ гору, телѣга глухо громыхаетъ по этимъ каменьямъ, то поднимается, то опускается, то накреняется совсѣмъ на бокъ, такъ что приходится поддерживать кладь, чтобы не вывалилась. Лошадь тащится шагомъ, а самому можно только идти пѣшкомъ, рядомъ. О близости Таганая нельзя и подозрѣвать, потому что впереди все закрыто лѣсомъ, въ которомъ даже просѣка едва замѣтна. Но вотъ лѣсъ разступился, открылась широкая поляна, а слѣва какъ-то сразу поднялась къ небу гигантская, почти отвѣсная стѣна Таганая. По этому отвѣсу лѣпятся деревья и кусты, совсѣмъ закрывшіе камень, и только закинувъ голову, гдѣ-то высоко—высоко видишь наконецъ зубчатую стѣну камня. И тогда начинаетъ казаться, что передъ тобой стоитъ какая-то неприступная, величайшая въ мірѣ

крѣпость, или старинный, диковинный замокъ съ зубчатой стѣной, съ причудливыми башнями по угламъ и нависшими карнизами. Забраться туда на валъ по этой неприступной крутизнѣ нѣтъ никакой возможности; для этого надо сдѣлать большой обходъ, выбрать болѣе отлогое и низкое мѣсто и затѣмъ уже по острому гребню можно пройти вдоль всего кряжа; но такая ходьба настолько небезопасна и нелегка, что ходить по острому гребню никто не рѣшится.

Весь Большой Таганай состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ вершинъ, вытянутыхъ другъ за другомъ отъ сѣвера на югъ верстъ на пятнадцать; эти вершины называются сопками. Самыя большія изъ сопокъ Первая, Вторая и Третья, затѣмъ надъ всѣми ими господствуетъ могучій Откликной гребень, наконецъ позади всѣхъ, самая отдаленная сопка Круглица. Мы остановились у подножія Первой сопки.

Невдалекѣ отъ подножія горы на открытомъ мѣстѣ находится такъ называемый «Святой» ключъ. Чистая, какъ хрусталь, холодная вода бьетъ изъ-подъ камней и течетъ дальше небольшимъ ручейкомъ, который бурлитъ, разбиваясь о встрѣчные камни. Сбоку стоитъ покосившійся крестъ, какъ благословеніе родника, сверху крестъ, какъ и всѣ придорожные кресты на Уралѣ, защищенъ маленькой крышей. Кругомъ страшная глушь и гробовая тишина. Возлѣ этого ключа мы и рѣшили построить себѣ шалашъ, или, какъ уральцы называютъ «балаганъ», для ночлега, потому что у подножія Таганая намъ предстояло провести не менѣе четырехъ ночей.

Мы живо принялись за работу. Распрягли лошадь, навязали ей ботало на шею, спутали и пустили въ лѣсъ; затѣмъ начали строить среди кучки пихтъ балаганъ: привязали къ двумъ стволамъ длинную поперечную жердь и отъ нея къ землѣ повели въ наклонномъ положеніи заднюю стѣнку изъ вѣтокъ и сучьевъ. Получилась непроницаемая стѣнка-навѣсъ. Точ-

Рѣка Тесьма, опоясывающая Таганай.

но также защитили мы балаганъ съ обоихъ боковъ и вскорѣ у насъ получился раскошнѣйшій, помѣстительный шатеръ для трехъ человѣкъ и клади, защищенный съ трехъ сторонъ, открытый только спереди. Невдалекѣ отъ входа расчистили мѣсто для костра и очага, вбили въ землю двѣ рогатки, на которыхъ на палкѣ уже висѣлъ чайникъ. Скоро запылалъ костеръ.

День клонился къ концу, и идти въ горы уже было поздно. Пока мои спутники запасали дровъ на ночь, я остатокъ дня провелъ въ собираніи грибовъ, которые находились здѣсь въ такомъ обиліи, что и не требовали особенныхъ поисковъ, — и знакомился съ мѣстностью. Впереди насъ, въ нѣсколькихъ шагахъ открывалось непроходимое лѣсистое болото, гдѣ-то далеко перерѣзанное Тесьмой; сзади возвышался Таганай, а кругомъ растилалась глухая тайга. Заходящее солнце окрасило краснымъ цвѣтомъ контуры зубчатой стѣны и скрылось за горой; въ тайгѣ сразу стало темно и какъ-то зловѣще: исполинская стѣна бросила на нее свою густую тѣнь, хотя тамъ, позади этой стѣны, можетъ быть было еще свѣтло. Наступала ночь и чѣмъ сильнѣе темнѣло, тѣмъ ярче, краснѣе становился огонь нашего костра. Мы готовили ужинъ. Провизіи мы захватили съ собой на нѣсколько дней. Скоро поспѣлъ супъ съ мясомъ и грибы; поужинавъ изъ одной общей чашки и напившись чаю, мы расположились спать. Постелью намъ служили цѣлые вороха папоротника, нарваннаго въ лѣсу, и пихтовыя вѣтви; но это была великолѣпная постель, свѣжая, мягкая и душистая; сверху закрылись озямами и пальто.

— Спите,—сказалъ Федоръ,—а я посижу; я не привыченъ спать въ горахъ.

И онъ подвинулся ближе къ костру.

Много разъ приходилось мнѣ спать и въ лѣсу, и въ полѣ, и въ лодкѣ, и верхомъ на лошади, но въ такой обстановкѣ я ни разу еще не ночевалъ. Здѣсь все было ново и необычайно. Громаднѣйшая, упираю-

щаяся въ небо, гора, и безконечное болото, и дикая тайга, все навѣвало какое-то повышенное настроеніе. Я долго не спалъ, и, согрѣваемый огнемъ костра, лежа въ глубинѣ палатки, смотрѣлъ на лѣсъ, окутанный черной пеленой ночи, и старался постигнуть эту дикую красоту, это властное настроеніе. Въ одномъ углу растянулся ногами къ костру возница, въ другомъ полулежитъ, задумчиво глядя на огонь, безсонный Федоръ, впереди костра лежитъ съ поднятыми вверхъ чуткими, остроконечными ушами нашъ спутникъ, сѣрая собака Волчокъ. Пріятно пахнетъ дымкомъ. Огненные языки костра слѣпятъ глаза и ярко освѣщаютъ ближайшіе предметы; слабые красные блики падаютъ на ближайшія деревья, спорятъ съ притаившимися тѣнями и придаютъ имъ фантастическую окраску; но тамъ дальше... тамъ что-то непонятно черное, мрачное и громадное; тамъ спитъ тайга, тамъ на просторѣ бродитъ обитатель ея недружелюбный медвѣдь, прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку коварная рысь. Трещитъ костеръ, неумолчно напѣваетъ ручей свою монотонную, бурливую пѣсенку, гдѣ-то невдалекѣ въ лѣсу уныло позваниваетъ ботало, а за всѣмъ этимъ глубокая тишина ночи, въ которой, кажется, ничто не спитъ, напротивъ, живетъ какой-то затаенной, непонятной жизнью.

Ночь была холодна, какъ и вообще бываетъ на Уралѣ послѣ жаркаго, лѣтняго дня; но у костра было тепло. Понемногу ночь своими чарами навѣяла на меня дремоту, и я незамѣтно уснулъ. Но, просыпаясь отъ времени до времени, я видѣлъ бодрствующаго Федора, полулежащаго или подбрасывающаго дрова въ костеръ, видѣлъ, что ночь длится, такая же торжественная и враждебная, слышалъ вдали унылый звонъ ботала, и снова засыпалъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда Федоръ разбудилъ насъ. Куда дѣвалась ночная сказка! Солнечные лучи уже освѣтили свѣжую зелень деревьевъ, отовсюду доносилась безконечная перекличка птицъ, веселый,

бодрящій день моментально прогналъ сонъ. У Федора уже готовъ былъ чай. Умывшись студеной водой ключа и напившись чаю, мы немедленно начали собираться въ горы.

Костюмъ проводника несложенъ. Онъ долженъ быть одѣтъ легко и свободно, иначе замучается при восхожденіи на горы. Легкіе, высокіе сапоги, перетянутый ремнемъ пиджакъ, вотъ и все. За плечами берестянный ранецъ «пестерь», сбоку—тульская берданка, къ поясу привязанъ неизмѣнный товарищъ и спутникъ-чайникъ. Въ пестерь Федоръ положилъ необходимыя для дороги вещи: закуску, хлѣбъ, чай и сахаръ, затѣмъ молотокъ, чтобы разбивать камни, въ которыхъ можно предполагать нахожденіе интересныхъ кристалловъ и зеренъ, наконецъ—пальто. Мой костюмъ состоялъ изъ такихъ же высокихъ сапогъ и куртки подъ ремень; за плечами у меня былъ неизмѣнный фотографическій аппаратъ, на ремешкѣ черезъ плечо—сложенный резиновый плащъ, а съ другого боку—револьверъ. Снарядившись такимъ образомъ, мы раннимъ утромъ отправились въ путь.

— Къ ночи готовь ужинъ,—сказали мы возницѣ—если запоздаемъ, подавай голосъ.

Маленькая, иногда едва замѣтная, тропинка, начинаясь отъ самаго Святого ключа, повела низомъ, вдоль болота, черезъ густыя заросли и лѣсъ. Изрѣдка приходилось перелѣзать черезъ поваленныя деревья, преградившія путь, обходить камни и ручейки. Бываютъ такіе туристы, которые отправляются въ горы верхомъ и весь подъемъ совершаютъ на лошади. Можно себѣ представить, какія трудности должна преодолѣть лошадь, чтобы перескочить чрезъ поваленное дерево, или пройти по розсыпи, т.-е. по верхушкамъ громадныхъ валуновъ, широкой рѣкой просыпавшихся сверху горы вплоть до самаго болота. Но до вершины горы лошади все равно не добраться: ее обыкновенно оставляютъ у основанія самой вершины. Во всякомъ слу-

чаѣ, на лошади несравненно труднѣе взбираться, нежели на своихъ-двоихъ.

Густая поросль, каменья сильно замедляютъ ходьбу. Спустя полчаса ходьбы тропинка раздвоилась: одна пошла прямо, вдоль болота, повела къ отдаленнымъ вершинамъ, другая повела влѣво, вверхъ. По этой послѣдней мы и пошли.

Подножіе Таганая поросло дикимъ, иногда непроходимымъ лѣсомъ. На тропинкѣ полумракъ. Деревья скрываютъ передній планъ, и только иногда сквозь вѣтви и листву вверху виденъ кусочекъ синяго неба. На тропинкѣ теряется всякое понятіе о направленіи и о самомъ мѣстѣ: куда идешь, какое мѣсто проходишь,—ничего неизвѣстно. Чувствуешь лишь, что тропинка настойчиво, неуклонно подымаетъ въ гору, и чѣмъ дальше, тѣмъ она круче становится. Но вотъ, дорогу преградила намъ широкая рѣка изъ валуновъ. Эта рѣка несется съ вершины горы внизъ, и теряется въ болотѣ. Громадные валуны, иногда до сажени въ діаметрѣ, въ безпорядкѣ разбросаны и навалены другъ на друга; они-то лежатъ плашмя, то поставлены «на ребро», т.-е. острымъ краемъ кверху, и ширина такой рѣки около десяти саженей. Какая могучая сила низринула сверху эти валуны, посыпавшіеся оттуда какъ мелкій горохъ и неудержимо катившіяся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, отъ вершины вплоть до болотистой низины! Здѣсь работала могучая сила природы.

Такая рѣка изъ валуновъ называется *розсыпью*.

Тропинка уперлась въ розсыпь и кончилась. Лѣсъ разступился, чтобы дать мѣсто каменной рѣки и впервые я увидѣлъ болѣе широкій горизонтъ, и получилъ представленіе о характерѣ мѣстности. Розсыпь начиналась далеко вверху, гдѣ виднѣлись отдѣльныя, острыя очертанія скалъ, а внизу терялась въ сплошной массѣ болотнаго лѣса. На валунахъ не было никакихъ слѣдовъ продолженія тропинки, но проводникъ хорошо зналъ ея направленіе.

— Прыгай за мной, — сказалъ онъ, взобравшись на первый валунъ,—да смотри: становись твердой ногой; сорвется нога, — можно зашибить ее, сломать... опять-же, ребра переломаешь.

Дѣйствительно, чрезъ эти валуны можно или ползти ползкомъ, или прыгать навѣрняка; одинъ невѣрный шагъ, и можно покатиться всѣмъ тѣломъ, и въ этомъ паденіи незачто уцѣпиться, не найти точки опоры, такъ какъ валуны велики и большей частью закруглены.

Прыгая съ камня на камень, мы достигли противоположнаго берега розсыпи, тоже поросшаго лѣсомъ. Федоръ вывелъ какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ снова начиналась тропинка. Розсыпь осталась позади, мы снова вошли въ непроницаемый лѣсъ. Вскорѣ дорогу намъ преградилъ горный ручей. Онъ несся откуда-то съ верхнихъ болотъ и ключей и сердито ревѣлъ, наталкиваясь на встрѣчные камни и обходя корни деревьевъ. Вода въ немъ была чистая и холодная какъ ледъ.

— Не взять ли намъ здѣсь съ собой водицы для чаю; вѣдь тамъ, на вершинѣ воды не найдемъ,—сказалъ я проводнику.

— Этого добра тамъ сколько угодно... отвѣтилъ онъ.—Тамъ среди скалъ найдешь ключи.

Мы миновали еще двѣ розсыпи, при этомъ на послѣднемъ я умудрился поскользнуться и покатился по каменьямъ всѣмъ тѣломъ, къ счастью благополучно; затѣмъ начался самый трудный подъемъ. Прошло болѣе полутора часа со времени нашего выхода изъ долины. Деревья сильно порѣдѣли и стали меньше ростомъ, все чаще и чаще попадались большія, отдѣльныя скалы; а тропинка становилась все круче. Идя вслѣдъ за проводникомъ, я видѣлъ на уровнѣ моихъ глазъ его пятки, на разстояніи сажени отъ меня. Ноги подгибались, а дышать становилось все труднѣе и труднѣе. Нехватало легкихъ. Когда однажды проводникъ

обернулся ко мнѣ, я увидѣлъ, что лицо его блѣдно, какъ мѣлъ и по немъ плывутъ крупныя капли пота. Я наоборотъ, чувствовалъ, что у меня кровь сильно приливаетъ къ головѣ, стучитъ въ вискахъ, а въ глазахъ ходятъ красные круги. Я обливался потомъ.

— А что, не сдѣлать ли маленькую передышечку?— спросилъ Федоръ, дрожащимъ голосомъ.

— Сдѣлаемъ.

Мы усѣлись на валунѣ.

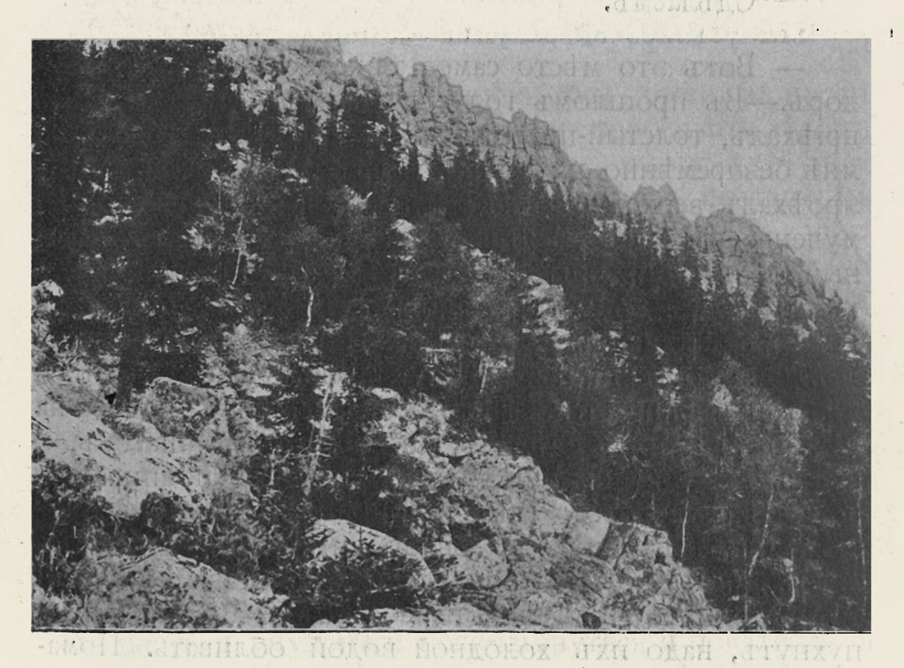
— Вотъ это мѣсто самое тяжелое,—говорилъ Федоръ.—Въ прошломъ году одинъ ученый господинъ пріѣхалъ, толстый-претолстый, такой. Надо, говоритъ, мнѣ безпремѣнно на вершину взлѣсть. Гдѣ можно— проѣхалъ верхомъ, а какъ слѣзъ съ лошади—пошло мученье. Шаговъ десять сдѣлаетъ, и отдыхаетъ. Тучный больно, тяжелый, пыхтитъ какъ самоваръ, и чрезъ каждыя двѣ минуты остановка. Бился я, бился съ нимъ,—одна маета.—Этакъ мы, говорю, до вечера не дойдемъ до вершины.—Вижу, не подъ силу ему: то и дѣло присаживается. Посидѣли мы, этакъ, еще на камешкѣ, потомъ сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, и сталъ. Не могу больше, говоритъ: духъ подпираетъ, ноги не слушаются. Такъ и сошли мы внизъ, не понюхавши верхушки. А внизу онъ разнемогся, лежитъ, какъ колода, ноги распухли. Давай я водой обтирать ихъ. Извѣстно, первое дѣло, какъ ноги распухнутъ, надо ихъ холодной водой обливать. Помаялся я съ нимъ! На другой день едва живого доставилъ въ городъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ рѣже и ниже становились деревья. Уже съ нѣкоторыхъ выступовъ и скалъ, на которые подымалась тропинка, открывались виды на лѣсистые склоны, уходившіе далеко внизъ, а впереди передъ нами выросла могучая стѣна съ башнями, съ зубцами и бойницами, словно стѣна какой-то чудовищной крѣпости, созданная руками какихъ-то гигантовъ. Стѣна эта шла прямо, и конца ея

не было видно. Тропинка вела лѣвѣе ея. Мнѣ показалось, что наконецъ-то мы добрались до вершины.

— Это еще не вершина,—сказалъ Федоръ;—за этой стѣной пойдетъ плоское мѣсто, а ужъ дальше на немъ стоятъ сопки.

Дѣйствительно, едва мы перевалили черезъ стѣну, какъ передъ нами открылась площадь, поросшая мож-

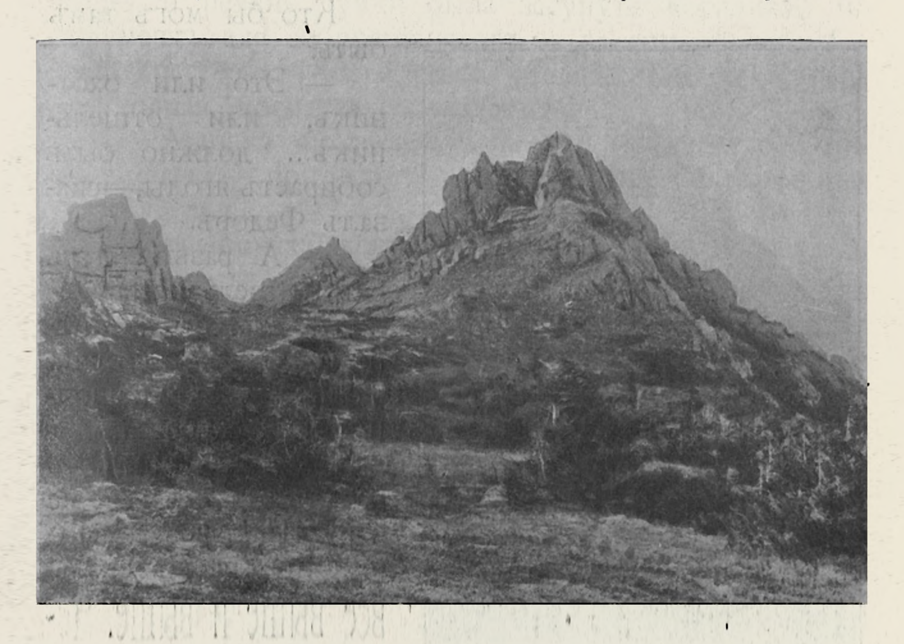

Лѣсистые склоны. Стѣна, окружающая Вторую сопку.

жевельникомъ, и карликами-елками съ загнутыми верхушками. Это послѣдній на этой высотѣ лѣсъ. А невдалекѣ за этимъ лѣскомъ-порослью я увидѣлъ красующіяся на синемъ небѣ дикія очертанія самой вершины. То была Вторая сопка Большого Таганая.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе дикое и величественное. Тутъ и тамъ разбросаны громадныя, отдѣльныя скалы, съ дикими, вычурными очер-

таніями, вывѣтрѣвшіяся, растрескавшіяся, покрытыя сѣрыми лишаями. Скалы эти разбросаны въ хаотическомъ безпорядкѣ, и нѣтъ возможности прослѣдить здѣсь какую нибудь систему и симметрію. Куда ни глянешь, все дикія, кричащія формы. А надъ всѣми этими скалами конусомъ подымается къ небу громаднѣйшій гранитный массивъ—самая вершина. Кругомъ

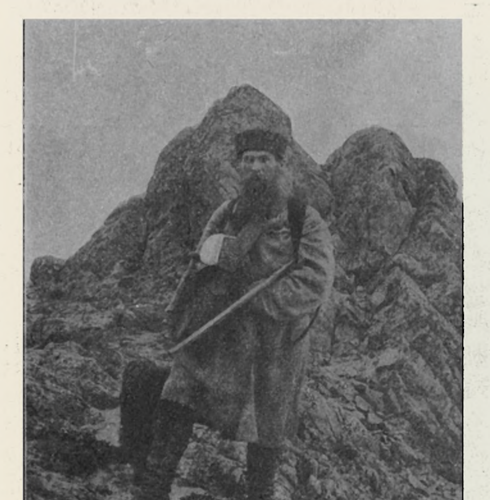

Вершина Второй сопки.

тихо и пустынно; отовсюду вѣетъ спокойствіемъ мертваго царства. Да, это дѣйствительно какое-то мрачное таинственное царство, скрытое отъ дерзкихъ глазъ человѣка. Сначала его защищаютъ непроходимые лѣса; розсыпи и ручьи становятся на пути дерзновенныхъ, затѣмъ исполинская стѣна опоясываетъ подножіе вершины; потомъ стоитъ на стражѣ рать чудовищныхъ скалъ, и только послѣ всей этой защиты можно лицезрѣть самого грознаго властелина.

Сидя на одной изъ скалъ, я долгое время созерцалъ это мертвое царство. Я чувствовалъ себя въ сравненіи съ этими гигантами такимъ маленькимъ, ничтожнымъ... Но... куда не проникнетъ царь вселенной—человѣкъ! Глядя на вершину горы, снизу, я замѣтилъ на ней какой-то движущійся предметъ, величиной не болѣе воробья. Это былъ человѣкъ.

Кто бы могъ тамъ быть?

Горный охотникъ.

— Это или охотникъ, или отшельникъ... должно быть собираетъ ягоды,—сказалъ Федоръ.

— А развѣ здѣсь есть отшельники.

— Да, есть... Скитниками называются... Только къ себѣ не подпуститъ: скроется.

— Я вскочилъ и началъ взбираться на гору. Цѣпляясь за камни, прыгая со скалы на скалу, я поднимался все выше и выше. Человѣкъ началъ выростать. Онъ уже замѣтилъ насъ, и не думалъ бѣжать; значитъ, охотникъ. Вскорѣ я разглядѣлъ у него за плечами ружье.

Я чувствовалъ какую-то радость, что въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ мы не одни, что есть еще живая душа. Вскорѣ мы достигли верхушки и подошли къ охотнику.

— А, дядя Иванъ!—воскликнулъ Федоръ.—Ты какъ забрался сюда раньше насъ?

— Я съ ночи здѣсь, — отвѣтилъ охотникъ. — Верхомъ съ Первой сопки шелъ. Скитъ тамъ, видѣлъ, кто-то строитъ.

Мы разговорились. Это былъ житель Златоуста, пожилой, здоровый мужчина, съ энергичнымъ, загорѣлымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ полукафтанье; въ охотничьей сумкѣ лежали два убитыхъ глухаря; за широкій ремень сумки была засунута «бралка», инструментъ для собиранія ягодъ, а за спиной неизмѣнный «пестерь», — берестяной ранецъ. Съ нимъ была небольшая, косматая собака.

— А ну-ка покажи, какъ дѣйствуетъ этотъ инструментъ? — попросилъ я охотника, указывая на бралку.

Въ трещинахъ межъ скалъ и камней образовалась кое-гдѣ земля, и растительность на этихъ голыхъ скалахъ нашла себѣ почву. Въ особенности много растетъ здѣсь брусники и черники; этой ягодой иногда просто усѣяны цѣлые склоны, и чтобы собирать ее, не надо даже наклоняться: она тутъ же на уровнѣ головы и рукъ; но уралецъ собираетъ бруснику не по ягодкѣ, а приспособилъ для этого инструментъ. Это небольшая, вогнутая лопатка съ зубьями; она устроена на подобіе человѣческой руки. Эти зубья охотникъ запускаетъ въ ягодный кустъ и тянетъ лопатку кверху; листья и черешки проходятъ сквозь зубья, а ягода, какъ болѣе крупная, отрывается и остается на лопаткѣ. Я подумалъ, что если такъ дѣйствовать рукой, то получится тоже: листья пройдутъ межъ пальцевъ, а ягода, останется на ладони; и я долженъ былъ признаться, что нельзя придумать что нибудь болѣе простое и усовершенствованное, чѣмъ эта оригинальная бралка. Въ два-три быстрыхъ взмаха она уже была полна ягодой, которую охотникъ и ссыпалъ въ пестерь. Собранная такимъ образомъ ягода была ровная, чистая и крупная, потому что маленькія, недозрѣлыя ягоды проходили межъ зубьевъ.

Я взобрался на самую вершину. Необыкновенно красивый, величественный видъ открылся передо мной. Внизу громоздились въ безпорядкѣ разбросанныя скалы, казавшіяся отсюда сверху маленькими валунами, дальше налѣво виднѣлся спускающійся внизъ коверъ лѣсовъ, изъ за которыхъ отчетливо обозначались на небѣ вершины Малаго и Средняго Таганая,—направо, на западъ былъ обрывистый скатъ горы, закончивавшійся внизу тайгой, а еще дальше за лѣсами, гдѣ то за десятки верстъ, на равнинѣ пестрѣла шахматная доска полей. На отдаленномъ горизонтѣ виднѣлись неясныя очертанія цѣлой гряды горъ, сливавшихся съ синимъ небомъ, а въ противоположной сторонѣ, невдалекѣ могущественно поднимался «Откликной Гребень», высочайшая сопка Большого Таганая, и за нимъ вырисовывалась круглая шапка послѣдней сопки «Круглицы». Ниже Откликного Гребня изъ моря лѣсовъ подымалась отдѣльная, небольшая сопка, и была видна вся, какъ на ладони.

— А вонъ—Златоустъ!—Сказалъ Федоръ.

Я взглянулъ по указанному направленію на юговостокъ и увидѣлъ вдали маленькое, блестящее пятнышко: златоустовское озеро, а возлѣ него нѣсколько бѣлѣвшихся построекъ и соборъ. Городъ съ нѣсколькими десятками тысячъ жителей казался крохотной деревушкой, погостомъ.

А вонъ тамъ лѣвѣе—Міясъ.

До Міяса отсюда добрыхъ восемьдесятъ верстъ; тѣмъ не менѣе воздухъ въ горахъ настолько чистъ и прозраченъ, что я увидѣлъ въ голубой дали нѣчто похожее на прудъ и постройки; то маячилъ Міясъ.

Начинаясь отъ этой вершины, тянется къ югу острый, скалистый гребень, на одной высотѣ съ вершиной Второй сопки. Видны нарытые острые камни, чрезъ которые, кажется, нельзя пройти. Гребень этотъ подходитъ къ самому Святому ключу и носитъ названіе Первой сопки. Пройти по этой острой верхушкѣ

до р. Тесьмы несравненно ближе, но проходъ настолько труденъ, что туристы и любители не рѣшаются туда итти, предпочитая болѣе длинный, окольный путь по тропинкѣ. Въ недоступныхъ дебряхъ Первой сопки любятъ спасаться скитники, и другіе божьи люди скрываются отъ глазъ грѣховнаго міра.

Видъ со Второй сопки на „Откликной гребень“.

Прозрачный, нѣсколько разрѣженный, чистый воздухъ точно застылъ. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Здѣсь, между небомъ и землей, такъ легко дышется. Долго любовался я открывавшійеся передо мной величайшей въ мірѣ картиной, пока наконецъ Федоръ не сказалъ:

— А какъ насчетъ чайку?... Пора бы и закусить.

Чтобы разжечь костеръ, мы должны были спуститься внизъ, гдѣ можно было собрать высохшіе

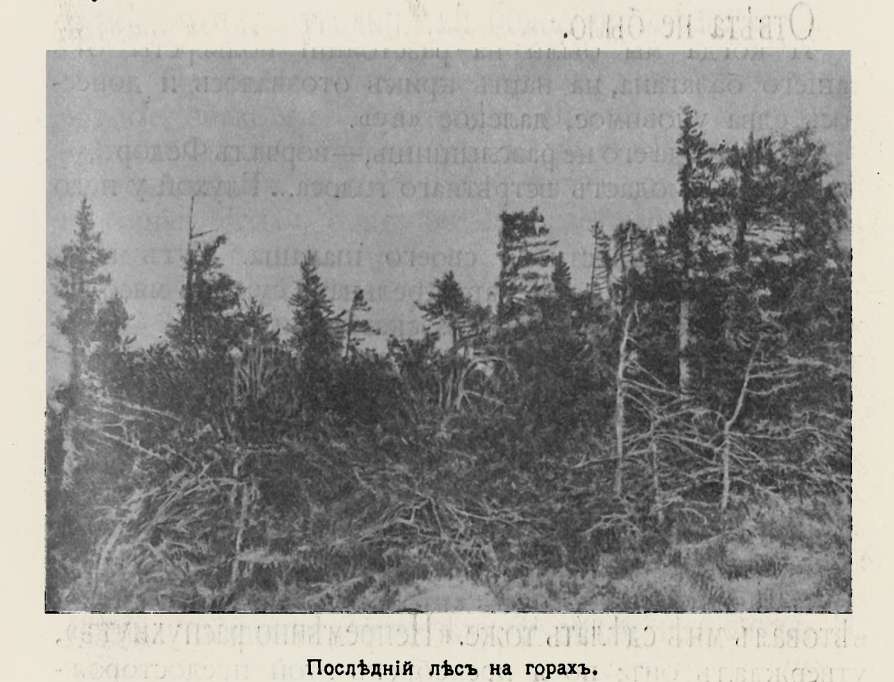
стволы можжевельника. Мы установили близко другъ къ другу два камня, поставили на края ихъ чайникъ, а подъ нимъ развели огонь. Вскорѣ мы пили горячій чай съ брусникой, вмѣсто варенья, и закусывали взятой съ собой, черствой, какъ дерево, колбасой. Но до чего вкусна бываетъ даже такая немудреная ѣда здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, между небомъ и землей, межъ скалъ, у привѣтливаго огонька, отъ котораго разносится такой пріятный дымокъ! Нашему аппетиту позавидовали бы самые записные обжоры лучшихъ столичныхъ ресторановъ.

— А что, дядя Иванъ: не зажарить ли намъ твоего глухарька?—спросилъ Федоръ.

— Что-жъ, можно,—отвѣтилъ охотникъ и полѣзъ въ свою сумку. Но обсудивъ дѣло, мы отказались отъ такого пышнаго жаркого. Прежде всего не было подходящаго топлива: на сучьяхъ можжевельника жарить трудно; а затѣмъ надо было торопиться, потому что время уже было за полдень. Мнѣ предстояла продолжительная и трудная съемка фотографій. И вотъ мы принялись за работу. Охотникъ поблагодарилъ за хлѣбъ-соль, распрощался и ушелъ; онъ хотѣлъ еще поохотиться по низинамъ, пробираясь домой; я взялся за свой аппаратъ.

Мнѣ приходилось преодолѣвать большія трудности, прежде, нежели удавалось сдѣлать необходимую съемку. Снимать можно все, и всюду; но чтобы снять предметъ въ томъ освѣщеніи, въ которомъ онъ является болѣе типичнымъ и красивымъ, надо стать къ нему въ извѣстное положеніе; вотъ тутъ-то и пришлось помучиться. Въ одномъ мѣстѣ—скала мѣшаетъ, закрывая собой видъ на добрую половину горы, въ другомъ — треножникъ никакъ не удается установить на валунахъ; тѣмъ не менѣе я снялъ все, что хотѣлъ. Къ моей коллекціи фотографій прибавилось много интересныхъ снимковъ; у меня были: и вершина горы, и скалы разныхъ очертаній, и розсыпи, и гор-

ные ручьи, и тощій карликовый лѣсъ, и много другихъ. Когда зарядъ пластинокъ истощался, я перемѣнялъ его въ черномъ, непроницаемомъ мѣшкѣ. Федоръ прикрывалъ мѣшокъ сверху накидкой и пальто, чтобы какъ нибудь не проникъ свѣтъ, я же, запустивъ руки въ мѣшокъ, перемѣнялъ пластинки на ощупь.

Послѣдній лѣсъ на горахъ.

За работой мы и не замѣтили, какъ солнце начало клониться къ закату. Была пора въ обратный путь, чтобы въ лѣсу не застала темнота. И вотъ, собравъ свои вещи и аппараты, мы начали спускаться. Мнѣ еще хотѣлось поискать кристаллы, разбить для этого нѣсколько камней, но Федоръ торопилъ. Обратный путь былъ легокъ. Взбираться по камнямъ и уступамъ на вершину несравненно легче, нежели спускаться съ нихъ; но здѣсь на тропинкѣ было наоборотъ: ноги

шли сами собой, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто хотѣлось бѣжать. Понятно поэтому, что сошли мы съ горы вдвое скорѣе, нежели всходили на нее.

Солнце давно скрылось за горой, которая своей тѣнью закрыла, казалось, всю вселенную. Когда мы дошли до низины, тамъ уже царствовали сумерки.

— Ау-у-у!—крикнулъ во весь голосъ Федоръ.

Отвѣта не было.

И когда мы были на разстояніи полверсты отъ нашего балагана, на нашъ крикъ отозвалось и донеслось едва уловимое, далекое «ау».

— Никогда его не разслышишь,—ворчалъ Федоръ,— никогда не подастъ встрѣтнаго голоса... Глухой у него голосъ, потому.

Вскорѣ мы достигли своего шалаша. Тутъ насъ уже ждалъ ужинъ изъ картофельнаго супа съ мясомъ, и чай. За ужиномъ мы разсказывали другъ другу впечатлѣнія.

— А я, пока вы ходили, вонъ сколько рябковъ набилъ,—хвастался возница. Онъ показалъ намъ деея-токъ рябчиковъ и мы отложили ихъ на слѣдующій день.

Измученные восхожденіемъ на горы, мы тотчасъ же послѣ ужина залегли спать. Федоръ передъ сномъ обмылъ ноги въ ключѣ, «чтобъ не тухли», и посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать тоже. «Непремѣнно распухнутъ», утверждалъ онъ; но я пренебрегъ этой предосторожностью, хотя за день лазилъ по горамъ и скаламъ вдвое больше Федора. По всѣму тѣлу разливалась такая пріятная, одолѣвающая лѣнь, что хотѣлось лежать на душистыхъ пихтовыхъ вѣткахъ и дремать, въ то-же время созерцая игру краснаго свѣта, бросаемаго костромъ на сосѣднія деревья и кусты.

Но уснуть долго не удавалось. Федоръ съ возницей ровнымъ, тихимъ голосомъ разсказывали другъ другу разныя небылицы и анекдоты, — любимая привычка уральца, когда онъ расположится у ночного

костра. На этотъ разъ темой разсказовъ была жизнь и чудачества скитниковъ.

— Скажите, что за люди—эти скитники?—просилъ я.—Что они здѣсь дѣлаютъ, какъ спасаются?

— Люди обнаковенные... больше изъ кержаковъ (старовѣровъ), и ничего они здѣсь не дѣлаютъ. Просто спасаются. Въ молитвѣ время проводятъ; въ молитвѣ... хотятъ угодниками божьими сдѣлаться.

— Чѣмъ же они кормятся?

— Приносятъ имъ изъ деревни, или изъ города... родные, знакомые, почитатели. Принесутъ и оставятъ гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ, на скалѣ; а ужъ онъ знаетъ, видитъ, и какъ они уйдутъ, онъ и возьметъ подаяніе. Ягоду, опять же собираетъ, травы... такъ и живетъ.

— И зимой тоже?

— Прежде бывало и зиму и лѣто жили, всю жизнь проводили здѣсь, а теперь рѣдко кто выдержитъ. Былъ такой одинъ старецъ: зиму зимовалъ здѣсь. Подхода къ горѣ, извѣстно, нѣтъ; занесетъ снѣгомъ камни и впадины такъ, что никому не пройти, а онъ сидитъ себѣ на вершинѣ, и—богъ его знаетъ, чѣмъ живъ. Запасы съ лѣта сдѣлалъ, что-ли. Вотъ сидѣлъ онъ такъ на горѣ нѣсколько зимъ; а однажды принесли ему пищи и оставили: осталась нетронута. Пришли погодя, оставили снова ѣду, и опять нетронута. Ну, думаютъ, неладно съ нашимъ святымъ пустынникомъ, надо поискать. Искали, искали, и голосъ подавали, никого нѣтъ. Только одинъ и видитъ: межъ каменьевъ какая-то дыра; отвалили нѣсколько камней,—дыра стала больше; отвалили еще,—пещера открылась. Вошли въ нее, а тамъ въ углу лежитъ мертвый пустынникъ и стеклянными глазами смотритъ. Худой какъ щепка, а тѣло не испортилось; должно быть воздухъ въ пещерѣ такой. Ослабѣлъ должно быть, отощалъ и померъ. Вотъ и пойми его: по нашему самъ онъ довелъ себя до слабости и смерти, и только грѣхъ на

себя взялъ, а онъ думалъ, что угодное Богу, подвигъ дѣлаетъ.

— Лѣтъ десять назадъ,—началъ возница,—былъ у насъ такой старецъ Софронтій. По нашему просто Сафронъ, а онъ самого себя называлъ Софронтіемъ. Ужъ такъ всегда бываетъ: какъ вздумаетъ кто спасаться, такъ и имя на себя заковыристое принимаетъ, а не то, чтобы по просту. По календарю, стало быть. Вздумалъ этотъ старецъ Софронтій спасаться: собралъ народъ, такъ и такъ, говоритъ: грѣшенъ я, много грѣшенъ, братія: хочу замолить въ уединеніи свои грѣхи и сдѣлаться угоднымъ Богу. И если Господь сподобитъ меня очиститься отъ грѣховъ и осѣнитъ своей благодатью, вернусь я къ вамъ и разскажу о милости Его; а можетъ быть Онъ и не отпуститъ меня, грѣшника, и останусь я тамъ на вѣки. Сказалъ, попросилъ прощенья у народа, сдѣлалъ земные поклоны на всѣ четыре стороны и ушелъ. Три мѣсяца о немъ не было ни слуху, ни духу; замолился нашъ старецъ, думали въ деревнѣ, а можетъ быть Господь пріялъ его къ себѣ; анъ глядь, къ Спасову дню является Софронтій назадъ, худой, оборванный, съ непокрытой головой, а глаза—какъ будто и смотрятъ, и никого не видятъ. Опять собралъ народъ. «Братіе,—говоритъ,—Господь внялъ моимъ молитвамъ, простилъ меня грѣшнаго и сподобилъ благодати своей; и чтобъ вы видѣли милость и мудрость Его, повелѣлъ Онъ мнѣ вознестись чудесно на небо». У мужиковъ даже духъ захватило, а бабы подняли вой: старецъ Софроній полетитъ на небо, да что-жъ это такое, бабоньки! Ревутъ. А Софронтій взлѣзъ на заборъ, перекрестился на всѣ стороны, взмахнулъ руками, да какъ прыгнетъ!.. И полетѣлъ. Да полетѣлъ, вишь, на землю, а не на небо, и сильно расшибся. Ладно-жъ.—Братіе, говоритъ онъ,—видно я не совсѣмъ еще сподобился благодати, видно не всѣ грѣхи отмолилъ; не побывалъ я еще, грѣшный, въ расщепѣ! Простите, братіе, побываю въ расщепѣ, и

тогда вознесусь Господу. — Сказалъ, взялъ топоръ, и ушелъ. Пришелъ опять же сюда, въ лѣсъ, выбралъ пень, и давай рубить его; сдѣлалъ расщепъ, вбилъ клинъ, а потомъ всунулъ руку въ расщепъ, и давай выколачивать другой рукой клинъ. Извѣстно, клинъ выскочилъ, а въ расщепѣ-то руку ему и зажало. Что тутъ было одному Богу извѣстно. А только спохватились мужики: неладное, молъ, Софронтій съ топоромъ задумалъ спасаться, давай-ко посмотримъ; опять-же, брусничка поспѣла, такъ значитъ заодно идти въ горы. Пошли. Долго бродили по горѣ, вдругъ слышатъ: кто-то таково тихо, да жалобно стонетъ. Подошли, смотрятъ: лежитъ Софронтій у пня, рука въ расщепѣ и вся почернѣла. И самъ онъ весь потемнѣлъ; и говорить не можетъ, только стонетъ. Вбили мужики клинъ въ расщепъ, расширили его и вытащили руку. А она вся вздулась, и ужъ не рука, а какой-то кусокъ мяса. Можетъ, онъ и хотѣлъ вытащить ее, да расщепъ крѣпко держалъ: не разжать топоромъ было одной-то рукой, да и боль, вѣдь, какая! Замертво привезли его въ деревню, а черезъ недѣлю прикинулась огневица, и умеръ старецъ Софронтій, не отмоливъ своихъ грѣховъ. А и грѣхи-то у него, подумаешь, какіе были! Такіе-же простые, мужицкіе, какъ и у насъ простыхъ грѣшныхъ. И главный то грѣхъ его былъ: не истязуй себя; его-то онъ и взялъ себѣ на душу.

Ясно было, что старецъ Софронтій былъ человѣкъ ненормальный; но гдѣ ни приходилось бывать мнѣ, вездѣ, въ особенности на сѣверѣ, среди старообрядчества, я часто встрѣчалъ эту типическую черту великоросса: стремленіе къ чисто личному, душевному подвигу. Обыкновенно, это стремленіе находитъ ненатуральный выходъ, выраженіе; но само по себѣ, какъ сила души, какъ неудержимое влеченіе къ высокому идеалу, оно можетъ прельщать. И гдѣ спастись дикарю, гдѣ совершить ему подвиги, какъ не здѣсь, среди этой таинственной, заколдованной природы?

Среди безлѣсныхъ равнинъ или степей, не возвышающихъ души, не скрывающихъ отъ мірской суеты, нельзя спастись; и онъ идетъ въ горы, на лоно природы, чтобы здѣсь, среди моря чистаго воздуха и прозрачныхъ пространствъ, подъ звѣздами и надъ грѣшной землей, вознести свою душу къ высокому, чистому небу...

Началъ накрапывать дождь. Капли его падали на костеръ и съ шипѣніемъ испарялись. Федоръ прибавилъ дровъ, а сверху навалилъ хвои. Въ тайгѣ послышался глухой, безпрерывный шумъ, Она собиралась уснуть, и возроптала, когда дождь потревожилъ ея ночной отдыхъ. Отъ болота потянуло сыростью. Подъ монотонный шумъ тайги и дождя я началъ засыпать.

Костеръ слегка потрескивалъ; невдалекѣ, въ чащѣ равномѣрно, торжественно, какъ глубокій звукъ индусскаго, священнаго бубна, раздавался звукъ ботала, и навѣвалъ меланхолическое настроеніе; а дождикъ все лилъ, лилъ и лилъ.

На утро дождикъ не переставалъ. День былъ испорченъ. Даже при самой легкой непогодѣ горы заволакиваются туманомъ, верхушекъ не видно. Посмотрѣвъ на ближайшія скалы, я увидѣлъ, что они какъ будто плачутъ. Долгимъ, безутѣшнымъ плачемъ плачутъ и вызываютъ къ себѣ жалость. «А у насъ только камни не плачутъ», вспомнились мнѣ слова поэта; нѣтъ: плачутъ и они. И весь день вышелъ плаксивый. Возница попробовалъ охотиться, и принесъ глухаря; я пошелъ, было, собирать грибы, и промокъ насквозь, несмотря на свой макинтошъ; Федоръ занялся собираніемъ топлива и затѣмъ сталъ варить обѣдъ. Я разлегся на нашей пихтовой постели, вынулъ давно забытую записную книжку, и началъ записывать свои послѣднія дорожныя впечатлѣнія и наблюденія. Къ обѣду Федоръ началъ жарить убитаго глухаря. Онъ

искусно выпотрошилъ его, сдѣлавъ для этого самый небольшой надрѣзъ, затѣмъ принесъ откуда-то съ края болота глины и плотно обмазалъ ею всего глухаря, какъ онъ былъ съ перьями. Получилась какая-то глиняная бомба. Затѣмъ Федоръ разгребъ костеръ, положилъ бомбу въ горячую золу, сверху тоже прикрылъ

Видъ изъ-за лѣсовъ на Малый Таганай.

золой, и развелъ сильный огонь. Спустя два часа, когда супъ тоже былъ готовъ, онъ вынулъ изъ костра раскаленную бомбу, обмотавъ руки тряпками; высоко поднялъ ее надъ головой, и со всего размаха бросилъ объ землю. Она раскололась. Но перья всѣ остались на глиняной оболочкѣ, а внутри было изжарившееся въ собственномъ соку, душистое мясо.

— Это наше охотничье жаркое,—говорилъ Федоръ,

довольный своей стряпней; дѣйствительно, жаркое было вкусное.

За разговорами, за кое какой работой и ѣдой мы скоротали этотъ скучный, ненастный день. Къ вечеру набѣжалъ откуда-то съ востока вѣтерокъ, разорвалъ окутавшія небо тучи и погналъ ихъ. Слава богу! завтра можно идти въ горы. Мы рано залегли спать, чтобы раньше встать, я уснулъ самымъ безмятежнымъ, самымъ крѣпкимъ сномъ.

Меня разбудилъ отчаянный лай нашего Волчка. Онъ просто рвался въ лѣсъ и почти охрипъ отъ лая. Мы всѣ всматривались въ предразсвѣтныя сумерки лѣса и ничего въ нихъ не видѣли. Кто тамъ: звѣрь, или человѣкъ? Вдругъ оттуда послышался легкій свистъ. Значитъ, это человѣкъ. Моментально мы схватились за свои ружья и револьверы, и напряженно выжидали. Свистъ повторился, а затѣмъ послышался легкій голосъ, успокаивавшій Волчка.—Собачка, собачка... ну, Шарикъ... ну, Полканъ... Валетка моя!.. Кхх!..—кашлянулъ кто-то, словно желая подать голосъ и успокоить насъ.

— Кто тамъ!—грозно крикнулъ Федоръ.

— Небойтесь, добрые люди, свой человѣкъ... странникъ...

— Чего тебѣ надо?

— Безъ злой мысли... Погрѣться, да хлѣбца попросить... Уймите собаку-то!

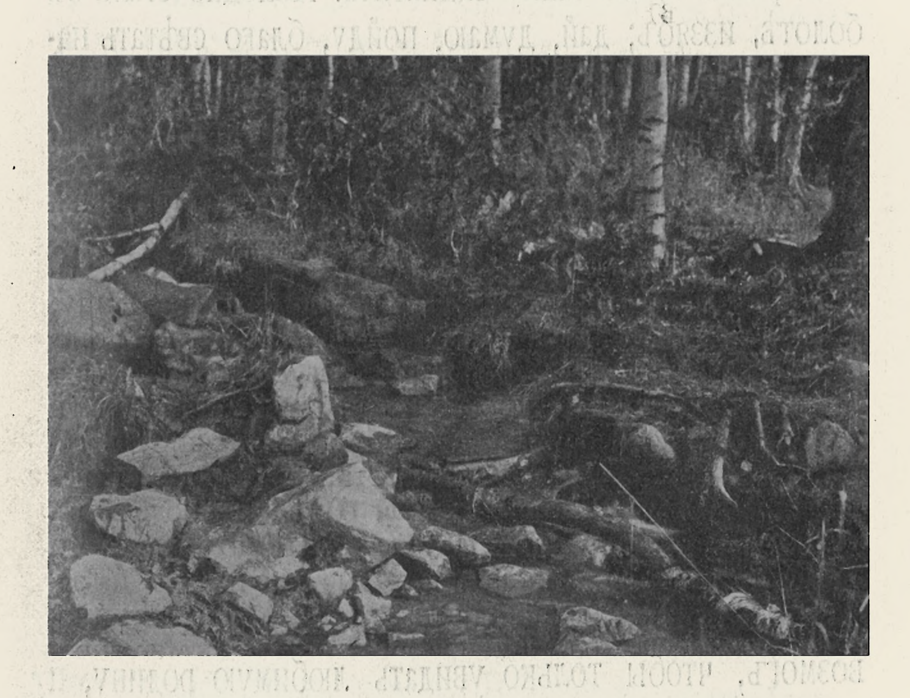
— Это бродяга!—шепнулъ мнѣ Федоръ.—Не страшно, ничего. Пусть подойдетъ.

Онъ отозвалъ Волчка, и вскорѣ изъ-за кустовъ вышла и предстала предъ нами жалкая фигура странника. Въ рванной шапченкѣ, въ такомъ же коротенькомъ кафтанѣ, изъ подъ котораго виднѣлись широчайшіе штаны, босой, съ дубинкой въ рукахъ и чайникомъ за поясомъ, онъ стоялъ передъ нами, въ свѣтѣ костра, и какъ-то блаженно, и въ тоже время печально улыбался. Повидимому онъ старался успокоить

насъ своей добротой, привѣтливой улыбкой, и въ то-же время побаивался насъ.

— Бродячій человѣкъ... странникъ... — лепеталъ онъ.—Безъ злой мысли пришелъ... Дайте обогрѣться... Ѣсть захотѣлось, хлѣбца нѣтъ ли у васъ кусочка?

— Садись къ костру, грѣйся! — пригласилъ Федоръ. — Гостемъ будешь. Чаю попьемъ. Ты откуда идешь?

Горный ручей.

Странникъ протянулъ свои иззябшія руки къ огню; но этотъ жестъ не понравился Волчку. Зорко слѣдившій за каждымъ движеніемъ бродяги, и все время ворчавшій, Волчокъ съ бѣшенствомъ бросился на него. Насилу удалось отогнать разъяренную собаку отъ оторопѣвшаго бродяги. Наконецъ успокоилась.

— Откуда—куда идешь?—спрашивалъ Федоръ.

— Изъ Сибири иду... издалека... Изъ нехорошихъ мѣстъ... Потянуло на родину. Хоть-бы глазкомъ повидать ее... вотъ и бреду.

— Что-же такъ поздно?.. то, бишь: рано?

— Да все изъ-за огня. Огонь вышелъ. Ни тебѣ огня разжечь, ни чайку скипятить. Холодно стало въ болотѣ, иззябъ; дай, думаю, пойду, благо свѣтать начало: раньше дойду до жилья. А вы какіе люди будете?

— Мы?—мы охотники, — отвѣтилъ Федоръ. — На охоту собрались, вотъ и заночевали, чтобы, значитъ, съ утра...

— Такъ, такъ... доброе дѣло,—говорилъ бродяжка, въ упоръ глядя на меня.—Изъ города значитъ?

Мы разговорились. Оказалось, бродяга прошелъ уже не одну тысячу верстъ, пробираясь на родину, въ одну изъ приволжскихъ губерній. Чего—чего онъ не претерпѣлъ въ дорогѣ, скрываясь отъ бдительнаго глаза начальства. Ночевалъ онъ въ тайгѣ, и счастьемъ для него было зайти на ночлегъ въ какой-нибудь сарай или въ баню, въ особенности, когда она съ вечера топилась. Въ одной такой банѣ онъ ночью, въ темнотѣ даже помылся. Питался онъ подаяніемъ и заботливостью сибиряковъ, которые гдѣ-нибудь на задворкахъ, или у бани оставляютъ для бродячихъ людей остатки своей пищи и корки хлѣба. Онъ все превозмогъ, чтобы только увидать любимую родину, и теперь, будучи близко отъ нея, всѣми силами старался избѣжать встрѣчи съ чиновниками. Сначала онъ съ недовѣріемъ относился ко мнѣ, полагая, что я чиновникъ, но потомъ — наше хорошее отношеніе къ нему успокоило его.

Согрѣвшись у костра и основательно закусивъ, бродяга всталъ и началъ прощаться.

— Ну, спасибо, добрые люди, — говорилъ онъ; — сытъ и согрѣтъ... а ноги мои устали не знаютъ. Пойду дальше. Только, огоньку вотъ, одолжите.

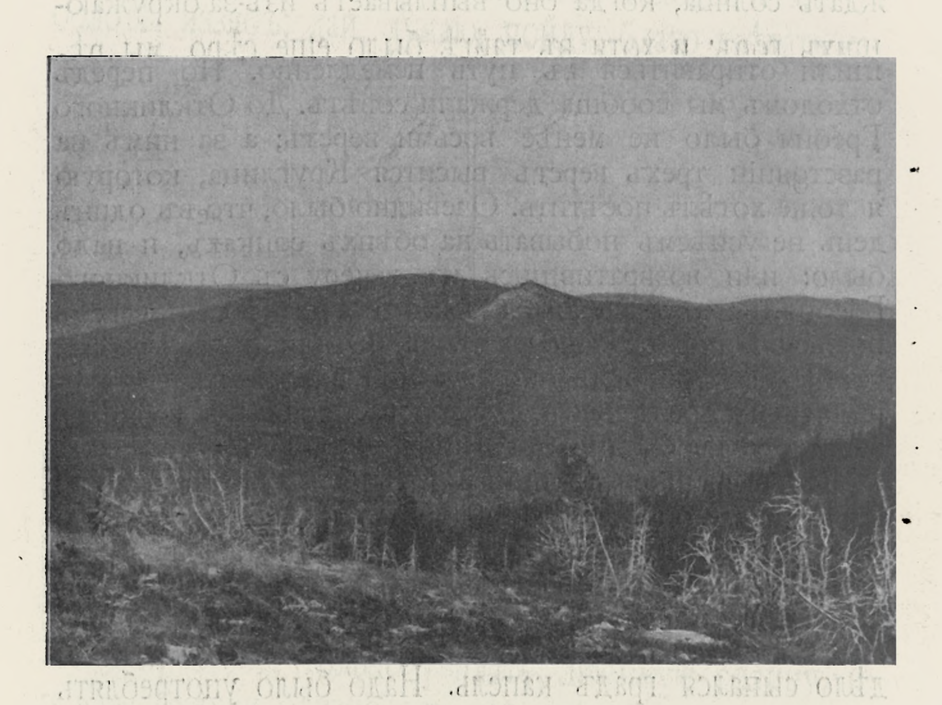
Я отдалъ ему весь свой коробокъ, неподумавъ, что спичекъ у насъ самихъ очень немного; далъ ему также нѣсколько серебряныхъ монетъ. Бродяга распростился и, провожаемый лаемъ Волчка, скрылся въ тайгѣ.

Былъ уже сильный разсвѣтъ. Въ долинѣ долго ждать солнца, когда оно выплываетъ изъ-за окружающихъ горъ; и хотя въ тайгѣ было еще сѣро, мы рѣшили отправиться въ путь немедленно. Но передъ отходомъ мы сообща держали совѣтъ. До Откликного Гребня было не менѣе восьми верстъ; а за нимъ на разстояніи трехъ верстъ высится Круглица, которую я тоже хотѣлъ посѣтить. Очевидно было, что въ одинъ день не успѣемъ побывать на обѣихъ сопкахъ, и надо было: или возвратившись къ вечеру съ Откликного Гребня, на завтра снова сдѣлать новыхъ восемь верстъ подъема, или же заночевать на Откликномъ Гребнѣ, чтобы на утро быть около самой Круглицы. Остановились на послѣднемъ, сдѣлали распоряженія возницѣ запаслись необходимыми вещами и ушли.

По вчерашней тропинкѣ дошли мы до развѣтвленія ея, гдѣ она дѣлала поворотъ налѣво, на Вторую сопку, и взяли направо. На тропинкѣ царила сѣрая полутьма. Вчерашній дождь надѣлалъ много непріятностей: тропинка во многихъ мѣстахъ размякла, ноги скользили; трава была мокрая, а съ деревьевъ то и дѣло сыпался градъ капель. Надо было употреблять лишнія усилія, чтобы не задѣть вѣтокъ, приходилось наклоняться, подлѣзать подъ нихъ. Все это излишне утомляло. На розсыпяхъ, которыхъ здѣсь было несравненно больше, приходилось просто выплясывать какіе-то дикіе танцы, балансируя руками и всѣмъ тѣломъ: камни были мокры и легко было поскользнутся. Но и самый подъемъ былъ утомительнѣе вчерашняго. Тамъ тропинка хотя и круто подымалась вверхъ, за то спустя два часа конецъ мученью: здѣсь же тропинка извилистой змѣйкой шла по склону горы, медленно, но вѣрно

поднимаясь все вверхъ и вверхъ. Хоть бы одно ровное мѣстечко! Нѣтъ, все вверхъ и вверхъ, въ продолженіи добрыхъ четырехъ часовъ. Утомленіе было большее.

На одной изъ розсыпей мы увидѣли солнечный свѣтъ. Въ открывшемся просторѣ я увидѣлъ солнце, выплывавшее изъ-за Средняго Таганая. Вѣеромъ бро-

Видъ на Средній Таганай.

сало оно отъ себя во всѣ стороны почти видимые лучи и ярко обрисовывало контуръ горы. Посвѣтлѣло и въ тайгѣ; стало веселѣе. По временамъ мы останавливались у какого-нибудь ручейка и изслѣдовали его дно и берега. Федоръ всегда умѣлъ находить на днѣ какой-нибудь особенный красивый камешекъ, хотя бы въ видѣ зернышка, и торжественно дарилъ его мнѣ.

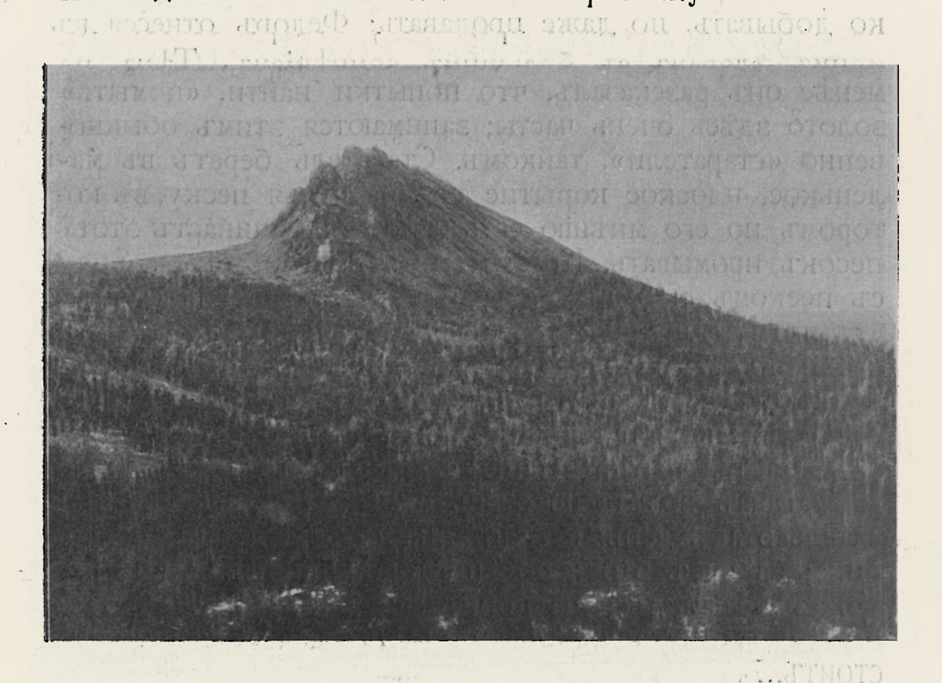
— Здѣсь и золото есть, не то, что эти «самоцвѣты»—говорилъ онъ,—только запрещено брать.

— Отчего запрещено,—отвѣтилъ я.—Теперь новый законъ о добыванiи золота: всякъ можетъ добывать; найди, заяви, и добывай. Земля тутъ казенная.

По старымъ законамъ золота нельзя было нетолько добывать, но даже продавать; Федоръ отнесся къ моимъ словамъ съ большимъ сомнѣнiемъ. Тѣмъ не менѣе онъ разсказалъ, что попытки найти, «помыть» золото здѣсь очень часты; занимаются этимъ обыкновенно «старатели», тайкомъ. Старатель беретъ въ маленькое, плоское корытце со дна ручья песку, въ которомъ по его мнѣнiю есть золото, и начинаетъ этотъ песокъ промывать. Корытце онъ покачиваетъ, а воду съ пескомъ помѣшиваетъ; потомъ осторожно сливаетъ мутную воду, наливаетъ новую и опять помѣшиваетъ. Муть содержащая болѣе легкiй песокъ, постепенно сливается, а золото, какъ болѣе тяжелое, остается на днѣ корыта. Понятно, что чѣмъ больше въ пескѣ золота, тѣмъ больше старатель его намоетъ; но на Таганаѣ золота не очень много. Поработаетъ старатель этакъ день, а золота намылъ небольше золотника; на видъ это небольше той кучки пепла, которая можетъ держаться на концѣ закуренной папиросы; а все-таки эта кучка, глядишь, рублей пять — шесть стоитъ...

Послѣ четырехчасовой ходьбы мы наконецъ увидѣли острую верхушку Откликного Гребня. Она показалась намъ сбоку, и надо было пройти еще добрую версту, чтобы увидѣть его въ профиль, во всю могучую длину. Передъ гребнемъ растилается широкая площадка, поросшая жалкимъ можжевельникомъ, заканчивающаяся скалами. Какъ и на Второй сопкѣ эти скалы идутъ кольцомъ вокругъ горы и составляютъ какъ бы наружную крѣпость, защищающую входъ въ главную. А главная грозно высится къ небу и кажется неподступной. Весь Откликной гребень имѣетъ форму

гигантскаго новолунія. Своими необыкновенными размѣрами онъ дѣйствительно напоминаетъ нѣчто космическое. Это луна земной планеты, пришло мнѣ въ голову сравненіе. Середина этой луны нѣсколько приподнята, а линія верхушки усѣяна острыми зубьями, что и дѣлаетъ его похожимъ на гребенку.

„Откликной Гребень“ изъ-за лѣсовъ. (Съ востока).

— А почему онъ называется «Откликнымъ?» — спросилъ я.

— Потому, что онъ разговариваетъ... откликается,—отвѣтилъ Федоръ.— Крикнешь ему: «эй, ты!» А онъ тебѣ въ отвѣтъ: «Поди сюда!» Крикнешь: «иди, матушка!»—отвѣтитъ: «иду, сейчасъ!» Вотъ какой онъ.

— А ну-ка попробуемъ.

Мы крикнули нѣсколько фразъ. Слова полетѣли въ чистомъ, разрѣженномъ воздухѣ къ горѣ, удари-

лись о камни, и возвратились отчетливымъ, громкимъ, но видоизмѣненнымъ эхо. Несомнѣнно, эхо принесло другой смыслъ сказаннаго, и при извѣстной фантазіи въ немъ можно было найти какъ будто правдивый отвѣтъ, откликъ; какъ будто камни не отражали словъ, а осмысленно отвѣчали. Объяснить это можно было лишь тѣмъ, что звуки ударялись не въ ровную поверхность горы, а въ ея неправильныя формы, затѣмъ въ выступы и отдѣльныя скалы, и затѣмъ, столкнувшись, перебившись, уже неслись обратно въ измѣненномъ видѣ, въ которомъ человѣкъ и находилъ подобіе своей рѣчи. Такъ или иначе, а гребень названъ «Откликнымъ» очень удачно.

Весь гребень обросъ сѣровато-бурыми лишаями и имѣетъ угрюмую, непривѣтливую окраску. Издали, вѣрнѣе снизу гора казалась изъ одного цѣльнаго, гладкаго массива; но когда я началъ взбираться на верхушку, то на поверхности горы оказалось много громаднѣйшихъ выступовъ и нависшихъ скалъ, издали совсѣмъ незамѣтныхъ. Цѣпляясь за эти выступы я, взбирался все выше и выше, гдѣ прыжкомъ, гдѣ ползкомъ, а гдѣ и просто подтягиваясь на рукахъ. Я боялся оглянуться внизъ, чтобы не закружилась голова, а вверху, казалось, вершина такъ близка. Но это былъ зрительный обманъ. Сѣрые, однообразные камни обманывали зрѣніе: до верхушки было несравненно дальше, чѣмъ казалось. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій я добрался до самыхъ зубьевъ.

Первое, что меня поразило, это зубья. Снизу они казались такими маленькими, здѣсь же представилось совершенно иное. Они подымались вверхъ на три — четыре сажени, и въ промежуткахъ между ними было тоже нѣсколько саженей. Самый гребень горы острый: по ту сторону горы идетъ крутой спускъ, который кончается далеко въ низинѣ. Съ этой стороны нѣтъ никакой возможности взобраться на гору: это значило бы почти двѣ версты лѣзть прямо вверхъ по нары-

тымъ въ невѣроятномъ хаосѣ валунамъ и скаламъ. Съ этой стороны никакая армія въ мірѣ не могла бы взять этой естественной крѣпости, и безпрерывная стрѣльба изъ самыхъ усовершенствованныхъ орудій не могла-бы разрушить ее въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Такова эта грозная твердыня...

Таганай справедливо считается самой высшей точкой Южнаго Урала (около 6000 фут. надъ уровнемъ моря), а Откликной гребень — самая высшая вершина Таганая. Съ этой вершины видны всѣ сопки и окрестныя горы. Видъ открывается на сотни верстъ. Ближе всѣхъ на юговостокъ, по направленію къ Второй сопкѣ, стоитъ сопка Три Сестры, со своими тремя почти одинаковыми вершинами; дальше въ томъ же направленіи какъ на ладони видна Вторая сопка, сливающаяся съ Первой, а еще дальше по прямой линіи на горизонтѣ виднѣются цѣлыя гряды горъ, упирающихся густо-синими вершинами въ небо. Въ той сторонѣ расположились другіе гиганты Южнаго урала: хребетъ Уреньга, Иремель, Яманъ-тау, Уралъ-тау. Однѣ ближе, другія дальше, однѣ темнѣе, другія свѣтлые, ниже и выше. Налѣво, на востокъ возвышаются Малый и Средній Таганай, направо открывается обширнѣйшая, лѣсистая низина, перерѣзанная блестящей лентой рѣки Ая, и ближе Тесьмой, кажущейся отсюда ничтожнымъ ручейкомъ; а на сѣверо-западъ, въ двухъ верстахъ высится совершенно круглая, могучая шапка Круглицы. Дальше за этой горой идетъ безконечная тайга, заселенная медвѣдями, а еще дальше снова видны горы и горы.

Грандіознѣйшая въ мірѣ картина.

Всматриваясь въ очертанія и формы этихъ горъ и даже отдѣльныхъ скалъ, видишь, насколько онѣ разнообразны. Общій характеръ горъ южнаго Урала—разнообразіе, хаосъ и дикость. Здѣсь вершина плоская, тамъ круглая, тамъ острая, а дальше угловатая. Ни одна гора, ни одна скала не походитъ на другую. Всюду дикіе, могучіе контуры и безпорядочный, стихійный

хаосъ. Въ этомъ разнообразіи, въ дикости и хаотичности и кроется чарующая прелесть и красота уральскихъ горъ.

Пройти верхомъ Откликного Гребня немыслимо: настолько онъ заостренъ. Я полазилъ межъ нѣкоторыхъ скалъ, нашелъ небольшую пещерку на другомъ скло-

„Откликной Гребень" вблизи. (Съ сѣвера).

нѣ, можетъ быть—жилище отшельника, и съ величайшимъ трудомъ сдѣлалъ на этой головоломной высотѣ нѣсколько снимковъ. Зарисовавъ наглядную географію мѣстности и горъ, я началъ спускаться. Но не тутъ-то было. Спускъ оказался далеко не такимъ легкимъ, какъ казалось. Гора не хотѣла отпустить, и на каждомъ шагу создавала препятствія. Надо было уже не схо-

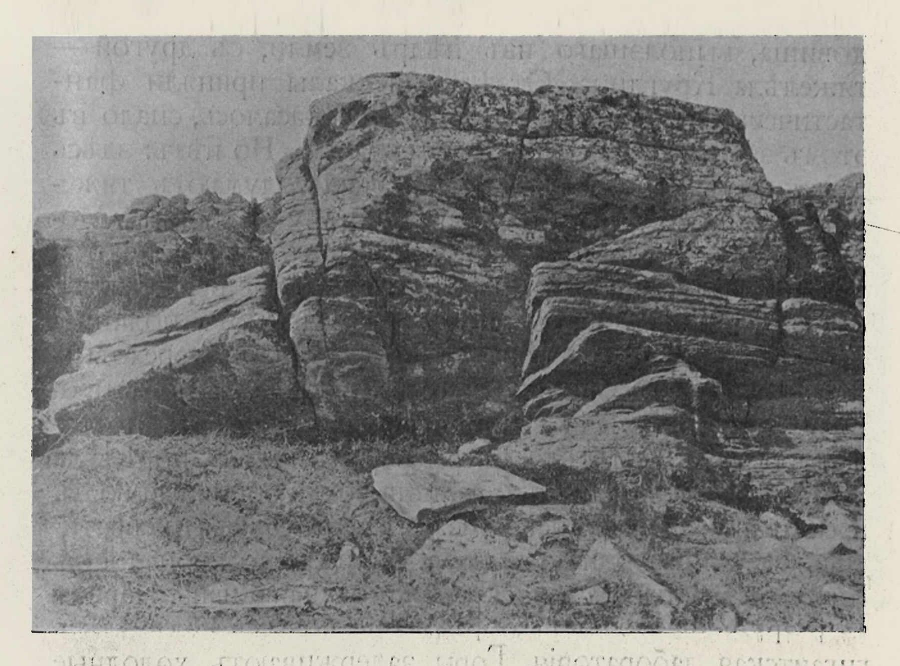
дить, а сползать. Обернувшись лицомъ къ горѣ, спиной къ площадкѣ, я удерживался руками за какой-нибудь выступъ, а ногой старался достать выступъ ниже; иногда такой выступъ находился не прямо подо мной, а въ сторону, въ бокъ, и приходилось дѣлать эквилибристическія упражненія чтобы достать его; иногда же нога просто недоставала уступа, и тогда надо было прыгать на него, въ слѣпой надеждѣ, что онъ не оторвется и не помчится вмѣстѣ со мной внизъ. Время шло ужасно медленно, спускъ казался безконечнымъ. Я изранилъ себѣ руки, обломалъ ногти, изорвалъ одежду и только послѣ большихъ усилій вырвался изъ объятій каменнаго истукана и достигъ подножія. Я былъ страшно утомленъ и весь разбитъ.

Съ самаго утра мы ничего не ѣли, а было уже далеко за полдень. Опять началась варка чая межъ двухъ камешковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдыхъ у костра. Потомъ опять началась съемка горъ и отдѣльныхъ скалъ, которыя въ предвечернемъ солнцѣ такъ выпукло были освѣщены; а остатокъ дня мы провели у подножія Круглицы въ поискахъ интересныхъ камешковъ и кристалловъ. Въ отличіе отъ другихъ сопокъ, Круглица сплошь состоитъ изъ бѣлаго кварцита. Мнѣ все хотѣлось найти хорошій экземпляръ хрусталя, цѣлое гнѣздо его кристалловъ, и отсыкивая это гнѣздо, мы разбили и перевернули множество каменьевъ; но все было тщетно. Маленькія призмочки съ пирамидальными верхушечками попадались довольно часто, но хорошаго экземпляра мы такъ и не нашли, хотя несомнѣнно, они должны быть здѣсь.

— Вотъ на Среднемъ Таганаѣ этого добра видимо-невидимо: раскололъ камень, а въ немъ и сидитъ цѣлое гнѣздо. Надо только знать, какой камень бить. Да тамъ и такъ валяются кристаллы по склону горы.

Къ сумеркамъ мы возвратились на площадку и начали устраиваться на ночлегъ. Выбрали подходящую скалу: съ одной стороны она была совершенно ровная,

съ другой горбатая. Подъ отвѣсомъ ея мы настлали травы и хвои, устроили удобныя постели. Въ самомъ концѣ скалы, въ ямкѣ былъ родникъ чистой, какъ кристаллъ, холодной воды; за водой недалеко было ходить. Собрали топлива на ночь, развели костеръ, поужинали и залегли спать, съ тѣмъ, чтобы раннимъ утромъ подняться на Круглицу.

Скалы близъ Откликного Гребня. (Мѣсто ночлега подъ скалой).

Спустилась тихая, свѣтлая ночь. Нависло надъ горами темно-синее ночное небо, усѣянное миріадами жгучихъ звѣздъ. Лежа на спинѣ, я смотрѣлъ на это бездонное небо, и глазъ утопалъ въ необъятномъ пространствѣ. Эти маленькіе міры-звѣзды, эти планеты, неизмѣримо большія, чѣмъ земля, не казались такими большими, какъ эти окружающія горы. Я видѣлъ эти

горы своими глазами, зналъ и чувствовалъ ихъ, а величіе небесныхъ свѣтилъ, плавающихъ въ эфирѣ, можно было только вообразить себѣ. Горы всегда даютъ понятіе о величинѣ, о просторѣ; жители равнинъ и лѣсовъ—это люди съ узкимъ кругозоромъ; жители горъ смотрятъ широко и правильнѣе понимаютъ величину и пространство.

Съ одной стороны чернѣлъ на фонѣ неба Откликной Гребень, вродѣ какого-то апокалипсическаго чудовища, выползшаго изъ нѣдръ земли, съ другой—тяжелѣла Круглица. Отдѣльныя скалы приняли фантастическія, уродливыя формы. Все, касалось, спало въ этомъ застывшемъ царствѣ, все замерло. Но нѣтъ: здѣсь все живетъ и думаетъ. Горы и скалы думаютъ тяжелую, мрачную думу, которой человѣку не понять. Можетъ быть имъ въ ночной тишинѣ вспоминаются прожитыя тысячелѣтія, мерещатся міровые перевороты, свидѣтелями которыхъ онѣ были, мелькаютъ полчища народовъ, шедшихъ когда-то съ востока и переходившихъ эти горы. Сколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ произошло, есть о чемъ вспомнить. Солнце сначала потеплѣло, потомъ охладѣло, вѣтры перемѣнились, порѣдѣла тайга, исчезли звѣри и птицы, повысохли обильныя воды, и сами камни, разрушаясь изъ вѣка въ вѣкъ, превратились въ плодородную землю... Не все еще пропало! Въ горахъ есть жизнь, своя, скрытая, могучая жизнь. Наряду съ разрушеніемъ, идетъ образованіе новыхъ тѣлъ: здѣсь гигантская лабораторія. Горы задерживаютъ холодные вѣтры съ сѣверо-востока и, скопляя на своихъ вершинахъ воду, даютъ начало многочисленнымъ ручьямъ и рѣкамъ; вода здѣсь первый работникъ, вѣчный, неустанный, никогда не спящій. Работаютъ здѣсь лишаи и мхи, облѣпившіе всѣ горы и скалы: въ союзѣ съ водой они изъ вѣка въ вѣкъ разрушаютъ ихъ, и даютъ начало новой жнзни. Эти чахлые можжевельники и карликовыя елки тоже борются за жизнь. А эта тайга, которая густымъ ковромъ стелется внизу, у подножія

горъ: сколько въ ней жизни! До сихъ поръ бродитъ въ ней непотревоженный угрюмый медвѣдь, батька звѣрей, бѣгаетъ быстрый лось, и козелъ, прячется въ норахъ сердитый барсукъ, прыгаетъ по вѣткамъ рѣзвая бѣлка, и водится всякій звѣрь. А сколько птицы! Глухари, тетерева, рябчики, дрозды... У воды развелись

Скалы близь „Круглицы".

дикіе утки, гуси, чирики, даже лебеди... Высоко надъ горами рѣетъ иной разъ ястребъ, устроившій себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на неприступной скалѣ; водятся здѣсь и уральскій соколъ, и пустельга, и ночной хищникъ филинъ. Да, кругомъ жизнь.

Измучившись за день, я крѣпко уснулъ, предварительно прибавивъ въ костеръ дровъ. Но горная ночь была свѣжа; костеръ согрѣвалъ съ одного бока, а дру-

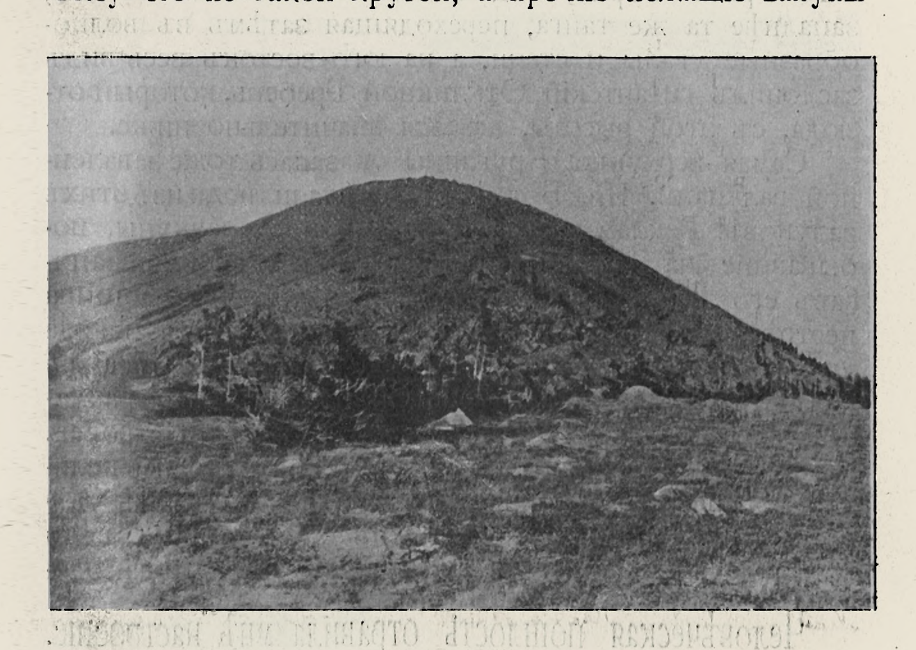
гой холодѣлъ: приходилось часто поворачиваться. Проснулся я, когда верхушка Круглицы уже ярко пылала, окрашенная первыми, пурпурными лучами солнца. Федоръ уже кипятилъ чай. Можно было только радоваться, что долгій и трудный подъемъ отъ Святого ключа сдѣланъ вчера, и что его не пришлось повторить сегодня.

Наша возвышенная площадка, на которой стоялъ Откликной Гребень, отдѣлялась отъ Круглицы громаднымъ ущельемъ, на днѣ котораго возвышались цѣлыя группы скалъ. Спустившись въ это ущелье, мы начали взбираться на вершину горы. Откликной Гребень какъ будто сразу выростаетъ изъ земли и поднимается почти отвѣсно вверхъ. Круглица же поставлена на широкое основаніе, имѣющее въ поперечникѣ не менѣе версты и затѣмъ все время неуклонно закругляясь, поднимается вверхъ. Издали она напоминаетъ форму гигантской круглой булки, на верхушкѣ которой положена еще булочка. Но въ то время, какъ Откликой Гребень состоитъ изъ сплошного массива и кажлый оторвавшійся выступъ и камень скатывается внизъ, вся Круглица состоитъ изъ нарытыхъ въ гигантскую кучу валуновъ. Можетъ быть подъ ними и есть массивъ, но его подъ толстой корой валуновъ не видно. Внизу горы, въ промежуткахъ и щеляхъ межъ валунами выросъ ползучій верескъ и сгладилъ неровности и угловатости. Казалось, вотъ хорошо-то взбираться по такому ковру. Но Федоръ меня предупредилъ.

— Осторожнѣе,—сказалъ онъ,—подъ этимъ верескомъ есть дыры и щели; верескъ можетъ прорваться, и тогда можно сломать ногу.

Верескъ на Таганаѣ разросся во всѣхъ доступныхъ ему мѣстахъ, гдѣ только находилось хоть немного земли. Иногда онъ безпрерывно стелется на громадныя разстоянія, закутывая всѣ отверстія межъ камней, и каменистыя болота. Онъ стелется красивымъ, кудрявымъ ковромъ, но довѣриться этому ковру нельзя.

Такъ какъ Круглица не имѣетъ такого возвышеннаго основанія, какъ другія сопки, и начинается въ низкомъ ущельи, высота же ея немногимъ меньше Откликного Гребня, подниматься же все время надо по округлой поверхности, то подъемъ на нее болѣе продолжителенъ. Но за то онъ значительно легче, потому что не такой крутой, а прочно лежащіе валуны

Круглица.

и глыбы даютъ возможность крѣпко стать ногой, перепрыгнуть съ камня на камень и вообще выбрать путь. Прямо вверхъ взбираться нельзя: тогда пришлось бы взлѣзать на каждый валунъ отдѣльно; поэтому мы взбирались зигзагами, вправо и влѣво, и такой путь, хотя болѣе продолжительный, былъ менѣе утомителенъ. И тѣмъ не менѣе, чѣмъ ближе къ верхушкѣ, тѣмъ труднѣе становилось дышать, тѣмъ сильнѣе стучало въ вискахъ. Наконецъ, показалась верхушка. Вотъ

она! Нѣсколько саженей, и конецъ. Но, увы! На верхушкѣ есть еще другая, закругленная верхушка, невидимая снизу изъ-за выпуклой поверхности горы. И прошло еще добрыхъ полчаса, пока мы взобрались на самый верхъ. Открылась моимъ глазамъ новая картина. На сѣверѣ виднѣлась самая сѣверная вершина южнаго Урала—Юрма, отдѣленная безконечною тайгой, западнѣе та же тайга, переходящая затѣмъ въ волнообразные увалы и степи, а на юго-востокъ весь видъ заслонилъ гигантскій Откликной Гребень, который отсюда, съ этой высоты, казался значительно ниже.

Самая верхушка Круглицы оказалась тоже заваленной валунами. Но, Боже! Что сдѣлали люди изъ этихъ валуновъ! Рекламы и афиши. Какіе то пачкуны, побывавшіе на вершинѣ, обезсмертили свое имя, записавъ его на величественныхъ камняхъ. Вся вершина пестрѣетъ надписями. Здѣсь—такого-то числа и года «посѣтилъ сію вершину» г-нъ Ивановъ, рядомъ запачкалъ цѣломудренный камень Сидоровъ, дальше размашистый, канцелярскій росчеркъ уважаемаго Петрова... Какіе пигмеи примазали свое ничтожное имя къ величію могущественной природы! И для чего? Чтобы увѣковѣчить свое ничтожество? Мнѣ стало обидно за это оскорбленіе и надруганіе надъ природой. Эти самодовольные люди были святотатцы.

Человѣческая пошлость отравила мнѣ настроеніе. Сдѣлавъ необходимые снимки, мы начали спускаться.

— Пойдетъ на ту «Орелку»,—сказалъ Федоръ, указывая на одну изъ небольшихъ сопокъ, выросшую среди моря тайги. Она была очень красива издали и интересна.

Я согласился. И вотъ начался спускъ. И снова—спускаться было труднѣе, чѣмъ подыматься. Приходилось дѣлать большіе обходы и зигзаги, чтобы не дѣлать излишнихъ рискованныхъ прыжковъ. Послѣ продолжительныхъ усилій мы достигли ущелья.

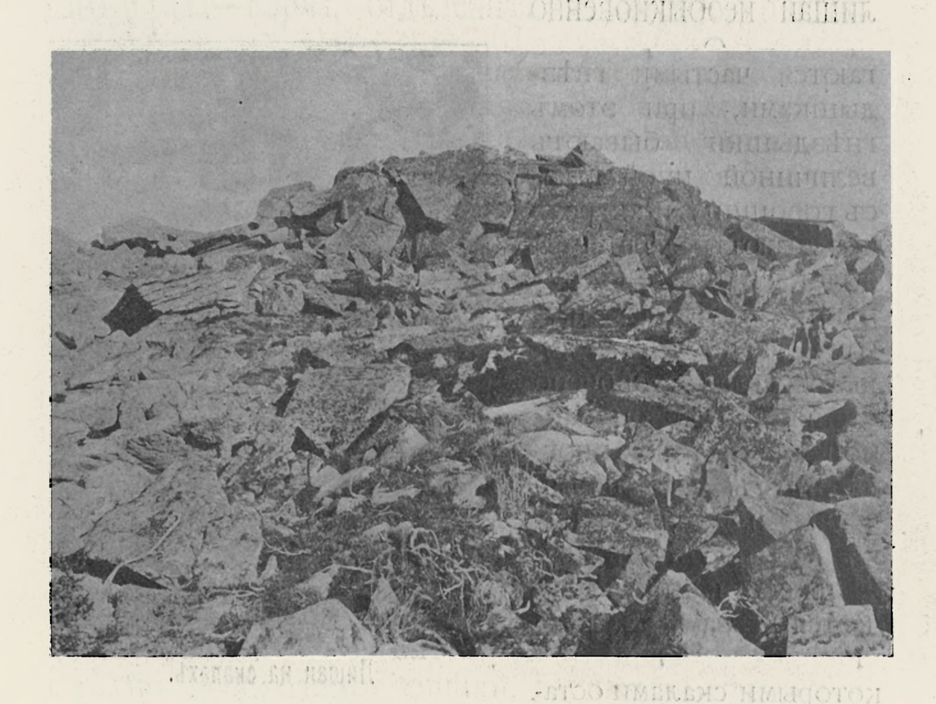
Какъ я уже сказалъ, вся Круглица состоитъ изъ бѣлаго кварцита, въ отличіе отъ другихъ сопокъ, ко-

торыя состоятъ изъ краснаго и темно-сѣраго гранита. Благодаря этой бѣлизнѣ Круглица не имѣетъ того угрюмаго, мрачнаго вида, какъ другія сопки; наоборотъ, она выглядитъ веселою и привѣтливою. Но издали она кажется свѣтло-зеленою. Это потому, что валуны сплошь покрыты ярко зелеными лишаями. Эти лишаи необыкновенно красивы. Они располагаются частыми гнѣздышками, при этомъ гнѣздышки бываютъ величиной иной разъ съ горошину, иной разъ достигаютъ величины яблока; и часто соединяются другъ съ другомъ. Такое гнѣздышко всегда оторочено узенькой, черной каймой, отъ которой иногда идутъ отдѣльныя, черныя или бурыя жилки, и плоскость отдѣльнаго камня получается замѣчательно красочной. Передъ нѣкоторыми скалами останавливаешься просто въ изумленіи: природа расписала на нихъ такіе удивительно красивые узоры и краски, до которыхъ человѣкъ, изобрѣвшій удивительнѣйшія матеріи и ткани, еще не додумался. Эти узоры, свободно разбросанные на бѣломъ или розоватомъ фонѣ камня, напоминаютъ какую-то нѣжную по краскамъ, драгоцѣннѣйшую парчу какого-то великолѣпнаго восточнаго владыки. Изъ осколковъ, валявшихся тамъ и сямъ, я составилъ себѣ цѣлую коллекцію этой фантастической парчи.

Лишаи на скалахъ.

Мы свернули въ тайгу и пошли къ той «орелкѣ», которую видѣли сверху. Довѣрившись тропинкѣ, мы шли среди густой заросли, которая скрыла отъ насъ всѣ горы. Прошелъ почти часъ такого пути, давно пора бы быть орелкѣ, а ея все нѣтъ. А тропинка между тѣмъ становилась все уже и незамѣтнѣе. Мѣстность

Верхушка Круглицы.

не только не повышалась, но, наоборотъ, понижалась. Ясно было: мы входили въ болото.

— Такъ ли мы идемъ. Не путаемъ ли?—спросилъ я Федора.

— И самъ хорошенько не знаю,—отвѣтилъ онъ.— Тропинка одна; другой не видалъ, а мѣсто какъ будто не то: болота тутъ не было. Давно здѣсь былъ, призапамятовалъ.

Если мы забрались въ глубь тайги, то надо было быть осторожнымъ: по ней можно было путаться нѣсколько дней, и выдти за десятки верстъ отъ нашего становища, а затѣмъ, здѣсь можно было встрѣтиться на каждомъ шагу съ сердитымъ Михаиломъ Ивановичемъ Таптыгинымъ. Настороживщись, медленно подвигались мы впередъ, и вдругъ остановились, какъ вкопанные. Въ сторонѣ раздался страшный шумъ, послышался чей-то быстрый бѣгъ чрезъ раздвигаемые кусты. Несомнѣнно тамъ было крупное животное.

— Лось!..—едва прошепталъ Федоръ, схватывая свою винтовку. Глаза его загорѣлись, весь онъ согнулся и, тихо крадучись, вошелъ въ кусты. Я вынулъ свой револьверъ и пошелъ за нимъ.

Я никогда не былъ охотникомъ. Когда-то въ дѣтствѣ я застрѣлилъ бѣлку. Она упала съ высокой сосны и начала корчиться Эти корчи и судороги, и видъ крови произвели на меня до того сильное впечатлѣніе, что я на всю жизнь возненавидѣлъ охоту, какъ удовольствіе. Но охотничій азартъ Федора сообщился и мнѣ. Вѣрнѣе, это былъ не азартъ, а жажда сильнаго ощущенія, желаніе ехватиться съ сильнымъ животнымъ, очутиться въ опасности и превозмочь ее. Вѣдь лось, когда разсердится, бываетъ очень опасенъ. И я началъ тоже подкрадываться. Мы шли слѣдомъ, ясно оставленнымъ дикимъ животнымъ, въ надеждѣ дойти до него и застать врасплохъ. И долго мы шли. Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ опять раздался трескъ и затѣмъ послышался бѣшенный бѣгъ чрезъ заросли. Это еще больше подзадорило насъ и мы пустились въ настоящую погоню. Сначала мы бросились изо всѣхъ ногъ догонять звѣря, а потомъ чуть не поползли, боясь, чтобы не хрустнула подъ ногой вѣтка. И долго продолжалось это преслѣдованіе. Въ погонѣ за возможной добычей мы позабыли все на свѣтѣ: и время, и мѣсто, и опасность. Только бы добыть лося. Вѣдь для охотника - крестьянина это цѣлое

богатство. Одного мяса сколько, а шкура и рога чего стоятъ!

Тайга вдругъ начала рѣдѣть; сквозь деревья впереди мы увидѣли камни. Открылась цѣлая полянка, заваленная кучей валуновъ, и вотъ, взглянувъ на противоположную сторону полянки, мы остановились въ нѣмомъ изумленіи. Мы увидѣли тамъ преслѣдуемаго звѣря. То была лошадь...

Сначала мы были глубоко разочарованы, въ особенности Федоръ; но затѣмъ нами овладѣлъ неудержимый смѣхъ. Мы смѣялись надъ собой какъ дѣти, и смѣхомъ казнили себя за свое охотничье увлеченіе. А лошадка, увидѣвъ людей, смирно стояла на мѣстѣ, хотя и насторoживъ уши.

— Должно быть отбилась отъ табуна и запуталась въ тайгѣ... Попадется медвѣдю въ лапы, и капутъ,—говорилъ Федоръ.—Надо ее вывести отсюда. Кось-кось-кось!..

Онъ пошелъ къ ней съ протянутой рукой; но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лошадка фыркнула, игриво повернулась и исчезла въ тайгѣ. Усилія догнать оказались напрасными.

— Ну, а гдѣ-же мы теперь находимся?

— А который-то часъ?

— Четыре.

— Божинька мой! Да что жъ это мы дѣлаемъ! Вѣдь къ ночи не дойти къ ключу. Айда скорѣе назадъ.

Но прежде, чѣмъ уйти, мы взобрались на высокую кучу валуновъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Поверхъ лѣса мы увидѣли ближе всего Откликной Гребень; правѣе выглядывала изъ моря лѣса та орелка, на которую мы и шли, и дальше всѣхъ была Круглица.

— Мы здорово запутались въ тайгѣ,—сказалъ Федоръ.—И все этотъ проклятый лось. Вотъ, еслибъ можно было выйти напрямикъ межъ Круглицей и Откликнымъ, это близко было бы. Да не пройти. Еще больше запутаешься. Пойдемъ по старому слѣду.

Мы пошли въ обратный путь, по слѣду, проложенному нами же и звѣремъ. Въ безумной погонѣ за нимъ мы провели добрыхъ часа три, и теперь желѣли даромъ потраченное время. Теперь пора бы и закусить было, но надо было бѣжать. Было уже шесть часовъ, когда мы добрались до Круглицы и поднялись на площадку; солнце уже приближалось къ верхушкѣ Откликного Гребня.

Федоръ вынулъ изъ пестеря остатки вчерашняго глухаря и хлѣбъ, и мы закусывали на ходу. Федоръ все время торопилъ. Онъ боялся, чтобы ночь не застала насъ въ тайгѣ: тогда легко сбиться съ тропинки. А каково ночью переходить розсыпи. Поэтому мы не шли, а бѣжали, въ особенности, гдѣ тропинка шла ровно подъ гору. Вѣдь намъ надо было пройти не менѣе двѣнадцати верстъ, а до заката солнца оставалось менѣе трехъ часовъ.

Когда солнце скрылось за вершиной Откликного Гребня, то сразу стало темнѣе. Я зналъ, что день еще длится, что тѣнь отъ горы затмила дневной свѣтъ, и что потемнѣетъ еще нескоро; но на склонѣ горы, въ тайгѣ было уже полутемно. И когда мы дошли до первой розсыпи, уже начало настоящимъ образомъ смеркаться. Вдали я увидѣлъ вершину Средняго Таганая: на ней уже не играли лучи заката, значитъ солнце зашло.

— Бѣда!—проговорилъ Федоръ.—Придется идти въ темнотѣ.

Когда мы пришли ко второй розсыпи, уже начинало темнѣть, а на третьей розсыпи было уже совершенно темно. Едва-едва перебрались мы черезъ валуны и съ трудомъ нашли на другомъ берегу начало тропинки. Чтобы найти ее, мы освѣщали берегъ спичками, а ихъ оставалось всего нѣсколько штукъ.

Но впереди была еще одна страшная, послѣдняя розсыпь.

— Какъ ты видишь тропинку-то? — спрашивалъ я Федора, который словно какимъ-то чутьемъ находилъ

дорогу и быстро, навѣрняка шелъ впередъ. Я шелъ сзади, и ровно ничего не видѣлъ.

— Я ничего не вижу, а чувствую ее подъ ногой,— отвѣтилъ онъ. — Гдѣ земля крѣпкая, притоптанная, тамъ тропа и есть.

Отъ времени до времени Федоръ меня предупреждалъ: «тутъ камень... тутъ ручей... вѣтка... бревно...»

На вершинѣ Круглицы.

Наконецъ, вотъ она—послѣдняя розсыпь! Федоръ сначала намѣтилъ направленіе, указавъ мнѣ на верхушку одной ели, и мы поползли. Ничего не было видно. Ощупью находили мы верхушки валуновъ, и ползли по нимъ какъ змѣи. Камни были холодны и влажны; на травѣ, пробивавшейся кое-гдѣ межъ валуновъ, и на верескѣ была роса. И долго ползли мы такъ; другой берегъ розсыпи былъ, казалось, недосягаемъ. Но

наконецъ-то мы переплыли эту каменную рѣку и достигли другого берега; теперь-то мы дома. Отъ этой розсыпи до ключа не болѣе трехъ верстъ.

Но гдѣ-же тропинка? У намѣченной ели ея не оказалось. Мы взяли правѣе, потомъ лѣвѣе, — тропинки нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Фу, ты пропасть!—ворчалъ Федоръ.—Куда же она дѣвалась? А ну-ка посвѣти!

Одну за другой я жегъ немногочисленные спички, и при свѣтѣ ихъ Федоръ метался какъ угорѣлый по краю розсыпи, стараясь найти начало тропинки. Онъ осмотрѣлъ и розсыпь, и деревья, и ничего не нашелъ.

— Тутъ она должна быть, не иначе,—утверждалъ онъ;—а вотъ, поди-знай, гдѣ она. Ночью все будто иное кажется, гм!..

Послѣдняя спичка безуспѣшно посвѣтила и погасла. Мы остались безъ огня. Тропинки нѣтъ. Что дѣлать? Неужто придется заночевать здѣсь, въ темнотѣ, безъ огня, въ глухой тайгѣ!..

— Подадимъ ему голосъ!—предложилъ я.

— Не услышитъ, глухой тетеревъ... отсюда далеко.

Мы крикнули нѣсколько разъ; эхо покатилось по розсыпи и затерялось гдѣ-то въ тайгѣ. Отвѣта не было. Тогда мы рѣшили стрѣлять, чтобы подать о себѣ вѣсть. Громко прокатился по камнямъ выстрѣлъ, и когда все умолкло, откуда-то издали донесся до насъ заглушенный, отвѣтный выстрѣлъ. Мы выстрѣлили еще, и снова получили отвѣтъ. Возница услышалъ насъ. Но догадается ли онъ о нашемъ горестномъ положеніи, придетъ ли на выручку? Увы, надеждъ было мало. Федоръ снова началъ рыскать въ кустахъ, и все время подавалъ мнѣ голосъ, а я, потерявъ надежду найти тропинку, усѣлся на камень. Только теперь я почувствовалъ, какъ страшно ноютъ ноги, какъ болитъ спина и все тѣло. Какъ хорошо бы теперь попить горячаго чайку, прилечь у костра, согрѣться и отдохнуть... Я совсѣмъ и забылъ о Федорѣ, въ мо-

емъ воображеніи рисовалась исполинская тайга, окутанная ночной пеленой, и спящіе великаны-горы, а среди этихъ мощныхъ великановъ—маленькое, крохотное существо—человѣкъ со своими ничтожными огорченіями и треволненіями...

— Нашелъ тропу!—вдругъ раздался голосъ Федора, неожиданно выросшаго предо мной.

— Ну!.. Гдѣ!..

— Да тутъ же. Вотъ же она! Я стою на ней... Едва нащупалъ ногой тамъ, въ кустахъ; по ней и пришелъ сюда.

Тропа начиналась тутъ-же, въ двухъ шагахъ отъ меня. А вѣдь сколько разъ мы проходили мимо нея! Она была скрыта вѣтками, впереди обросла густой травой,—поэтому и трудно было ее найти. Мы воспрянули духомъ и побѣжали. Теперь-то ужъ мы дома! И ужинъ горячій будетъ, и тепло, и отдыхъ. Вскорѣ мы услышали, уже значительно ближе, вопросительный выстрѣлъ возницы и отвѣтили ему, чтобы онъ понялъ, что идемъ. А потомъ пошла перекличка. Все ближе и ближе слышенъ отвѣтный голосъ; уже изъ болота доносится звукъ ботала и невдалекѣ лаетъ Волчокъ.

— Ванька-а-а!..

— Федо-о-оръ!..

— Лѣші-і-ій!.. Готовь ча-а-ай!

— Иди скорѣ-е!..

Вскорѣ мы увидѣли сквозь деревья огонекъ костра. Вдругъ подъ ноги что-то съ шумомъ шарахнулось. То былъ Волчокъ, встрѣтившій насъ радостнымъ визгомъ.

Ванька былъ радъ намъ не менѣе Волчка и засуетился не менѣе рѣзво. Одинъ онъ соскучился въ тайгѣ, и думалъ, что мы остались въ горахъ на вторую ночь; но ужинъ у него былъ уже готовъ.

— Что было-то съ нами!.. Что было-то!.. — говорилъ Федоръ, черпая ложкой супъ.—Что было-то, Ванюша, спроси ты! Вѣдь мы охотились на лося...

И при громкомъ смѣхѣ Ваньки онъ разсказалъ, какъ мы вмѣсто лося едва не убили лошади.

Послѣ дневной передряги и всѣхъ треволненій, послѣ лазанья и ползанья по горамъ, я уснулъ у костра, какъ убитый.

Ближняя къ Таганаю вершина — Александровская сопка. До нея можно черезъ полчаса доѣхать по же-

г. Златоустъ съ озера.

лѣзной дорогѣ, отъ которой она въ трехъ верстахъ, можно и другимъ, болѣе прямымъ путемъ, переѣхавъ златоустовское озеро, затѣмъ верстъ восемь по суху. Я предпочелъ послѣдній путь, какъ болѣе интересный. На восходѣ солнца мы сѣли съ Федоромъ въ лодку и поѣхали, пересѣкая озеро на перерѣзъ.

Озеро былое тихое. Съ середины его открылся видъ на весь городокъ. Справа Косотуръ, слѣва Урень-

га, а въ котловинѣ межъ ними бѣлѣются чистенькія постройки и соборъ. По берегу озера, у подножія горъ рядышками стоятъ дома, видны бѣлые ставни: справа—предмѣстье Ветлуга, внутри самый городъ, слѣва другое предмѣстье—Уреньга, населенная татарами. А по другому берегу озера, гдѣ-то высоко-высоко бѣжитъ поѣздъ, и кажется отсюда такимъ маленькимъ, словно игрушечный. Кое-гдѣ на озерѣ черными пятнышками виднѣлись рыбачьи лодки, а на перерѣзъ намъ тяжело ѣхали съ того берега двѣ лодки, нагруженныя хворостомъ; ею управляли татарченки.

Изъ озера мы вошли въ Ай, который здѣсь довольно широкъ. Берега его красиво поросли сосновымъ лѣсомъ. Но на ближайшемъ же поворотѣ Ай неожиданно кончился: черезъ рѣку перекинутъ узенькій, бревенчатый мостикъ, едва касающійся воды, съ перилами съ одной стороны и торчащими кольями съ другой, а за мостомъ вся рѣка была закрыта деревянными чурками и бревнами. На другой сторонѣ виднѣется нѣсколько построекъ,—то печи для выжиганія угля, и весь этотъ лѣсъ сплавленъ сюда для того, чтобы сжечь его въ этихъ печахъ. Выжигаемый здѣсь уголь идетъ для нуждъ златоустовскаго казеннаго завода.

Въ глухихъ мѣстахъ Урала уголь до сихъ поръ выжигается въ кучахъ; здѣсь же для этого вижиганія устроены новѣйшія, усовершенствованныя печи, имѣющія видъ домиковъ. Изъ этихъ домиковъ составился цѣлый маленькій городъ, съ главными улицами и переулками. Но городокъ былъ мертвъ: работы не производились, ни одного человѣка не вышло навстрѣчу, и только по главной улицѣ блуждала одинокая телка. На берегу стояли штабели вынутыхъ изъ рѣки чурокъ, а въ сторонѣ возвышался сарай для склада выжженаго угля.

Оставивъ мертвый городокъ, мы направились чрезъ широкіе покосы и рѣдкіе лѣса къ желѣзной дорогѣ,

и черезъ часа два пересѣкли ее. Отсюда начался замѣтный подъемъ. Горы изъ-за лѣса невидно; и только когда кончился лѣсъ и открылось широкое мѣсто, передъ глазами вынырнула, словно изъ земли, вся гора.

Александровская сопка, названная такъ по имени императора Александра II, когда-то посѣтившаго ее,— послѣдняя въ вѣерѣ горъ, разбросанныхъ въ этой ча-

Угольный городокъ. Печи для выжиганія угля.

сти южнаго Урала. Восточнѣе ея есть Ильменскія горы, но онѣ уже не такъ высоки. Александровская сопка имѣетъ въ высоту около 500 саж. надъ уровнемъ, и вытянулась съ востока на западъ, на протяженіи почти версты. Поставлена она на высокомъ и широкомъ подножіи, по склону котораго среди лѣсовъ проходитъ желѣзная дорога, сама же вершина не очень велика. Она лишь отвѣсна. Почти

до средины горы ведетъ тропинка межъ скалъ и валуновъ, а затѣмъ взбираться приходится по кручамъ. Подъемъ труденъ именно по крутизнѣ; но послѣ Откликного Гребня взбираться здѣсь было не такъ трудно. Вершина сопки состоитъ изъ отдѣльныхъ, въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ разбросанныхъ, угловатыхъ скалъ; кое-гдѣ видѣнъ сильно вывѣтренный, гранитный массивъ горы, а ниже—безконечные валуны, скатившіеся сверху. Какой высоты была эта гора нѣсколько тысячелѣтій назадъ, прежде чѣмъ свалились съ нея одинъ за другимъ эти валуны!

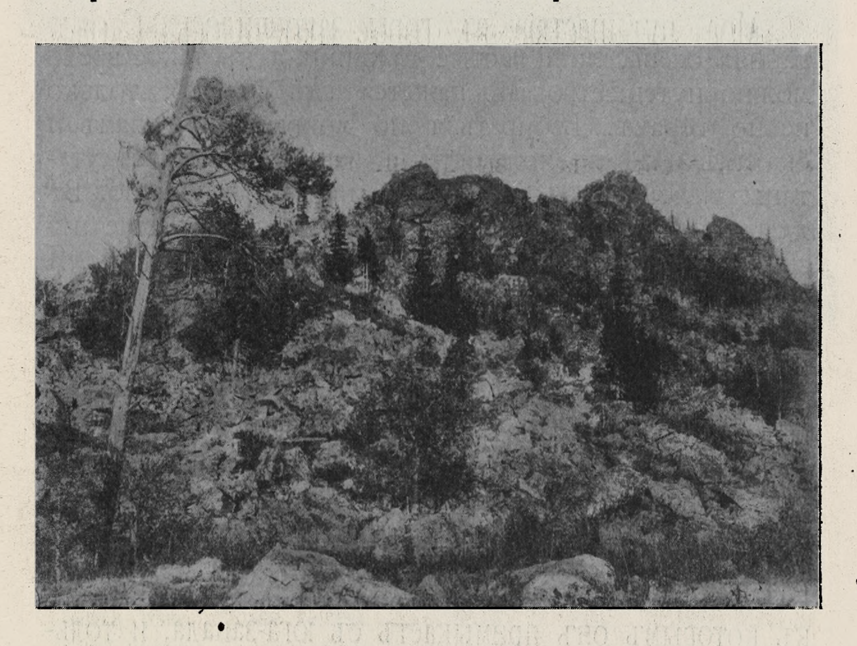
Въ расщелинахъ вывѣтренныхъ скалъ почти на самой вершинѣ кое-гдѣ выросли чахлыя ели и лѣпится кое-какая растительность. Александровская сопка не производитъ того впечатлѣнія торжественнаго величія стихіи, какое получается на Таганаѣ; здѣсь нѣтъ вида на сосѣднія и отдаленныя горныя вершины и цѣпи, окружающая природа не навѣетъ той дикой и властной поэзіи. Нѣтъ здѣсь и того разнообразія формъ и очертаній, и только дикій хаосъ, въ которомъ разбросаны на верхушкѣ ея скалы и выступы, говоритъ о какой-то невѣроятно-мощной силѣ природы, которая эти скалы разрушила, нагромоздила и разбросала, какъ легкія игрушки.

Съ одной лишь стороны сопки, именно съ восточной, открывается удивительно красивый, захватывающій видъ. Начинаясь отъ самаго подножія сопки, насколько хватаетъ глазъ видѣнъ безконечный лѣсъ. Сначала видны темныя пятнышки елей, пихтъ и лиственницъ на болѣе свѣтломъ фонѣ березъ и осинъ, уже начавшихъ желтѣть, потомъ все смѣшалось; чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше становится тайга и далеко гдѣ-то едва замѣтной фіолетовой полосой сливается съ горизонтомъ. Это сибирская тайга, тамъ уже Сибирь. Сторона эта называется Зауральемъ, а здѣсь, у Александровской сопки проходитъ линія географической границы между Европой и Азіей.

Черезъ эту тайгу лентой вьется прежній торговый трактъ въ Сибирь, теперь забытый и покинутый, а почти рядомъ виднѣется просѣка желѣзной дороги, стоятъ телеграфные столбы.

Съ трудомъ мы спустились съ горы.

Пересѣкая болотистыя низины и перелѣски, мы направились къ линіи желѣзной дороги и дошли до

Александровская сопка.

нея, когда уже на ней кое-гдѣ свѣтились фонари. Мы вышли прямо къ пограничному столбу. На южной сторонѣ полотна желѣзной дороги, на расчищенной площадкѣ стоитъ этотъ столбъ и показываетъ границу Азіи и Европы. На кубическомъ основаніи поставлена удлиненная, четырехгранная пирамида изъ уральскаго камня; на западной сторонѣ ея написано: Европа, на восточной: Азія. Достигнувъ этого мѣста, путешественники, ѣдущіе въ Сибирь и на Дальній

Востокъ, обыкновенно даютъ своимъ роднымъ такія телеграммы:

«Переваливъ Уралъ, шлемъ друзьямъ и знакомымъ свой привѣтъ».

Ночью мы сѣли въ поѣздъ и поѣхали дальше.

Мое путешествіе въ горы закончилось. Стояла ранняя осень, лили частые дождики, а въ такое время можно путешествовать, кажется гдѣ угодно, только не по горамъ. Взбираться по мокрымъ склонамъ и скаламъ нѣтъ возможности, а вершины горъ закутаны мглой, изъ-за которой ничего не видно. Въ дальнѣйшемъ пути я мимоходомъ посѣтилъ еще нѣсколько вершинъ, большей или меньшей величины. Я былъ на Уреньгѣ, этомъ длинномъ хребтѣ съ отдѣльными шиханами[1]) овальной формы, дающемъ начало рѣкамъ: Аю, Міясу, Уралу, Ую, и многимъ другимъ; былъ на Ильменскихъ высотахъ, богатыхъ золотыми розсыпями, былъ и на другихъ. Хотѣлось мнѣ побывать на другомъ исполинѣ Южного Урала, на Иремелѣ, но онъ стоялъ далеко въ сторонѣ отъ моего пути. Кромѣ того, я зналъ, что Иремель, съ котораго беретъ начало самая большая рѣка Южнаго Урала—Бѣлая, по формѣ очень похожъ на высоты Уреньги, къ которымъ онъ примыкаетъ съ юга-запада, и только отличается отъ нихъ исполинской величиной, и высотой, доходящей до 600 саж.; я туда не поѣхалъ.

Изъ посѣщеннаго мною вѣера горъ Южнаго Урала самою типичною для него вершиною, интересною въ научномъ отношеніи и самою красивою является мрачно-дикій, нелюдимый, торжественно-величественный Большой Таганай.

---

[1]) Шиханъ—вершина, сопка.

Выходъ изъ пещеры. Арка извнутри.

V.

Въ пещерахъ.

Деревенское утро и выѣздъ. Туманы надъ Симомъ. Симъ. Каменныя стѣны. Первая пещера. Сталактиты. Красоты подземнаго царства. Работа капель. Въ каменной норѣ. Подземное озерко. Заблудившійся козелъ. Высохшая рѣка. Вторая пещера. Благочестивый старецъ Игнатій. Мученическая кончина. Въ узкой щели. Въ подземномъ дворцѣ. Скелетъ. Обратное бѣгство. Выходъ изъ пещеры ночью. Заблудившіеся въ пещерѣ. Ночлегъ. Въ туманѣ. Исчезновеніе Сима въ землю. Кустарники. Дальняя пещера. Выходъ Сима изъ-подъ земли. Возвращеніе.

Сквозь щели сѣнного сарая, который служилъ мнѣ великолѣпною спальней, уже проникали узкіе солнечные лучи, когда лѣсной объѣздчикъ Спирько, мой проводникъ, разбудилъ меня самымъ безжалостнымъ образомъ.

— Вставайте, вставайте... пора ѣхать!—неумолимо повторялъ онъ и не отходилъ отъ моей душистой постели.

Я вышелъ.

Деревенька еще спала. Кое-гдѣ уже блеяли овцы, гдѣ-то отчаянно ревѣла корова, привѣтствуя ли утро, или прощаясь съ теплымъ хлѣвомъ; кричали пѣтухи. Начинался обыкновенный деревенскій день. Вскорѣ покажутся люди, загрохочутъ телѣги, и пустынныя улицы наполнятся заглушеннымъ деревенскимъ гамомъ. Уже кое-гдѣ показались бабы съ коромыслами на плечахъ, идущія къ рѣкѣ за водой; изъ подворотни одного изъ дворовъ вышла цѣлая стая говорливыхъ гусей, и съ неумолчнымъ говоромъ, высоко поднявъ головы, степенно направились къ рѣкѣ... Всюду пробуждалась жизнь.

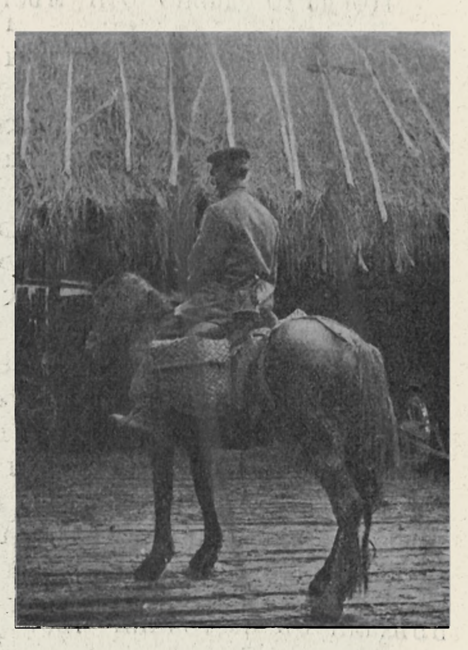
Въ избѣ у Спирька уже стоялъ самоваръ. У печки хлопотала круглолицая, полная хозяйка, жена Спирьки; она пекла пшеничныя лепешки и то и дѣло подавала ихъ горячими на столъ. Тутъ же на столѣ, кромѣ чая, масла, яицъ и лепешекъ, было лучшее угощеніе уральца—медъ.

Въ этотъ день мы должны были ѣхать къ далекимъ верховьямъ рѣки Сима, гдѣ находится цѣлый рядъ глубокихъ, почти неизслѣдованныхъ пещеръ. Объ этихъ пещерахъ я слышалъ много разъ отъ проводниковъ и окрестныхъ жителей, разсказывавшихъ о нихъ какъ о чемъ-то чрезвычайно интересномъ, и рѣшилъ поѣхать. И вотъ, объѣздчикъ Спирько, у котораго я остановился, не разъ бывавшій по обязанностямъ своей службы вблизи этихъ пещеръ и внутри ихъ, согласился проводить меня, и принялъ на себя всѣ хлопоты.

Двѣ верховыхъ лошадки уже были осѣдланы и ждали насъ, привязанныя у большого, осиноваго корыта, въ которое былъ подсыпанъ для нихъ вкусный овесъ. На одну изъ лошадокъ Спирько нагрузилъ кладь, которая состояла изъ двухъ тяжелыхъ, берестяныхъ ранцевъ—пестерей; въ одномъ ранцѣ находились мои фотографическія пластинки, въ другомъ

обильная провизія; ранцы были соединены крѣпкимъ ремнемъ, и, повиснувъ по обѣимъ сторонамъ сѣдла каждый, придали добродушной лошадкѣ уморительно-тучную пузатость. Мы взобрались на своихъ россинантовъ и, провожаемые за ворота хозяйкой, выѣхали въ степь.

День былъ рѣдко хорошій. Солнце начинало печь, но въ степи не было душно. Съ напускной, крикливой храбростью налетѣли на насъ тучи слѣпней, и начали надоѣдать своимъ назойливымъ круженіемъ и гудѣніемъ. Вслѣдъ за ними понеслись въ веселой пляскѣ и комарики. Удовольствіе было полное.

Проводникъ.

Мы миновали широчайшую поскотину, находившуюся за овинами; широчайшія ворота, какія и нужны въ степи, гдѣ дорога не одна, а рядомъ нѣсколько, въ видѣ многочисленныхъ колей, вращались на среднемъ столбѣ и открывали проѣздъ справа и слѣва; эти ворота открылъ намъ колченогій старикъ, жившій тутъ же у поскотины, въ балаганѣ, сложенномъ изъ дерна. За поскотиной пошли поля высокой конопли и проса; дальше виднѣлись яровыя. За полями вдалекѣ ясно обозначилась долина, по которой протекаетъ Симъ: надъ ней на протяженіи десятковъ верстъ клубились густые туманы. Изъ-за тумановъ поднимались верхушки горъ того берега, извѣстныхъ подъ

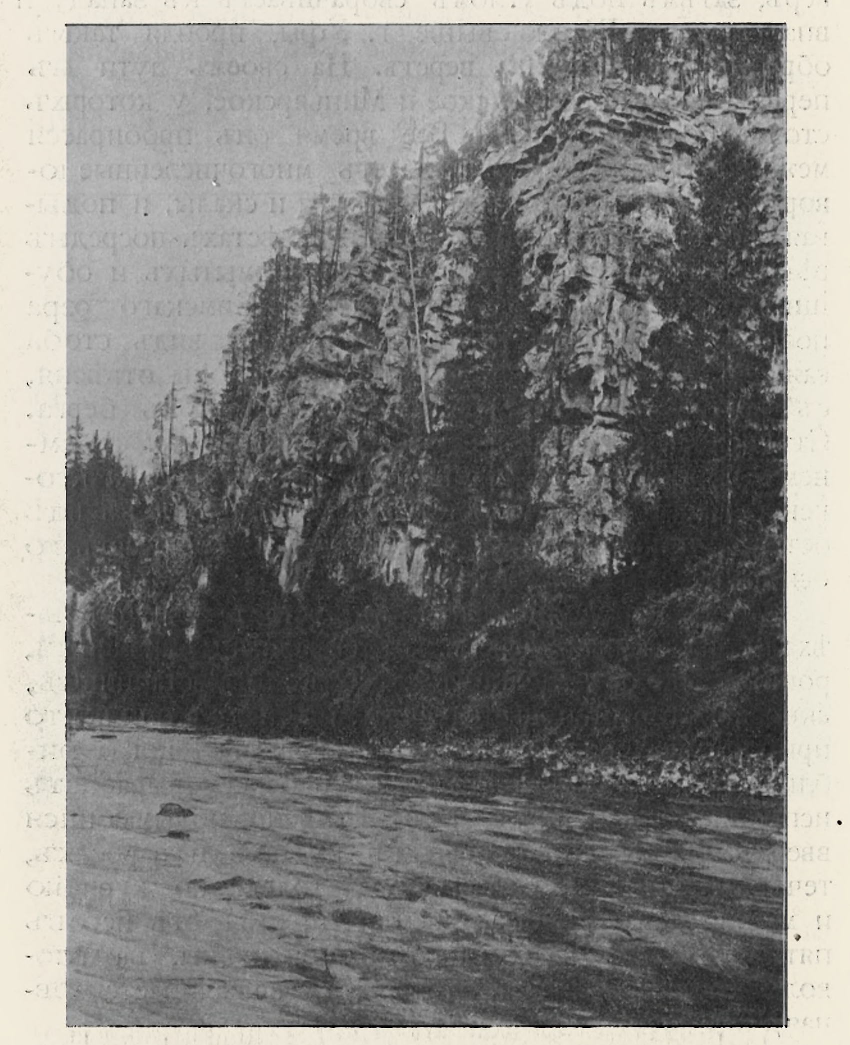
названіемъ Серпѣевскихъ. Изъ гряды этихъ горъ, значительно южнѣе и беретъ начало Симъ. Туманы лизали подножія горъ и, достигнувъ середины ихъ, испарялись. Впереди далеко виднѣлись лѣса,—туда мы и ѣхали.

Когда-то давно эти мѣста принадлежали башкирамъ. Вольный сынъ степей — башкиръ устраивалъ здѣсь свои кочевья. Но разными правдами и неправдами земли эти перешли въ собственность богатыхъ и алчныхъ русскихъ заводчиковъ и предпринимателей, которые закрѣпостили на нихъ русское населеніе, пришедшее изъ внутреннихъ губерній Россіи. Теперь этотъ богатый, но плохо обработанный черноземъ принадлежитъ крестьянамъ и окруженъ тѣснымъ кольцомъ заводскихъ лѣсовъ. Вскорѣ начались заводскія земли, лѣсъ былъ недалекъ.

Дорога съузилась и постепенно превратилась въ тропинку, недоступную для телѣжнаго хода. Кой гдѣ показались камешки и валуны. Рядомъ ѣхать стало невозможно: Спирько поѣхалъ впереди. Съ трубкой въ зубахъ, съ жестянымъ чайникомъ за поясомъ, онъ такъ емко, плотно сидѣлъ на своей пузатенькой лошадкѣ, словно она была для него самымъ обыкновеннымъ стуломъ. Миновавъ частые перелѣски, мы вскорѣ въѣхали въ настоящій лѣсъ и, проѣхавъ волнообразную мѣстность, начали спускаться къ рѣкѣ.

— Эту рѣку намъ придется бродить четыре раза,— сказалъ Спирько;—она тутъ дѣлаетъ изгибы и повороты, а мы этакъ напрямикъ: перерѣжемъ ее нѣсколько разъ и выѣдемъ какъ разъ къ пещерамъ.

Видъ самого Сима разочаровалъ меня. Судя по громадной ложбинѣ его, надъ которой носились туманы, можно было предполагать большую рѣку; передо мною же открылась небольшая рѣчушка. Но это было верховье Сима, и по величинѣ ложбины, по которой онъ проложилъ себѣ прочную дорогу, извиваясь у подножія скалъ, видно было, что онъ ра-

Рѣка Симъ.

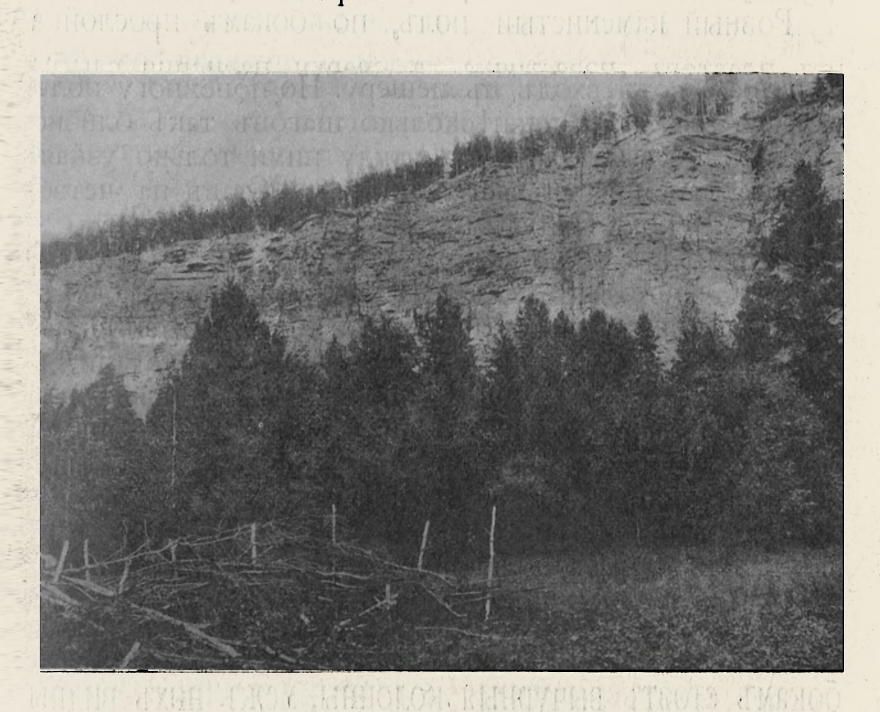
зольется въ большую рѣку. Симъ беретъ начало въ Серпѣевскихъ высотахъ, течетъ сначала съ юга на сѣверъ, затѣмъ подъ угломъ сворачиваетъ къ западу и впадаетъ въ Бѣлую выше г. Уфы, пройдя такимъ образомъ свыше 200 верстъ. На своемъ пути онъ перерѣзаетъ озеро Симское и Миньярское, у которыхъ стоятъ большіе заводы. Все время онъ пробирается межъ скалистыхъ горъ, дѣлаетъ многочисленные повороты, обходя встрѣчные выступы и скалы, и подмывая ихъ основаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посрединѣ рѣки встрѣчаются остатки этихъ подмытыхъ и обрушившихся въ рѣку скалъ. Вблизи Симскаго озера посреди рѣки стоитъ скала, имѣющая видъ столба саженей 4—5 высотой, съ одной стороны отвѣсная, съ другой немного горбатая; это остатокъ берега. Стѣсненная берегами вода вступила въ битву съ камнемъ и промыла себѣ въ немъ новый путь; а кусочекъ берега такъ и остался посреди рѣки, въ видѣ остраго пика, и побѣдоносная вода обмываетъ его основаніе со всѣхъ сторонъ.

Мы перебродили рѣку въ мелкомъ мѣстѣ и выѣхали на лѣвый берегъ. Этотъ берегъ низменный, ровный, поросъ мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, сквозь который и вьется едва замѣтная тропинка, то приближаясь къ берегу, то удаляясь. И когда приближаешься къ рѣкѣ, то на томъ берегу вырастаютъ исполинскія каменныя стѣны, отвѣсно подымающіяся вверхъ. Внизу, спрятанный въ кустахъ и заросляхъ, течетъ говорливый Симъ: иногда только по журчанію и можно узнать о его присутствіи, стоя отъ него въ пяти шагахъ; на верху же каменной стѣны, на головоломной высотѣ растетъ лѣсъ; тамъ начинается ровная, возвышенная степь.

Замѣчательно красива окраска этихъ стѣнъ. Надъ зеленой, зубчатой каймой береговыхъ кустовъ и деревьевъ подымается ярко голубая, почти лазоревая стѣна; зелень такъ ярко и сочно выдѣляется на этой

необыкновенной лазури!.. А сверху эта лазурь обархочена черной полоской елей и пихтъ, иногда почти нависшихь надъ пропастью. Веселыя лазоревыя стѣны смѣняются иной разъ сѣрымъ известнякомъ, и тогда принимаютъ угрюмый, враждебный видъ.

Въ этихъ отвѣсныхъ стѣнахъ и находятся знаменитыя симскія пещеры.

Отвѣсныя стѣны надъ Симомъ.

— Вотъ, мы и пріѣхали! — сказалъ Спирько, указывая на каменную стѣну противоположнаго берега.

Никакой пещеры не было видно; и только, когда мы вновь перешли рѣку, то изъ-за кустовъ я увидѣлъ чернѣющую въ скалѣ дыру, почти квадратной формы, уходящую вглубь горы. Здѣсь страшно дикое мѣсто и пещера зловѣще смотритъ своей раскрытой

пастью, готовая проглотить, кажется, всякаго, кто въ нее войдетъ.

Стреноживъ лошадей, Спирько съ топоромъ отправился въ кусты. Онъ вернулся съ охапкой смолистыхъ кореньевъ можжевельника, которымъ мы должны были освѣщать путь. Мы взяли каждый по зажженному факелу и вошли въ открытую пасть горы.

Ровный каменистый полъ, по бокамъ прослойка изъ пластовъ известняка, а сверху нависшія глыбы потолка,—вотъ входъ въ пещеру. Но понемногу полъ возвышается и чрезъ нѣсколько шаговъ такъ близко подходитъ къ потолку, что между ними только узкая, полукруглая щель,—настоящій зѣвъ. Ставъ на четверенки, мы поползли въ эту щель.

Изъ нѣдръ горы пахнуло ѣдкимъ, сырымъ воздухомъ; камень былъ холоденъ и непріятно влаженъ. Сначала еще видны были остатки дневного свѣта, но вскорѣ исчезли; освѣщая путь своими факелами, и глотая ихъ дымъ, мы медленно ползли впередъ. Полъ началъ постепенно понижаться, затѣмъ пошелъ совсѣмъ наклонно, я почувствовалъ, что можно выпрямиться и стать во весь ростъ.

Мы были внутри горы.

Освѣщаемая колеблющимся огнемъ смолистыхъ факеловъ, передо мной открылась величайшая, высокая галлерея. Трудно себѣ представить что-нибудь фантастичнѣе и причудливѣе внутренности пещеры. По бокамъ стоятъ вычурныя колонны, межъ нихъ видны отверстія и арки, ведущія въ другія, боковыя пещеры; на колоннахъ покоится потолокъ, съ котораго нависли цѣлыя скалы, готовыя, кажется, ежеминутно обрушиться всей своей каменной тяжестью и раздавить; посреди потолка зіяетъ еще пасть,—входъ въ новую верхнюю галлерею, такую же причудливую, съ такими же поворотными влѣво и вправо арками. Тамъ второй этажъ. Загорѣлись, заиграли на выступахъ и карнизахъ красные блики огня, освѣтилось

подземное царство, погруженное въ вѣчную тьму, ожили колонны и скалы. Дерзкій огонь освѣтилъ скрытыя, таинственныя украшенія подземнаго царства, пещера, дѣйствительно казалась обставлена какой-то диковинной мебелью. Тамъ и сямъ съ полу возвышаются воронкообразные сопки, надъ ними съ потолка свѣшиваются такія же воронки, съ которыхъ отъ времени до времени падаютъ крупныя, тяжелыя капли воды, громко ударяясь о верхушку нижнихъ воронокъ. Въ одномъ мѣстѣ сопки эти стоятъ отдѣльно, въ другомъ нѣсколько ихъ срослось вмѣстѣ и покрылось бѣлымъ, известковымъ налетомъ, а дальше—верхняя и нижняя воронка уже почти соединились своими острыми верхушками. Какой выдумщикъ-архитекторъ создалъ это необычайное, противорѣчащее человѣческому разуму, зданіе! Этотъ чудесный архитекторъ—сама природа.

Природа—великій строитель. Главный и вѣчный помощникъ ея—вода—эта подвижная стихія,—постоянно и неизмѣнно мѣняетъ видъ земли. Подтачивая изо-дня въ день скалы, она подмываетъ и обрушиваетъ ихъ; замерзая, она разрушаетъ ихъ на мелкія части; въ одномъ мѣстѣ она разрушаетъ, въ другомъ—созидаетъ. Просачиваясь въ землю, она и тамъ продолжаетъ свою неутомимую работу. Она пробиваетъ себѣ дорогу среди подземныхъ слоевъ, растворяетъ въ себѣ нѣкоторые изъ минералловъ и металловъ, встрѣчающихся на пути, вымываетъ ихъ, и такимъ путемъ образуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подземныя пещеры. Эти пещеры—чудесное явленіе природы. Онѣ встрѣчаются въ разныхъ горныхъ породахъ: въ известнякѣ, въ гранитѣ, базальтѣ, и даже въ застывшей лавѣ, выброшенной огнедышащими горами. Есть пещеры даже въ ледникахъ, а на сѣверномъ Уралѣ, на берегахъ р. Вишеры, и главнымъ образомъ Ковды есть величайшія пещеры, стѣнки которыхъ покрыты вѣчнымъ льдомъ, а съ потолковъ спускаются хрустальныя сосульки.

Величиной и красотой особенно отличаются пещеры въ известковыхъ горахъ. Здѣсь вода, просачиваясь сквозь трещины въ толщѣ, растворяетъ известь, стекаетъ дальше до потолка пещеры, и собирается на немъ въ видѣ висящихъ капелекъ. Часть воды испаряется и оставляетъ твердую известь на потолкѣ пещеры, другая же часть каплетъ на дно; здѣсь известь осаждается, а вода или сплываетъ, или испаряется.

Работа каждой капли ничтожна; въ теченіе тысячелѣтій вода просачивается по тѣмъ же трещинамъ. Милліоны капелекъ образуютъ огромные, величественные наросты, столбики разнообразной и красивой формы. Эти каменные наросты въ пещерахъ называются сталактитами, если они спускаются сверху, и сталагмитами, когда подымаются со дна пещеры. Иногда сталактиты и сталагмиты соединяются и образуютъ странные столбы-колонны, поддерживающіе своды грота-пещеры. Въ пещерѣ все время слышится правильный, постоянный шумъ, это падаютъ капельки на камни, здѣсь идетъ безконечная работа: каждая капелька приноситъ новыя частицы матеріяла, изъ котораго созидаются самые причудливые известковые наросты. Въ каждомъ отдѣльномъ гротѣ сталактиты имѣютъ самую разнообразную форму: даже въ одной и той же пещерѣ нельзя найти совершенно одинаковыхъ формъ. Таково разнообразіе природы. Здѣсь спускаются занавѣси изъ известковыхъ сосулекъ, тамъ колокола или цѣлые купола, дальше свѣшиваются люстры, стоятъ столбы, паникадила, и самыя разнообразныя фигуры, похожія на шишки, груши, полушарія, качаны капусты... Всѣ эти фантастическія украшенія пещеры образуются отъ одной и той же причины: вслѣдствіе просачиванія капель, испаренія воды, и выдѣленія извести; но различное строеніе потолка и дна придаетъ имъ такое разнообразіе.

Сталактиты и сталагмиты образуются со страшной медленностью. Если на поверхности сталагмита

выцарапать надпись, то она слегка закроется едва черезъ сто лѣтъ. На стѣнахъ Адельбергскаго грота (въ Австріи) подъ слоями сталактита еще теперь можно читать надписи, которыя были сдѣланы въ XIII и XIV вѣкахъ. А такъ какъ огромные сталактиты напоминаютъ иной разъ тысячелѣтніе дубы, имѣющіе по нѣскольку саженей въ діаметрѣ, то можно судить, насколько они стары. Непрерывная, неутомимая работа капелекъ создавала ихъ тысячелѣтіями, и по этимъ сталактитамъ можно опредѣлить, насколько стара наша планета...

Изъ русскихъ пещеръ самыя извѣстныя, и наиболѣе обслѣдованныя находятся на Чатыръ-Дагѣ, въ Крыму. На Уралѣ ихъ очень много, но къ сожалѣнію онѣ, какъ и весь Уралъ, до сихъ поръ мало изслѣдованы.

Факелы наши догорѣли, пришлось замѣнить ихъ новыми. Спирько указалъ мнѣ на чернѣвшую въ глубинѣ дыру, и сказалъ:

— Идемъ дальше.

Мы вошли въ низкое отверстіе. Но оно тотчасъ же начало съуживаться и вскорѣ превратилось въ узкую, не болѣе аршина въ діаметрѣ, трубу. Здѣсь можно было только ползти. Спирько вытянулся во всю длину и поползъ, изгибаясь тѣломъ, насколько позволяла труба. Я ползъ за нимъ. Мы очутились въ узкой, подземной трубѣ, соединяющей двѣ разныхъ галлереи, проложенной очевидно водой, и ползли какъ ужи. Справа, слѣва, сверху, снизу—всюду камень, непреклонный, неумолимый, котораго не раздвинешь, не отстранишь. Камень этотъ жметъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плечи едва проходятъ. Непріятное чувство испытываешь въ этой норѣ, гдѣ камень старается не пропустить, сжать, сдавить, и заставляетъ пресмыкаться. Здѣсь живая могила. По этой каменной норѣ пришлось ползти саженей десять; дымъ отъ факеловъ давилъ горло, впереди ничего не было видно, а отъ непривычнаго ползанья въ узкой трубѣ ныло все тѣло: стѣны не давали разогнуть его. Вдругъ Спирько приподнялся

и затѣмъ сталъ на ноги; труба кончилась сразу, мы были въ новой галлереѣ. Можно было разогнуться и свободно вздохнуть. Но это была не галлерея, а скорѣе мрачный небольшой склепъ, съ низкимъ, нависшимъ потолкомъ, съ котораго то и дѣло спускались крупные сталактиты. Очевидно эта пещера уже запол-

Ближняя пещера.

нялась отложеніями извести, всюду видны были уродливые наросты. Въ глубинѣ ея, въ правомъ углу мы нашли цѣлое озерко; оно было на высотѣ двухъ аршинъ отъ земли и окружено было толстой каменной стѣнкой, почти правильной формы, напоминающей невысокую изгибистую вазу. Барьеръ этотъ, окружающій воду, созданный тою же водой, былъ удивительно красивъ. Надъ озеркомъ низко нависъ потолокъ, на

которомъ тамъ и сямъ свѣтятся при огнѣ висящія капли: озерко это получаетъ воду съ верха земли, и все время поднимается выше и выше. Когда нибудь оно достигнетъ потолка, барьеръ срастется съ нимъ, а вода найдетъ себѣ выходъ, просачиваясь сквозь камень. Озерко неглубоко, вода чистая, прозрачная и холодная, но какая-то непріятно-ѣдкая.

Мы обошли всю палату, но другого хода изъ нея не нашли. Это былъ тупикъ внутри горы. Можетъ быть здѣсь и были когда-нибудь ходы, но заросли известковыми отложеніями. Мы поползли обратно по каменной трубѣ. Достигнувъ первой галлереи, мы попробовали войти въ одну изъ арокъ боковыхъ пещеръ. Проходы въ пещеры почти всегда затруднены: они имѣютъ всегда видъ щели или норы, снаружи широкой, даже пріукрашенной карнизами, а дальше съуживающейся, — или же почти заросли известью. Въ одной изъ такихъ боковушъ, уходящихъ, казалось, безъ конца въ глубь земли, я увидѣлъ тѣ же сталактиты и цѣлый лѣсъ колоннъ. Въ этихъ колоннахъ легко было запутаться, потерять дорогу, и мы шли очень осторожно; а когда я вздумалъ свернуть чрезъ одну изъ открывшихся арокъ въ какую-то новую галлерею, гостепріимно приглашавшую посѣтить ее, Спирько меня остановилъ.

— Туда не пойдемъ...—сказалъ онъ.—Тамъ ходы развѣтвляются и легко можно запутаться, а у насъ послѣднія дрова.

Дѣйствительно, безъ огня отсюда не вышелъ-бы. Пещера могла-бы превратиться въ живую могилу. Тамъ и сямъ на днѣ пещеръ валяются кости и черепа животныхъ, и производятъ непріятное впечатлѣніе. Животныя эти погибли здѣсь по своей винѣ: они зашли въ пещеру, спасаясь отъ непогоды, или желая устроить себѣ здѣсь логово, гнѣздо, но запутались въ ходахъ и навсегда остались въ темныхъ, безконечныхъ лабиринтахъ подземелья; онѣ умерли здѣсь отъ голода.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ были мы здѣсь,—разсказывалъ Спирько, пока я въ послѣдній разъ осматривалъ фантастическую архитектуру природы;—обошли мы вотъ эти самыя палаты, а потомъ и идемъ къ выходу. Подошли къ одной изъ переднихъ боковушъ, думаемъ: дай заглянемъ, что тамъ дѣется. Только мы входимъ туда, а тамъ какъ шарахнется кто-то!.. какъ замѣчется!.. Мы всѣ такъ и шарахнулись назадъ!.. Бѣжкомъ побѣжали. Извѣстно, подъ землей чего-чего не подумаешь. А потомъ остановились, переглянулись, и начали смѣяться надъ своимъ страхомъ. Чего, говоримъ, бояться? Ничего тутъ страшнаго нѣтъ и не можетъ быть; самое большое—медвѣдь тамъ забрался и не можетъ выйти. А на чтоже у насъ револьверы, да ружья? И огонь тоже!.. И этакъ-то мы расхрабрились, что снова вошли въ пещеру, и давай ее осматривать. Вотъ и увидѣли мы: смотритъ изъ-за столба на насъ кто-то съ рогами, а глаза такъ и горятъ. Опять было мы струсили и чуть не пустились на утекъ; да нѣтъ же: осмѣлились. Иные даже перекрестились. Идемъ снова впередъ. Смотримъ, инъ это козелъ. Ну, конечно, успокоились, но стрѣлять не стали. Въ пещерѣ стрѣлять не годится; вдругъ оборвется, думаешь, да ахнетъ на тебя съ потолка висюлька пудовъ этакъ съ тысячу. А потомъ, и жалко бѣднягу стало: намучился онъ подъ землей, изголодался, однѣ кожа да кости. И какъ только онъ попалъ сюда. Вотъ, давай мы гонять его: рѣшили выгнать на свѣтъ. Освѣтили проходъ изъ-за угла, чтобы онъ не боялся огня, а сами зашли сзади и погнали. Поддался, выбѣжалъ на свѣтъ въ первую пещеру; а тамъ опять испугался огня и спрятался. Снова мы освѣтили сбоку скалы ходъ, на этотъ разъ наружу, да такъ все-таки, чтобы козелъ увидѣлъ не огонь, а свѣтъ отъ него; опять зашли сзади, сбоковъ и легонько погнали. Увидѣлъ онъ впереди свѣтъ, бросился туда, а тамъ его и слѣдъ простылъ; потому: дневной свѣтъ уже видѣнъ. Бросились

мы въ догонку, выползли на свѣтъ, смотримъ туда сюда, гдѣ козелъ? А онъ уже далеко на томъ берегу, едва видѣнъ, веселый такой, бѣжитъ полегоньку, брыкается отъ удовольствія, да на ходу травку пощипываетъ. Вотъ, какая чудесная исторія съ козломъ вышла.

Вскорѣ мы вышли въ первую пещеру и поползли на четвере填ькахъ къ выходу. Какое-то необыкновенное удовольствіе жизни охватило меня, когда я вышелъ изъ мрачныхъ нѣдръ горы, и увидѣлъ солнечный свѣтъ, и голубое небо, и зелень деревьевъ. Каждый кустикъ, каждый цвѣтокъ былъ, казалось, дороже и милѣе послѣ двухчасовой разлуки съ дневнымъ свѣтомъ. Я снова былъ въ своей родной стихіи.

На разстояніи десяти верстъ отсюда, на этомъ же берегу находится другая, большая пещера, о которой Спирько говорилъ, что ей и конца-краю нѣтъ, потому что идетъ она, молъ, подъ землей на десятки верстъ, и никто не доходилъ до ея конца. Мы сѣли на лошадей и поѣхали дальше, рѣшивъ пообѣдать, когда достигнемъ той пещеры. Снова перебродили рѣку и поѣхали низкимъ лѣвымъ берегомъ, минуя безконечные кусты и перелѣски. Въ одномъ мѣстѣ дорогу намъ вдругъ перегородила широчайшая полоса мелкаго булыжника, которая выходила гдѣ-то далеко изъ лѣсу и кончалась поворотомъ въ кустахъ. Это было высохшее русло какой-то большой рѣки.

— Давно-ль она высохла?—спросилъ я Спирька.

— Надо быть давно... не на нашей памяти. Даже старики не помнятъ тутъ никакой рѣки,—отвѣтилъ Спирько.

Я слѣзъ съ лошади, и наскоро осмотрѣлъ это высохшее дно, но ничего, кромѣ нѣсколькихъ ракушекъ не нашелъ. Несомнѣнно, рѣка высохла очень давно, не попавъ на самую старую изъ географическихъ картъ. Прослѣдить, откуда, она шла не было времени: ясно было, что это былъ или притокъ Сима, болѣе

широкій чѣмъ онъ самъ, или же можетъ быть прежнее верховье его.

— А сейчасъ мы увидимъ чудо, такъ чудо!—сказалъ Спирько.—Сейчасъ Симу конецъ.

— Какъ конецъ!—удивился я, зная, что Симъ далеко, за двѣсти верстъ впадаетъ въ Бѣлую.

— Конецъ ему, и баста. Въ землю вольется.

Заросшее русло Сима.

— Да какъ же онъ вольется, когда онъ далеко течетъ... Симскій заводъ стоитъ на немъ, своими глазами видѣлъ.

— Вѣрно, что стоитъ... а все-таки онъ вольется. А черезъ пять верстъ опять изъ земли выйдетъ... А сначала увидимъ большія пещеры.

Это дѣйствительно было чудесно. Про существованіе въ Россіи рѣкъ, вливающихся въ землю, я не

слышалъ. Въ Лифляндіи, правда, есть нѣчто подобное Меня разбирало нетерпѣніе—скорѣе увидѣть это чудо, но прежде надо было посѣтить большія пещеры, и мы направились къ нимъ.

Было уже далеко за полдень, когда мы доѣхали до этихъ пещеръ. Мѣсто это необыкновенно дикое. Симъ заросъ высокой, широколистной травой, вродѣ капусты, изъ подъ которой и не видно воды; этотъ густой, зеленый коверъ стелется межъ каменной, голубоватой стѣной съ одной стороны и густой порослью кустовъ съ другой. У самаго берега, какъ только перебродишь рѣку, стоитъ уральскій крестъ: простой столбъ, надъ нимъ крыша изъ двухъ, наклонно прибитыхъ дощечекъ, подъ самой крышей—мѣдный образокъ, прибитый къ выцвѣтшей, когда-то должно быть красной, тряпицѣ, а посрединѣ столба вырѣзанная ножемъ надпись: «Ак Во» и ниже дата: 2, V, 1904. Кто это нашелъ себѣ здѣсь, въ этой глуши успокоеніе? Поднявшаяся по склону горы тропинка, сейчасъ же привела къ великолѣпнѣйшей, громадной аркѣ, которая служила входомъ въ пещеру.

Передъ самымъ входомъ въ пещеру находится покатая площадка; ниже ея—страшно дикая, перепутанная поросль изъ всякихъ кустовъ и цвѣтовъ: ольха, калина, рябина, малина, дикій шиповникъ чередуются съ высокими колокольчиками, мѣдуницей, дикимъ цикоріемъ, и все это переплетено густою сѣтью хмѣля. Здѣсь нѣтъ возможности пройти. Внизу свѣтло-зеленая лента заросшей рѣки, на томъ берегу рѣдкій съ большими полянами лѣсъ... а здѣсь, выше надъ площадкой величественно поднимаются лѣпныя колонны-гиганты, поддерживающіе нависшую арку. Это настоящая индійская пагода, громадная, тяжеловѣсная, съ самыми разнообразными, никогда не повторяющимися формами; это входъ въ какой-то необыкновенно величественный храмъ. Ширина арки около десяти саженей, столько же въ высоту. Къ сожалѣнію, ника-

кимъ образомъ не удалось фотографировать эту удивительную архитектуру природы снаружи, такъ какъ заросли и крутой берегъ, недали возможности стать съ аппаратомъ, изъ-за рѣки снимать было далеко и прибрежные кусты закрывали видъ.

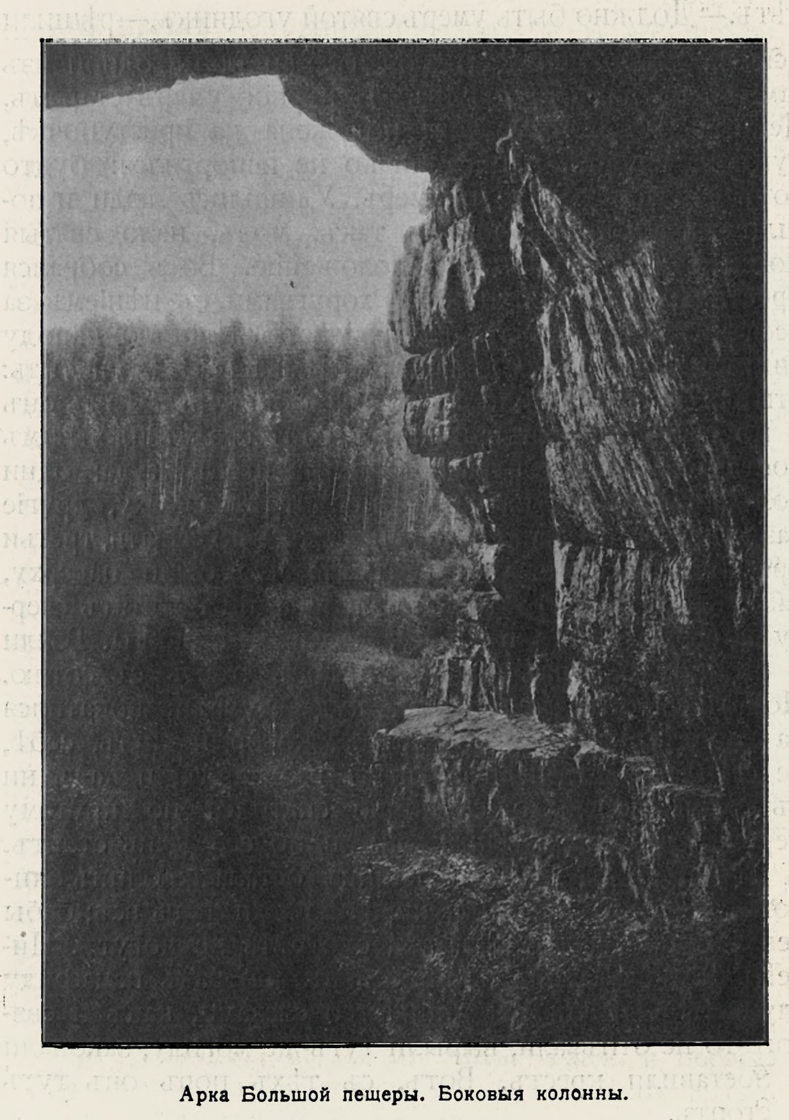
Подъ аркой мы развели костеръ и принялись готовить чай; на одномъ изъ выступовъ, какъ на столѣ, разложили свою провизію и принялись за ѣду. Съ самаго восхода солнца мы ничего не ѣли, а верховая ѣзда, свѣжій воздухъ, масса впечатлѣній такъ возбуждаютъ аппетитъ! День близился къ концу; въ застывшемъ воздухѣ не было никакого движенія, деревья и кусты дремали. Изъ живой рамы арки вырисовывались красивый, спокойный пейзажъ противоположнаго берега, гдѣ отдѣльныя группы березокъ чередовались съ широкими, свѣтло-зелеными луговинами. У входа въ храмъ было тепло, уютно и такъ спокойно, какъ и всегда около святыни.

— А зачѣмъ тотъ крестъ стоитъ тамъ внизу? Кто тамъ похороненъ?—Спросилъ я Спирька.

— Это одинъ дальній мужичекъ погибъ здѣсь мученическою кончиною,—отвѣтилъ онъ;—здѣсь на мѣстѣ и похороненъ.

— Разскажи!—просилъ я, заинтересовавшись таинственной исторіей.

— Нехорошее тутъ дѣло случилось, больше году назадъ,—началъ Спирько.—Давно тутъ объявился святой угодникъ, старецъ Игнатій; скитникъ по нашему. Спасалъ свою душу здѣсь: постился, молился, проводилъ время въ благочестивыхъ размышленіяхъ. И далеко пошла слава о его праведной жизни, и многіе даже изъ далекихъ мѣстъ пошли сюда въ эту глушь: кто посмотрѣть на благочестиваго старца, послушать его, а кто и за совѣтомъ; всякъ несетъ свою лепту, а старецъ принимаетъ и даетъ народу свое поученіе, совѣтъ и благословеніе. Такъ онъ и жилъ. Только вдругъ—пропалъ старецъ Игнатій. Сколь ни прихо-

Арка Большой пещеры. Боковыя колонны.

дитъ народъ, сколь ни ждетъ его, а его нѣтъ, какъ нѣтъ.—Должно быть умеръ святой угодникъ,—рѣшили люди,—давайко поищемъ его въ пещерахъ.—Стали искать, долго искали, наконецъ нашли въ одной изъ самыхъ глухихъ боковушъ. И вѣрно: умеръ старецъ. Лежитъ на землѣ, голова положена на приступочкѣ, руки на груди... и нисколичко не испортился: будто вотъ сейчасъ только и умеръ. Удивились люди и пошли къ амфирею: такъ и такъ, молъ, надо святыя мощи землѣ предать по положенiю. Вотъ собрался крестный ходъ, и пошли съ хоругвями, съ пѣнiемъ за десятки верстъ въ эти глухiя мѣста. Пришло народу видимо-невидимо. Сдѣлали все какъ слѣдуетъ быть: отпѣли и похоронили въ той же боковушѣ. Тамъ онъ и по сейчасъ лежитъ; и крестъ надъ его могилой тамъ поставленъ. Потомъ разбрелись люди кто-куда: одни полѣзли наверхъ, на скалу, посмотрѣть сверху, другiе развели костры на бережку и давай закусывать, третьи бродятъ по пещерамъ. А тѣмъ, что были наверху, захотѣлось посмотрѣть, какъ это камни полетятъ сверху горы да прямо въ рѣку; забавно, поди-ты. Взяли и столкнули внизъ камень пудовъ этакъ съ сотню. Покатился онъ, да не туда, куда думали; покатился на народъ, напалъ на мужичка, который пилъ, себѣ, не ожидая бѣды, чаекъ, напалъ раздавилъ, и какъ ни въ чемъ небывало спокойно скатился по крутому бережку въ рѣку. Тамъ онъ и по сей день стоитъ. А отъ мужичка одна лепешина осталась: блинъ-блиномъ, и вся голова сплющена. Взвыли тутъ всѣ; бабы ревутъ, по травѣ катаются, смотрѣть не могутъ. Ничего не подѣлаешь: пришлось второй разъ панафиду служить. Отпѣли покойника со слезами, какъ и святого-то не отпѣвали, вырыли тутъ-же могилу, закопали и поставили крестъ. Вотъ, съ тѣхъ поръ онъ тутъ и стоитъ.

— А какiя тамъ буквы на крестѣ вырѣзаны.

— Имя его, должно быть. Звали его Акимомъ,

а по фамиліи то не помню. Да, мученическую кончину пріялъ неповинный человѣкъ! А все изъ-за чего? Еслибъ не эти мощи, ничего-бы и не было. Вы послушайте-то, что дальше было. Пошла слава, что мощи святыя объявились, и чуть было по казенному ихъ не объявили. Извѣстно, дѣло доходное: народъ на богомолье пойдетъ. Только, прознали про это дальніе старовѣры. — Вы знаете крещеные,— спрашиваютъ, — кто этотъ старецъ Игнатій вамъ-то? — Извѣстно кто,—отвѣчаютъ,—святой угодникъ божій.— Не святой онъ, и не угодникъ онъ божій,— говорятъ, — а конокрадъ онъ! Изъ нашей онъ деревни... Коней кралъ, а здѣсь скрывался отъ полиціи, потому; нѣсколько разъ въ острогѣ сидѣлъ, и бѣжалъ изъ тюрьмы... А ежели, говорятъ, онъ послѣ смерти не испортился въ тѣлѣ, такъ это не потому, что онъ святой, а потому, что воздухъ такой въ пещерѣ. Убей ты насъ грѣшныхъ,— говорятъ,—да положи въ эту пещеру: хоть и не святые, да не сразу сгніемъ. Вотъ что!... Какъ узналъ про это народъ, такъ и шабашъ. Такъ и перестали сюда на поклоненіе ходить. А невинный-то человѣкъ изъ-за этихъ мощей и пострадалъ.

Крестъ на могилѣ убитаго.

Взявъ съ собой охапку смолистыхъ корней, мы пошли внутрь пещеры. Широкій наружный ходъ

вскорѣ съузился настолько, что можно было идти въ согбенномъ положеніи; чѣмъ дальше, тѣмъ становилось темнѣе, и когда полъ понизился, исчезли послѣдніе отблески дня. Мы погрузились во мракъ. При свѣтѣ своихъ факеловъ мы вошли въ первый гротъ. Передъ нами была громаднѣйшая палата съ выступами и причудливыми колонками по бокамъ, съ нависшими украшеніями, съ ровнымъ каменнымъ поломъ, и потолкомъ, такимъ высокимъ, что его почти не было видно. Только слабые блики огня играли на краяхъ нависшихъ скалъ. Потолокъ просто оканчивался дырой.

— Тамъ новая пещера, — сказалъ Спирько, — туда можно взлѣсть по шесту; полѣземъ!..

Спирько любилъ бродить по пещерамъ; неизвѣстно, что его интересовало въ нихъ: необычайность ли, таинственность обстановки, самый актъ путешествія не по обязанности, или онъ заражался моимъ увлеченіемъ; но онъ интересовался, пещерами не менѣе меня и старался затащить меня туда, гдѣ и самъ не бывалъ. На верхній этажъ мы рѣшили слазить на обратномъ пути, а сами направились вглубь.

— Вотъ тутъ направо будетъ могила Игнатія, — сказалъ Спирько.

Мы вошли въ низкую арку и очутились въ низкой пещерѣ, изъ которой не было никакого другого выхода. Это была скорѣе яма, или живой склепъ, съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ; ближе къ одному углу таинственно стоялъ деревянный крестъ и придавалъ пещерѣ еще болѣе мрачное настроеніе. Неподвижный воздухъ былъ пресыщенъ известковыми испареніями, — да, въ такомъ воздухѣ процессъ гніенія совершается нескоро. На полу валялись остатки дровъ, много золы, угля и всякаго мусора. Впечатлѣніе было непріятное, и я поспѣшилъ выйти.

Въ концѣ первой галлереи зіяло новое отверстіе, обставленное съ боковъ вычурными выступами скалъ;

мы вошли туда, и пройдя узкій и низкій проходъ, изъ котораго дулъ вѣтеръ, очутились въ новой галлереѣ. Она была значительно меньше и ниже первой, но зато несравненно красивѣе, фантастичнѣе. Здѣсь во множествѣ, свѣшивались съ потолка люстры и канделябры, тамъ и сямъ возвышались колонны съ карнизами и закругленными постаментами. Здѣсь не было той сырости, какъ въ другихъ пещерахъ, очевидно благодаря притоку воздуха, который дулъ откуда-то изъ боковыхъ пещеръ. А ихъ было здѣсь много: направо, налѣво и впереди виднѣлись входныя арки самыхъ разнообразныхъ формъ.

— Дальше этой пещеры я не ходилъ, — сказалъ Спирько, — а надо бы посмотрѣть... Можетъ быть новое что нибудь увидимъ... можетъ быть тамъ дневной свѣтъ есть... Пойдемъ.

Онъ зажегъ новыя лучины и смѣло вошелъ въ одну изъ переднихъ арокъ. Но чрезъ нѣсколько шаговъ проходъ превратился въ узкую продольную щель, съ трещинами внизу, чрезъ которыя идти было опасно; вскорѣ трещина увеличилась, — и только неширокіе выступы по краямъ ея давали возможность подвигаться впередъ; но преодолѣвая трудности и опасности, Спирько шелъ впередъ.

— Кончится же она когда нибудь, эта щель, — говорилъ онъ. — Вишь, какъ гора-то раскололась.

Я сбросилъ нагаръ съ лучины внизъ; яркій уголекъ полетѣлъ глубоко внизъ по трещинѣ, освѣтилъ лишь ея уродливые изломы, и гдѣ-то пропалъ. Очевидно, трещина была глубокая. Вскорѣ идти по щели стало совсѣмъ непріятно: съ боковъ она начала давить; но вдругъ я увидѣлъ передъ собой Спирько, стоящаго въ свободномъ пространствѣ, съ высоко поднятымъ факеломъ. Онъ стоялъ на какой-то площадкѣ. Щель кончилась.

Картина открывшаяся передъ нами не поддавалась описанію. Я увидѣлъ громаднѣйшій подземный залъ,

концовъ котораго не достигалъ свѣтъ нашихъ факеловъ. Всюду возвышались колонны, балконы, хоры, всюду лѣпныя украшенія... Внизу, на разстояніи сажени отъ нашей дыры видѣнъ былъ ровный полъ; не говоря ни слова, Спирько сѣлъ на край нашей площадки, и быстро срыгнулъ внизъ; я послѣдовалъ за нимъ. Мы пошли по этому роскошному залу подземнаго царства, мимо колоннъ, роскошныхъ постаментовъ и вычурныхъ памятниковъ. Потолка не было видно. Въ нѣмомъ изступленіи разсматривалъ я эти красоты природы, почти затаивъ дыханіе, и чувствовалъ себя незванымъ гостемъ въ величественномъ царствѣ. Красный, колеблющійся отъ вѣтра свѣтъ факеловъ придавалъ этимъ формамъ и очертаніямъ еще болѣе фантастическій видъ; но мнѣ подумалось: какія красоты открылиеь бы здѣсь, еслибъ весь этотъ залъ залить моремъ электрическаго свѣта! Съ тѣхъ нависшихъ хоръ грянетъ неслыханная въ мірѣ музыка, такая же величественная, какъ и все это подземное царство, а по залу закружатся хороводы какихъ-то непонятныхъ существъ, обитателей нѣдръ земли; и все сольется въ одномъ высокомъ сочетаніи формъ, звуковъ и красокъ... Я поймалъ себя на слишкомъ прозаической, человѣческой мысли, вездѣ и всегда ищущей уподобленія себѣ; нѣтъ, природѣ чуждо человѣческое. Наши вкусы и нравы, перенесенные въ храмы природы—это кощунство. Здѣсь есть свое страшно великое, до тайны красивое: здѣсь царствуютъ сила и красота великаго явленія природы.

— А-а-а!—раздался вдругъ невдалекѣ дикій голосъ Спирька. Онъ стоялъ у одной изъ колоннъ и, держа факелъ въ сторону, что-то освѣщалъ на полу и, наклонившись, разсматривалъ. На полу что-то бѣлѣлось.— Идите сюда!.. Смотрите же!—кричалъ онъ.

Я подбѣжалъ, и замеръ въ изумленіи. На полу, растянувшись во всю длину, лежалъ скелетъ. Кости ярко бѣлѣлись на черномъ фонѣ камня, а черепъ по-

лунаклонно покоился на невысокомъ выступѣ. Черныя дыры вмѣсто глазъ и носа, и улыбающійся ротъ придавали черепу такое выраженіе, будто онъ печально посмѣивался. Становилось непріятно и жутко отъ этого мертвецкаго смѣха; по тѣлу прошла нервная дрожь. Кто этотъ былъ несчастный, нашедшій себѣ здѣсь такую ужасную смерть? Заблудился ли онъ въ лабиринтѣ пещеръ, и не найдя въ темнотѣ выхода, погибъ отъ голода и холода; или изступленный фанатикъ-отшельникъ нарочно зашелъ въ глубь горы, чтобъ умереть здѣсь и навсегда скрыть свое грѣшное бытіе отъ глазъ суетного міра? Какой пышный дворецъ онъ выбралъ для своего успокоенія! Среди величественныхъ порталовъ и арокъ, среди могучихъ колоннъ, на которыхъ держится вся толща громадной каменной горы, среди кромѣшной тьмы заживо похоронилъ себя этотъ человѣкъ! Не захотѣлось ли ему въ послѣднюю минуту взглянуть на превѣчное солнце, на травки божьи, вздохнуть свѣжимъ, чистымъ воздухомъ, услышать пѣніе вольной птицы и журчаніе ручейка?..

Видъ мертвеца всегда непріятенъ даже въ обыкновенныхъ условіяхъ, а здѣсь въ чревѣ земли было просто тяжело смотрѣть на этотъ смѣющійся скелетъ. Люди особенные часто искали себѣ смерти въ пещерахъ: въ такой смерти они видятъ героизмъ души. Въ Крыму на Чатыръ-Дагѣ есть пещера, называемая тысячеголовой. На полу межъ каменныхъ сидѣній, у подножія сталактитовыхъ истукановъ, насыпаны страшною грудой человѣческіе черепа. Въ каждомъ придѣлѣ есть такія же кучи. Когда-то очень давно здѣсь спряталось 1000 человѣкъ воиновъ-татаръ; ихъ разыскали, и чтобы выгнать оттуда, зажгли передъ входомъ костры; дымъ задушилъ всѣхъ спрятавшихся, но никто не вышелъ и не сдался. Съ тѣхъ поръ эта пещера и называется Бимбатъ-Коба, т.-е. тысячеголовая. Такая-же пещера есть и на Сѣв. Кавказѣ, гдѣ когда-

то жилъ вымершій давно народъ балкары. Остатки этого интереснаго племени забрались въ пещеру и тамъ умерли. Въ пещерѣ валяется множество скелетовъ и череповъ громаднѣйшихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, люди часто избирали пещеры для общей могилы. Но легче было бы видѣть здѣсь цѣлое кладбище героевъ-великановъ, нежели этотъ одинокій, заброшенный въ глубинѣ горы костякъ со смѣющимся черепомъ; настроеніе у насъ было отравлено и мы, минуя заманчивыя арки, приглашавшія пройти дальше въ нѣдра подземнаго царства, направились къ нашей щели.

Кстати, была пора: дровъ оставалось очень немного.

Когда мы дошли до щели, то были непріятно поражены тѣмъ, что она находилась выше роста. Но раздумывать было некогда: я поднялъ Спирька на рукахъ, онъ ухватился за острый край площадки и оттуда протянулъ мнѣ руки; я ухватился за нихъ и вспрыгнулъ наверхъ. Во время этой операціи факелы наши, положенныя на площадку, погасли. Пришлось ихъ раздувать. Нѣсколько тяжелыхъ минутъ провели мы въ темнотѣ, и когда наконецъ огонь запылалъ, то я увидѣлъ при свѣтѣ его до неузнаваемости блѣдное лицо Спирька; глаза его лихорадочно горѣли. Бѣдняга должно быть страшно перетрусилъ. Время тянулось страшно медленно, щели, казалось, не будетъ конца. Спирько шелъ впереди, я за нимъ, а за собой я все время чувствовалъ мракъ и величіе оставленной палаты, а въ ней, у одной изъ роскошныхъ колоннъ печально смѣющійся черепъ. Вторую пещеру мы почти перебѣжали, и только когда достигли первой палаты, вздохнули свободнѣе. Въ рукахъ у насъ были послѣдніе огарки лучинъ: было изъ-за чего волноваться. Положимъ, у насъ были спички; но надолго ли хватило-бы ихъ, еслибъ пришлось все время ихъ жечь. Въ первой палатѣ мы нашли болѣе длинный огарокъ, разожгли его, и уже съ нимъ вошли въ выходъ къ наружи.

Дневной свѣтъ долго не показывался, и я уже сталъ недоумѣвать, когда вдругъ въ полукруглой рамѣ наружной арки увидѣлъ кусочекъ темносиняго неба, усѣяннаго звѣздами. Была уже глубокая ночь. Подъ землей мы незамѣтно провели болѣе шести часовъ.

Только тотъ, кто побывалъ въ нѣдрахъ земли, можетъ радоваться такъ, какъ радовался я этому родному, синему, звѣдному небу, на которое мы обыкновснно такъ мало обращаемъ вниманія.

Пережитыя, сильныя ощущенія и трудная ходьба по пещерамъ вызвали адскій голодъ. Мы развели костеръ и усѣлись за ѣду и чаепитіе. Нервы успокоились; ночь была тиха и безмолвна, кусты и деревья тяжело спали: только внизу едва слышно журчалъ Симъ, а поодаль въ кустахъ неустанно звенѣли бо́тала пасшихся лошадокъ. Въ воздухѣ пахло дымкомъ.

— Никогда я не забуду этого дня,—говорилъ Спирько.—Не пугливый я человѣкъ, а вѣдь подъ землей чего-чего не почудится. Побываешь самъ въ такой передѣлкѣ, и станешь вѣрить всякой-всячинѣ. Иной разведетъ разговоры: то, да се въ пещерахъ приключилось; такъ не вѣришь ему; думаешь: ври, молъ, больше. А теперь, вотъ, самъ знаю: какъ оторопь возьметъ, все можетъ приключиться. Околѣть можно съ оторопи.

— А развѣ были такіе случаи?—спросилъ я.

— Какъ не были! Пошли какъ-то тоже двое въ пещеры. Богъ ихъ знаетъ, чего они тамъ искали. Золота, можетъ быть. Да золото-то въ этой породѣ не водится, развѣ что въ какомъ-нибудь подземномъ ручьѣ. Бродили они этакъ по пещерѣ, бродили, и потеряли свой ходъ. Начали искать и едва-едва нашли. А времени-то въ поискахъ много ушло, огонь извелся. Пройти надо много, а огня мало. Добѣжали они до второй пещеры, огонь и погасъ. Начали жечь спички, а спичка, извѣстно, много ли посвѣтитъ? Зачеркнутъ спичку, намѣтятъ мѣсто, и бѣгутъ. Да и спичекъ-то мало

было у нихъ. Немного осталось добѣжать до входа, а спички-то и кончились. Отъ послѣдней одинъ-то раскурилъ трубку, все-таки, думаетъ, виднѣе будетъ; а какой свѣтъ отъ трубки? Вотъ пришли они къ последней стѣнѣ; знаютъ, тутъ выходъ. И уперлись прямо въ стѣнку. Ищутъ, ищутъ, а выхода нѣтъ. Вотъ и взяла ихъ оторопь. Туда, сюда—нѣтъ выхода. Залѣзли въ боковуши; видятъ, нѣтъ оттуда выхода, и назадъ. Направо, налѣво искали: нѣтъ выхода, и баста. Курили эту самую трубку въ перемежку: то одинъ, то другой; а толку отъ нея никакого; и табакъ-то къ концу подходитъ. Ну, думаютъ, смерть пришла. Должно быть не въ ту пещеру попали, потому что выходъ долженъ быть тутъ, а его нѣтъ. Конечно, въ темнотѣ ничего не разберешь, и чего-чего не почудится. А у одного-то изъ нихъ была бумага: газетина для курева, или книжка какая; и догадайся онъ разжечь ее отъ трубки. Дули, дули огонь, наконецъ—вспыхнула газета. И вотъ, видятъ они, что стоятъ около самаго выхода; да выходъ-то у нихъ наравнѣ въ головой, а они щупали-то ниже. Когда шли оттуда, стало быть, и забыли, что прыгали сверху; и покажись имъ потомъ, что дорога ровная. Еслибъ не оторопь, вспомнили бы; а сробѣли, и все перезабыли. Умереть могли бы на аршинъ отъ выхода, еслибъ не трубка. Вотъ, какая исторія была въ пещерахъ-то. Да не дешево-то она далась имъ. Старшой-то изъ нихъ пришелъ на другой день въ деревню бѣлый, какъ лунь, а до того былъ чернѣе смолы. За одну ночь посѣдѣлъ... Вотъ, какихъ страховъ натерпѣлись. А только ничего: волосы потомъ какъ-то отошли: снова почернѣли.

Подъ разсказы Спирька я уснулъ; а проснулся, когда солнце уже высоко стояло на горизонтѣ. Надъ Симомъ носились густые туманы; верхушки ихъ курились, тянулись кверху и расплывались въ согрѣтомъ воздухѣ. Я сильно продрогъ: одинъ бокъ, согрѣваемый костромъ, былъ теплый, а другой бокъ и спина закоченѣли.

Пока Спирько кипятилъ чай, я вошелъ въ пещеру, чтобы въ темнотѣ зарядить пластинками свой аппаратъ. Обыкновенно, въ самой темной комнатѣ глазъ, спустя пять минутъ, привыкаетъ различать нѣкоторые предметы; я пробылъ въ пещерѣ около получаса безъ свѣта, и ничего не увидѣлъ. Тьма была кромѣшная.

Впаденіе Сима въ землю.

Потомъ Спирько разыскалъ въ кустахъ лошадокъ, нагрузилъ ихъ вещами, и мы, снова перебродивъ Симъ, поѣхали дальше.

Надъ лѣсомъ и луговинами нависла полупрозрачная пелена тумана, сквозь которую формы деревьевъ рисовались мягкими, почти нѣжными. Трава была покрыта обильной росой. Но когда мы спустились въ

низину, примыкающую къ рѣкѣ, насъ сразу окружилъ густой туманъ, Лучи солнца едва проникали чрезъ него и окрашивали его въ опаловый, почти розоватый цвѣтъ. Кое-гдѣ изъ тумана выступали поблизости верхушки кустовъ, словно гребни какого-то чудовища, или левіафана, выплывшаго изъ воды. Тропинка исчезла, но Спирько зналъ, куда ѣдетъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я видѣлъ его спину на бѣломъ фонѣ тумана, а дальше ничего не было видно.

— Такъ ли мы ѣдемъ?—спросилъ я.

— Такъ, такъ!..—отвѣтилъ онъ.—Черезъ часъ туманы подымутся, а тамъ мѣсто повыше пойдетъ...

— А гдѣ же Симъ-то кончается?

— Вотъ туда-то мы и подъѣдемъ.

Долго мы ѣхали въ совершенно непрозрачномъ, густомъ молокѣ тумана, наконецъ молоко это начало разжижаться. Начали ярче обрисовываться отдѣльныя формы кустовъ, впереди открывался просторъ все шире и шире. Потомъ лучи солнца какъ-то сразу проникли чрезъ эту бѣлесоватую массу и превратили ее въ легкій, прозрачный, голубоватый налетъ. Открылся широкій видъ, смягченный рѣдѣющимъ туманомъ а справа у большой каменной горы мы увидѣли Симъ.

— Сейчасъ вотъ тутъ ему и конецъ будетъ,—сказалъ Спирько.

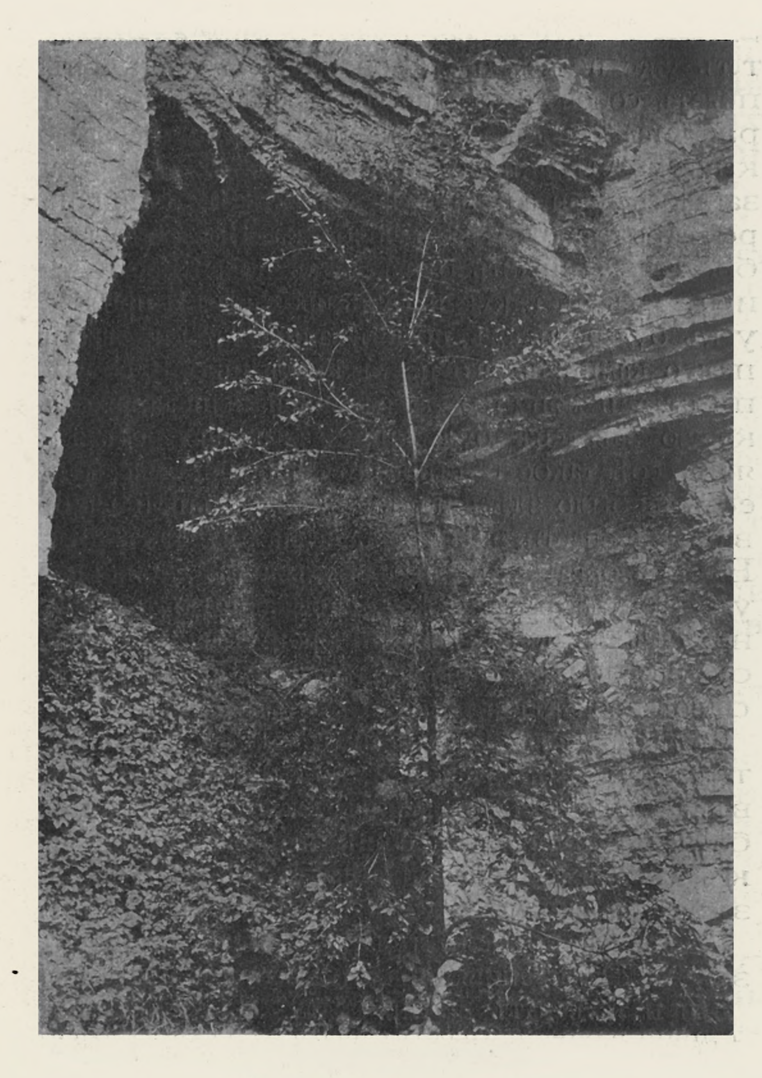
Черезъ нѣсколько минутъ мы свернули прямо къ рѣкѣ и выѣхали... на каменистую розсыпь. Гдѣ же рѣка? Она только что текла тутъ же. Я увидѣлъ нѣчто необычайное до сказочности. Омывая подножіе высочайшей скалы, Симъ стремительно несется по покатости къ боковому выступу скалы, ударяется о нее и затѣмъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, сразу же исчезаетъ съ лица земли, словно его и не было. Я стоялъ на кучѣ щебенки и булыжника, на каменистомъ фарватерѣ рѣки; прямо на меня неслась рѣка, и тутъ же у моихъ ногъ, шипя и брызгая, точно свареная, исчезала среди булыжника. Вся рѣка ушла въ землю, хоть

бы малѣйшій ручеекъ остался? Куда она уходитъ, въ какія пустоты вливается? Несомнѣнно, на своемъ пути Симъ встрѣчаетъ какую-нибудь подземную пещеру, вливается въ нее сверху сквозь насыпи булыжника и течетъ уже подземной рѣкой. Можетъ быть, онъ заполняетъ собой чудовищныя галлереи, а можетъ быть разливается тамъ въ широчайшее подземное озеро съ каменными стѣнами, подпорками и сводами? И страшно захотѣлось проникнуть туда, увидѣть эти тайники природы, скрытые отъ глазъ человѣка. Но входа туда не было. Течетъ ли онъ близко отъ поверхности земли, или падаетъ въ какую-нибудь пропасть? Я приложилъ ухо къ булыжникамъ, но изъ-за шума рѣки, разбивающейся о камни, ничего не было слышно. Несомнѣнно, подъ ногами моими была глубокая пещера, входъ въ которую заваленъ булыжникомъ: иначе нельзя объяснить себѣ такое быстрое исчезновеніе массы воды; еслибъ не было здѣсь подъ ногами большой глубины, вѣрнѣе—пропасти, вода не исчезла бы такъ быстро. Если бы взорвать эти завалы булыжника, можетъ быть удалось бы открыть завѣсу, скрывающую тайну Сима; но будутъ ли когда-нибудь произведены настоящія, обширныя изслѣдованія подводнаго теченія этой необыкновенной рѣки?

Симъ пропалъ. Онъ пошелъ или подъ горой, или течетъ подъ этой равниной, которая все время идетъ вдоль каменистыхъ кряжей. По этой равнинѣ, можетъ быть надъ Симомъ, скрывшимся подъ землей, протекаетъ нѣсколько поперечныхъ ручейковъ, и все мѣсто заросло сплошнымъ дикимъ кустарникомъ.

— Теперь поѣдемъ туда, гдѣ онъ выходитъ изъ земли,—сказалъ Спирько.—До того мѣста 5 верстъ.

Эти пять верстъ мы проѣхали больше часа, потому что дикій кустарникъ затруднялъ путь. Изъ моря этихъ кустарниковъ вдругъ вынырнула каменная гора, одна изъ такихъ, вдоль которыхъ течетъ Симъ. Въ концѣ горы, возвышаясь надъ зеленью, зіялъ громадный чер-

Входъ въ Дальнюю пещеру.

ный зѣвъ пещеры. Невдалекѣ на каменной стѣнѣ виднѣлись еще два маленькихъ, такихъ же черныхъ, отверстія.

— Это окна пещеры,—пояснилъ Спирько.

— Стало-быть, она свѣтлая?

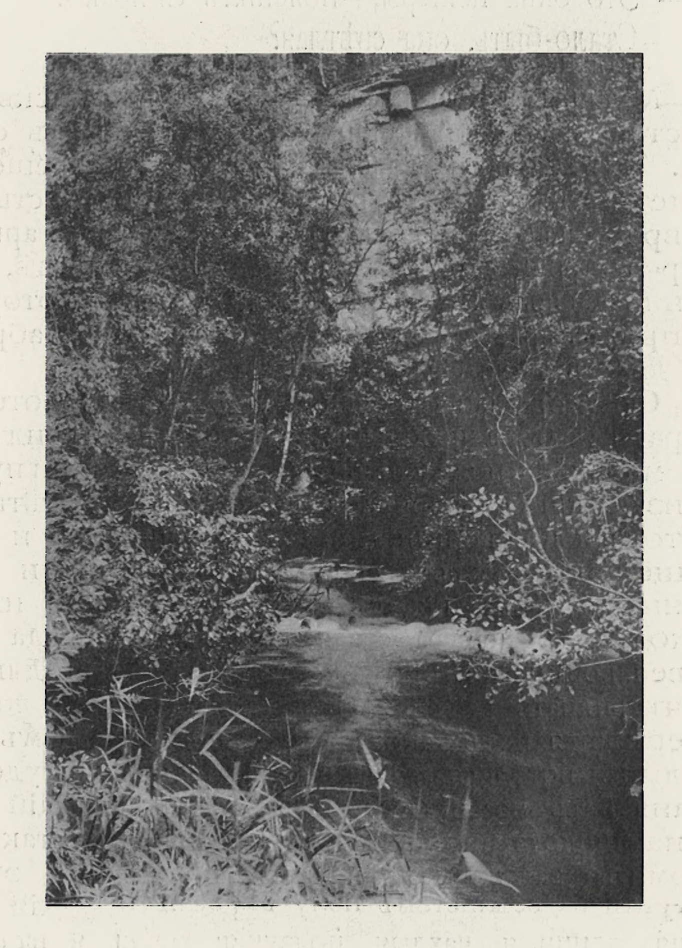
— Совсѣмъ свѣтло.

Мы привязали лошадей и стали пробираться сквозь кустарникъ, который сплошной стѣной окружилъ стѣну. Трудъ былъ немаленькій. Къ воротамъ пещеры ведетъ высокая насыпь, совершенно закрытая густымъ ковромъ дикаго винограда; почти передъ самой аркой выросла стройная ольха. Въ первомъ же проходѣ, въ сѣняхъ пещеры на днѣ оказалась земля, къ которой и принялась растительность: дикій виноградъ забрался далеко вглубь. Здѣсь было свѣтло.

Сѣни неожиданно кончились крутымъ поворотомъ вправо, гдѣ была небольшая арка; изъ нея я увидѣлъ громаднѣйшій полуосвѣщенный залъ. Я спрыгнулъ внизъ. Мягкій земляной полъ, высокій, мало замѣтный потолокъ и два окошечка, въ родѣ бойницъ, вотъ и вся пещера. Здѣсь нѣтъ вычурныхъ сталактитовъ и колоннъ, стѣны гладкія, съ потолка не каплетъ известковая вода: пещера сухая потому что порода не известняковая, а гранитная. Залъ имѣетъ въ длину почти тридцать саженей, и страннымъ кажется, какъ удерживается надъ такимъ пространствомъ ничѣмъ не подпертый потолокъ. Вѣдь надъ нимъ милліоны пудовъ гранита, весь массивъ горы. Свѣтъ, проникающій въ окна, слишкомъ недостаточенъ для освѣщенія такого громаднаго зала: вверху и внизу полутьма. Въ этой полутьмѣ на землистомъ полу выросли кое-какія растенія, длинныя, чахлыя, ползучія; здѣсь я нашелъ нѣсколько интересныхъ экземпляровъ пещерныхъ растеній и лишаевъ.

Мы покинули пещеру и отправились скорѣе къ Симу, который выходилъ изъ земли тутъ же невдалекѣ. Самаго выхода его изъ земли невидно: онъ заросъ

непроходимо-густымъ кустарникомъ. Но, идя по неглубокой водѣ, можно дойти до широкаго куста калины, изъ-подъ густого навѣса которой, толкаемая какой-то

Симъ, вышедшій изъ подъ земли.

невѣдомой силой, вдругъ вылетаетъ вверхъ вода. Образуется валъ высотой до аршина; этотъ валъ сейчасъ же плавно опускается, расплывается, течетъ шумнымъ

потокомъ, а дальше уже принялъ видъ рѣки, которая, уже не прерываясь, потечетъ на разстояніи двухсотъ верстъ.

— Гдѣ бывалъ, Симъ, что видѣлъ?...

Поѣздка моя въ пещеры была закончена. По отлогому склону горъ, подножія которыхъ омываетъ Симъ, мы поднялись наверхъ и поѣхали окольнымъ путемъ по возвышенной равнинѣ. Черезъ башкирскія степи и селенія мы въ тотъ же день пріѣхали въ одинъ изъ катавскихъ заводовъ.

Нагайбачки.

VII.

По степямъ.

Ильменскія высоты. Рѣка Міясъ. Міясскій заводъ. Мечеть. Складъ динамита. Бухарскія кошки. Сборы въ дорогу. Кундравы. Шакирка. Нагайбаки. Кокошники. Жилища. Пьянство. Козелъ. Дрофа. Казаки. Станицы. Старинная русская постройка. Качкаръ. Базаръ. Золото. Подъ землей. Добываніе золота. Старатели. Хохлы въ степи. По степи. Ковыль. Увелька. Троицкъ. Базаръ. Лошади и верблюды. Мѣновой дворъ. Киргизъ-кайсаки. Аулъ. Караванъ верблюдовъ. Верхнеуральскъ. Дождливая осень. По южному склону Урала. Оренбургъ. Возвращеніе.

Начинаясь отъ самыхъ Ильменскихъ высотъ, которыми на востокѣ заканчивается южно-уральскій хребетъ, тянется къ югу богатая золотомъ долина рѣки Міяса. Съ правой стороны вдали виднѣется хребетъ Уреньги, съ отроговъ котораго эта рѣка и беретъ начало, слѣва идутъ увалы, уходящіе далеко въ Тобольскую губернію, а на юго-востокѣ долина незамѣтно переходитъ въ степь оренбургскихъ киргизовъ, которая доходитъ вплоть до самаго Каспійскаго моря и восточнѣе.

Это очень богатый край. Богатъ онъ тѣми мѣсторожденіями золота, которыя были открыты здѣсь въ 1840—1860 годахъ. Здѣсь построилось много золотопромышленныхъ заводовъ. Дальше идутъ черноземныя

степныя поля, которыя даютъ тучные урожаи пшеницы, а еще немного дальше уже зрѣютъ арбузы; ходятъ по степямъ, совершая дальніе концы, караваны верблюдовъ. Этой полосой идутъ товары и продукты изъ прикаспійскихъ областей и дальнихъ киргизскихъ степей, потому что здѣсь ближайшій путь къ желѣзной дорогѣ: въ Нижній, Москву, и въ Сибирь на Ирбитскую ярмарку. Изъ степей идутъ къ Міясу обозы, иногда по тысячѣ головъ; идутъ сначала на верблюдахъ, потомъ на волахъ, потомъ на лошадяхъ. Этотъ край заселенъ самыми разнообразными народами: сначала коренное русское населеніе, затѣмъ казаки, вытѣснившіе башкиръ; въ кольцѣ казаковъ живетъ маленькій народецъ нагайбаки; западнѣе — башкиры, а южнѣе киргизы. Вся эта смѣсь народовъ перемѣшана пришельцами изъ внутреннихъ губерній Россіи: тамбовцами, пензенцами, тулякам, и, главнымъ образомъ — хохлами; всѣ они бѣжали со своей родины, гонимые малоземельемъ, тѣснотой и бѣдностью, въ привольныя, плодородныя степи, и всѣмъ нашлось мѣсто и привѣтъ.

Рѣка Міясъ течетъ съ юга на сѣверъ. Она вливается въ большое озеро Міясово и при помощи другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ нее, несетъ свои воды вплоть до р. Исети въ Пермской губ. Почти въ концѣ ея, гдѣ она вливается въ широкое озеро-прудъ, въ пяти верстахъ отъ желѣзной дороги стоитъ Міясскій заводъ, — поселеніе, состоящее изъ десяти тысячъ жителей. Основано оно русскими пришельцами въ XVI в. Но извѣстность онъ получилъ главнымъ образомъ въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда въ долинѣ Міяса открылись богатѣйшія залежи золота. Это было лихорадочное время; всякъ спѣшилъ въ окрестности Міяса: предприниматель, золотоискатель, рабочій и торговецъ. Жизнь кипѣла ключемъ. Открывались новые золотые пріиски по сосѣдству, главнымъ образомъ въ Качкарѣ, населеніе увеличивалось, торговля тоже. Многіе изъ хлѣбопашцевъ поки-

нули свои поля, надъ которыми вѣками проливали потъ, и бросились на болѣе прибыльное, хотя и болѣе тяжелое дѣло добыванія изъ земли красиваго, дорогого золота. А вмѣстѣ съ золотомъ появились въ краѣ безпросвѣтное пьянство, кражи, убійства, отчаянная

Міясъ.

гульба и нищета. Но все это, какъ быстро налетѣло, такъ же быстро и пропало. Золото вдругъ начало исчезать. Можетъ быть, его не такъ много и было, какъ казалось раньше, а можетъ быть его извели хищническими мѣрами. Золотая лихорадка прошла, край началъ успокаиваться, и теперь на пріиски идетъ лишь тотъ, кому дома ѣсть нечего. Торговое значеніе Міяса и Качкара умалилось, многіе изъ пріисковъ закрылись, и остались лишь въ Міясѣ одинъ, казенный, и нѣ-

сколько частныхъ въ окрестностяхъ Качкара. Но и тѣ едва влачатъ свое существованіе.

Міасскій заводъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ уральскихъ заводовъ. Расположенъ онъ у подошвы Ильменскихъ высотъ, съ которыхъ и видѣнъ весь, какъ на ладони. Около запруды помѣстились казенные дома и учрежденія, также и главныя торговыя лавки, а весь остальной городокъ раскинулся по берегамъ обширнаго пруда. Жителей въ немъ около 10.000, но когда-то было значительно больше. Живетъ здѣсь нѣсколько богачковъ-золотопромышленниковъ, выстроившихъ себѣ роскошныя палаццо на парадныхъ улицахъ; главную же часть населенія составляютъ рабочіе, торговцы и тѣ мѣщане-обыватели, которые неизвѣстно чѣмъ занимаются, чѣмъ живутъ. Есть здѣсь не мало и мусульманъ. Въ торговые дни городокъ оживляется; пришлый людъ вноситъ жизнь, обыватель просыпается и суетится; тогда улицы оживлены. Въ обыкновенные дни городокъ словно вымираетъ, въ особенности къ вечеру, и обыватель считаетъ своимъ святымъ долгомъ выйти «на улочку» и нѣсколько часовъ передъ сномъ посидѣть на лавочкѣ, которая есть буквально возлѣ каждаго дома. И когда ночью проходишь по такой улицѣ, слышенъ всюду заглушенный разговоръ, иногда смѣхъ, въ темнотѣ видны неподвижно, точно муміи, сидящія фигуры.

Главною достопримѣчательностью Міаса можно считать мусульманскую мечеть, преимущественно ея минаретъ, возвышающійся надъ всѣмъ заводомъ. Мечеть спрятана въ одной изъ боковыхъ улицъ и стѣснена домами, а въ сущности слѣдовало бы поставить это красивое зданіе на самомъ видномъ мѣстѣ. Минаретъ стоитъ отдѣльно отъ мечети, въ отличіе отъ обыкновеннаго типа мечетей, у которыхъ онъ пристроенъ всегда къ крышѣ зданія. Поставленъ онъ на четырехгранномъ основаніи, надъ которымъ высоко вверхъ подымается граненая колонна; на верху колон-

ны рѣшетка; взобравшись на самый верхъ и стоя за рѣшеткой, муэдзинъ громкимъ, надрывистымъ голосомъ, обративъ лицо къ востоку, призываетъ правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ. — Алла-Алла!.. — раздается въ предвечернемъ воздухѣ и разносится далеко кругомъ. Мечеть эта справедливо считается самою красивою на Уралѣ. На одной сторонѣ города стоитъ исполинская вѣтряная мельница, на другой— заросшее громадными березами кладбище; одна изъ набережныхъ обсажена кудрявыми деревьями, придающими ей видъ бульвара, вотъ и всѣ красоты этого завода-городка.

Мечеть въ Міясѣ.

Въ четырехъ верстахъ у завода, въ глуши находится складъ динамита; я поѣхалъ туда. Динамитные склады устраиваются на Уралѣ для нуждъ окрестностныхъ заводовъ: динамитомъ взрываютъ каменныя породы и руду, поэтому онъ требуется въ большомъ количествѣ. Но держатъ его съ большими предосторожностями. Для склада его отводится мѣсто гдѣ-нибудь далеко отъ жилья. Хранятъ его обыкновенно въ деревянномъ помѣщеніи, которое зарыто со всѣхъ сторонъ землей. Каменныя стѣны, какъ бы ни были онѣ толсты, здѣсь непригодны, потому что въ случаѣ взрыва, камень оказываетъ большое сопротивленіе газамъ, а чѣмъ больше скопится газовъ, и чѣмъ силь-

нѣе препятствіе для выхода ихъ, тѣмъ сильнѣе взрывъ. Фитили хранятся отдѣльно отъ динамита, въ другомъ погребѣ; оба погреба окружены широкимъ землянымъ валомъ, надъ которымъ развѣвается красный флагъ, предупреждающій объ опасности; красныя ворота всегда на запорѣ, а у воротъ стоитъ будка сторожа.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ склада стоитъ усадьба завѣдывающаго. Это большой помѣстительный домъ съ пристройками. Завѣдующій оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ, широко интересущимся современной жизнью; онъ принялъ меня очень гостепріимно и показалъ устройство склада.

— И вы тутъ рядомъ не боитесь жить?

— Нѣтъ. Привыкли, всѣ подъ Богомъ ходимъ.

— Но вѣдь это значитъ жить на кратерѣ вулкана. Вѣдь если случится взрывъ, то отъ вашей усадьбы не останется и слѣда.

— Не только отъ моей усадьбы, отъ всего Міяса щепки не останется,—отвѣчалъ онъ.

Между прочими домашними животами я увидѣлъ здѣсь цѣлую семью ташкентскихъ кошекъ. Котята этой породы удивительно красивы: умныя мордочки, глубокіе большіе глаза и пушистая длинная шерсть, спускающаяся внизъ, все это придаетъ имъ необыкновенную прелесть, а смышленность ихъ и ловкость просто поразительны. Я началъ просить хозяина, чтобы онъ уступилъ мнѣ парочку котятъ хоть за деньги.

— Да что жъ съ васъ взять? — отвѣтилъ серьезно хозяинъ.—Немного развѣ... Рубликовъ двадцать пять за пару.

И вдругъ самъ же разсмѣялся.

— Ха-ха-ха!..—заливался онъ.—Да даромъ возьмите ихъ, ради Бога. Этого добра у насъ тутъ сколько угодно; это вамъ въ Питерѣ въ диковинку.

Впослѣдствіи, проѣзжая чрезъ Міясъ я получилъ на желѣзной дорогѣ обѣщанный подарокъ: двухъ прелестныхъ ташкентскихъ котятъ, — и съ большими

стараніями и хлопотами довезъ ихъ до Петербурга; они прекрасно выдержали семидневную дорогу, но петербургскій климатъ былъ для нихъ губительнымъ и вскорѣ они околѣли.

Въ Міасѣ я остановился у одного бывшаго золотопромышленника, который зналъ всю окрестность на сотни верстъ и все промышленное дѣло. Это былъ радушный, симпатичный человѣкъ, который оказался мнѣ попутчикомъ въ дальнѣйшемъ пути, вплоть до Троицка.

— Поѣду и я съ вами,—говорилъ онъ;—давно не былъ тамъ, надо прогуляться, знакомыхъ посмотрѣть, вѣдь у меня вездѣ знакомые и родня. Надоѣло дома-то мухоморомъ сидѣть.

Мнѣ понравилась эта, чисто сибирская черта: вздумалось, взялъ да и поѣхалъ за сотни верстъ безъ всякаго дѣла. Въ дорогѣ же онъ оказался прекраснымъ, выносливымъ и нетребовательнымъ товарищемъ; несмотря на свои пятьдесятъ съ лишкомъ лѣтъ, онъ съ юношеской стойкостью вынесъ продолжительный, тяжелый путь. Такіе кремешки встрѣчаются въ Зауральи часто; они на покоѣ доживаютъ свой вѣкъ, поработавъ въ молодости; домъ ихъ—полная чаша: добру и всякимъ запасамъ нѣтъ конца. Домовитые люди.

— Не то было времячко раньше,—жаловался старикъ; — и люди были не тѣ, и дѣла другія. Прежде-то золото это самое просто руками бери. Около этихъ Ильменскихъ горъ водился золотой песочекъ; а сколько разныхъ самоцвѣтовъ находилось въ самыхъ горахъ! Дальше къ степямъ пошло жильное золото... Богатѣйшія залежи! Все повынимали. Кругомъ озера на моей еще памяти стояли глухіе лѣса, въ рѣкѣ водилась нельма, таймень, даже стерлядь доходила изъ Исети... а теперь въ озерѣ только карасишки, да пискаришки и водятся. И люди стали не тѣ: какъ-то обнищали, измельчали... Прежде до пятнадцати тысячъ жителей доходило, а теперь только десять считается.

Между прочимъ, старикъ показалъ мнѣ свою коллекцію минераловъ и металловъ, которую онъ собиралъ много лѣтъ. Здѣсь были рѣдко красивые экземпляры самоцвѣтовъ, былъ и золотой песочекъ, и нѣсколько булыжниковъ съ вкрапленнымъ въ нихъ жильнымъ золотомъ; одинъ изъ такихъ булыжниковъ онъ подарилъ мнѣ «на память».

Въ дорогу насъ снарядили съ необыкновеннымъ комфортомъ; тарантасъ былъ набитъ всякими принадлежностями путешествія. Въ сумкѣ, спеціально вышитой для дороги, съ надписью «пріятнаго аппетита», было положено всякой провизіи на нѣсколько дней; стаканчики, полотенца, посуда—все это было спеціально дорожное, а на подушкахъ, служившихъ намъ сидѣньемъ, было вышито: съ одной стороны—«путемъ дорога», а съ другой—«ждемъ—не дождемся». Уѣзжая изъ дому, подушку укладываютъ первою надписью вверхъ, а когда возвращаются, подушку переворачиваютъ второй надписью вверхъ. Снабженные всякими одѣялами и покрывашками, мы выѣхали въ далекій путь.

До конечной цѣли моего путешествія, города Троицка, которымъ заканчивается на востокѣ южный Уралъ, — отъ Міяса не менѣе 300 верстъ; а съ заѣздами въ окольныя станицы и пріиски намъ предстояло сдѣлать не менѣе пятисотъ верстъ на лошадяхъ. Пара ямскихъ лошадокъ бойко тащитъ тяжело нагруженный тарантасъ, или «каранъ-тасъ», какъ его часто здѣсь называютъ, дорога проходитъ черезъ невысокіе, лѣсистые увалы; на облучкѣ сидитъ высокій, тощій башкиръ, въ легкомъ озямѣ, въ бѣлой войлочной шляпѣ и со знакомъ на груди; онъ то и дѣло торопитъ лошадей, въ очевидной надеждѣ получить на чай.

— Ну, какъ поживаешь, Хайзулка?—спросилъ его мой спутникъ.

— Булно харошъ живемъ,—отвѣтилъ Хайзулка,—земля мала, ашать (кушать) мала...

— Эхъ, ты дуръ!.. Балшой дуръ!..—говорилъ спутникъ, передразнивая жаргонъ башкира.—«Булно жирна ашалъ (кушалъ), сална свѣчка топилъ, кускомъ макалъ, булно жирна сталъ»... Пріѣдемъ такъ покушаемъ. Хайзулка, ты водку пьешь?

— Законъ не позлолялъ, мой не пилъ... А ты давалъ, мой будетъ пилъ.

— Ха-ха! Ай-да Хайзулка. Ну, гоняй своихъ ашаковъ (лошадей).

Башкиръ старался изо всѣхъ силъ, да и «ашаки» его сами дружно бѣжали, и мы не замѣтили, какъ проскочили первый большой перегонъ и въѣхали въ станицу Кундрявинскую, гдѣ уже надо было смѣнять лошадей.

Станица эта извѣстна своими двумя ярмарками, на которыхъ совершаются торговые обороты до милліона рублей. Изъ степей Средней Азіи идутъ сюда красивыя бухарскія ткани и ковры; киргизы пригоняютъ сюда цѣлые табуны степныхъ лошадей, Сибирь посылаетъ сюда свои мѣха, а средній Уралъ—свои издѣлія. Насколько жизнь кипитъ здѣсь въ ярмарочные дни, настолько станица пустынна и безжизненна въ будни. На улицѣ ни души. Даже собака не залаетъ. На всемъ лежитъ печать какой-то тяжелой, казачьей лѣни.

Я зашелъ на почтовую станцію отправить письма. До сихъ поръ не могу безъ улыбки вспомнить той напускной важности, съ которой меня встрѣтилъ почтовый чиновникъ. Боже, до чего онъ былъ важенъ! Передо мной былъ не маленькій почтовый чиновникъ захолустья, а самъ директоръ департамента. «На безлюдьи и Ѳома дворянинъ», вспомнилась мнѣ поговорка; дѣйствительно: въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ мнѣ часто приходилось встрѣчать людей, которые, чтобы отличиться отъ окружающей среды, любятъ напустить на себя важность и презрительное отношеніе къ людямъ. На одномъ изъ дворовъ я наконецъ увидѣлъ, вѣрнѣе услышалъ, людей. То были странствующіе шер-

стобиты; ихъ было двое. Подъ навѣсистой крышей сарая, въ тѣни, они прикрѣпили къ бревенчатой стѣнѣ свои нехитрые инструменты и разбивали шерсть. Равномѣрно и часто, громко раздается въ воздухѣ стукъ туго натянутой тетивы; подъ ударами струны шерсть разбивается и падаетъ съ полочки внизъ, на разостлан-

Кладбищенскія ворота въ Кундравахъ.

ный платокъ, оттуда другой шерстобитъ беретъ ее и подкладываетъ снова на тетиву. Шерстобиты эти пришли сюда изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Пока запрягали лошадей, я пошелъ осмотрѣть кладбище. Я люблю посѣщать кладбища. Если жилища и наряды невсегда отражаютъ художественный вкусъ народа, то на кладбищѣ всегда можно найти что-нибудь, вылившееся изъ души, въ видѣ особенныхъ крестовъ, надгробныхъ памятниковъ и строеній. Увы, здѣсь

я ничего не нашелъ; здѣсь все было прилизано, гладко, ровно и некрасиво. Только громадныя ворота, столбами для которыхъ служатъ двѣ широчайшія башни, напоминаютъ древне-русскій стиль.

Уже темнѣло, когда мы поѣхали дальше. Ямщикомъ нашимъ оказался маленькій клопъ, десятилѣтній башкиренокъ Шакирка. Онъ бойко сидѣлъ на облучкѣ и, оборачиваясь, весело посматривалъ на насъ своими дѣтски-простодушными глазами. Этотъ ребенокъ долженъ былъ доставить насъ на слѣдующую станицу, за двадцать пять верстъ, и ночью же возвратиться обратно. Только у башкиръ я и встрѣтилъ такихъ расторопныхъ, смѣлыхъ возницъ.

Шакирка.

— А гдѣ твой отецъ?— спросилъ я башкиренка.

— Ѣхалъ туда, — указалъ онъ впередъ,—большой синовникъ таскалъ, мы его стрѣчалъ...

Это значило, что отецъ его повезъ какого-то большого чиновника,—а можетъ быть и небольшого, потому что въ глазахъ башкира всякая кокарда на шапкѣ обозначаетъ большого чиновника,—и на обратномъ пути долженъ намъ встрѣтиться.

— Дома никого изъ мужчинъ не осталось, женщинѣ грѣхъ показываться чужому мужчинѣ, вотъ и посылаютъ такихъ малышей,—разсказывалъ мой спутникъ.—А напрасно. Дорогу-то онъ знаетъ, и довезетъ хорошо, а мало ли что можетъ случиться въ дорогѣ непредвидѣннное. Былъ у насъ однажды такой случай. Пошли мы на охоту. Бродимъ по лѣсамъ, пострѣли-

ваемъ птицу, да посматриваемъ, не попадется ли сайгакъ (дикій козелъ); много ихъ здѣсь водится, ближе къ степи. Идемъ мы глухимъ мѣстомъ, только вдругъ слышимъ: — не то звѣрь диковинный кричитъ, не то человѣкъ плачетъ. Побѣжали на этотъ крикъ. Ревъ такъ и разносится по лѣсу. Вышли на лѣсную дорожку, смотримъ: что же? Стоитъ на дорогѣ, ближе къ краю, большая телѣга, на какихъ у насъ перевозятъ снопы, длинная, широкая, рогатая такая, — запряженная лошадью, а въ телѣгѣ стоитъ башкиренокъ, вотъ такой же карапузъ, какъ и этотъ, и кричитъ благимъ матомъ. Сразу и не поняли, въ чемъ дѣло; чего тебѣ, спрашиваемъ. Оказалось что же? Послали его изъ коша въ деревню верхомъ, за телѣгой: мальчишка съѣздилъ, запрягъ лошадь въ этотъ дилижансъ, и какъ ни въ чемъ не бывало поѣхалъ въ кошъ. А дорожка-то узкая, лѣсная: лошадь какъ-то свернула чуть-чуть въ бокъ, телѣга-то и зацѣпилась переднимъ угломъ за громадное дерево. Лошадь остановилась: телѣга не поддается, дерева не своротишь, а башкиренокъ бился-бился, видитъ — ничего не выходитъ, и давай ревѣть. Полдня простоялъ въ лѣсу, проревѣлъ, а телѣги не бросаетъ. Еслибъ не мы, сидѣть бы ему до вечера.

Ночь была темная, хоть глаза выколи; темноту усиливали деревья, стоявшія по обѣимъ сторонамъ дороги; но лошадки бѣжали дружной рысцей, неугомонный колокольчикъ болтливо звенѣлъ на всѣ лѣса. Несомнѣнно, лошади сами хорошо знали эту дорогу, но Шакирка все время всматривался впередъ. Что видѣли его глаза въ этой темнотѣ? Однообразіе ѣзды и тьмы начало навѣвать дремоту; мой спутникъ тоже дремалъ. Такъ прошло много времени, когда вдругъ мы услышали громкій голосъ Шакира и впереди отвѣтный голосъ мужчины. Карандасъ остановился. Разговаривали по-башкирски.

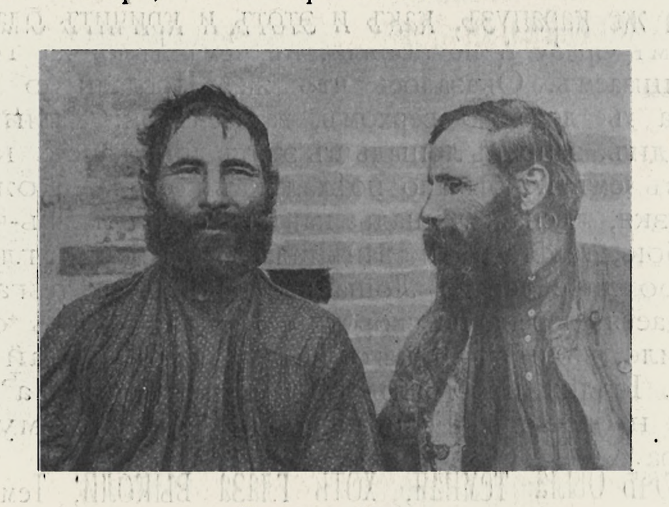
— Мой тятька ѣзжалъ, — объяснилъ Шакиръ.

— Это ты, Абдулка?—спросилъ промышленникъ.— Здравствуй!..

— Это мой, мой!.. Здраста, здраста!..

Отецъ съ сыномъ о чемъ-то спорили; отецъ говорилъ настойчиво, а въ голосѣ мальчика слышались слезы. Наконецъ, отецъ гнѣвно крикнулъ: «айда домой!», Шакирка покорно слѣзъ съ облучка, а на мѣсто его усѣлся Абдулъ.

— Зачѣмъ гоняешь ребенка ночью,— вступились мы за Шакира;—пять верстъ вѣдь осталось...

Типы нагайбаковъ.

Но у башкира были свои основанія. Отсюда Шакиркѣ ближе будетъ до дому;—разсуждалъ онъ,—нежели оттуда; а возвращаться ему оттуда все равно пришлось бы ночью, потому что къ утру нужны лошади отвозить почту въ Міясъ, поэтому онъ и взялъ на себя болѣе трудную задачу, а мальчика отправилъ домой. Бѣдный Шакирка сѣлъ въ отцовскій экипажъ и темной ночью, глухимъ лѣсомъ поѣхалъ одинъ-одинешенекъ домой. А если онъ гдѣ-нибудь зацѣпится осью за дерево, то простоитъ и будетъ ревѣть до утра.

Чтобы сколько-нибудь утѣшить огорченнаго ребенка, я далъ ему на чай..

Мы поѣхали дальше съ Абдулкой, и черезъ часъ въѣхали въ станицу, погруженную въ глубокій сонъ. Это была станица Ключевская.

— Здѣсь живутъ «бакалы»,—сказалъ спутникъ.

— Что за «бакалы», — удивился я. — Занятіе ихъ особенное, что ли?

— Обыкновенные хлѣбопашцы, а народъ-то особенный: ни татары они, ни башкиры, ни киргизы, а просто: бакалы. Бабы носятъ вышивные кокошники съ рожками, а мужики—кафтаны; православные, а молятся чортъ знаетъ по-каковски! По-своему какъ-то. И всѣ пьяницы. Уморительный народъ.

Насколько мнѣ было извѣстно, на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе въ Россіи, нѣтъ народа подъ именемъ «бакаловъ»; несомнѣнно, это было мѣстное названіе; но кто же они?

— А тамъ за горами, около Бердяуша есть тоже народъ въ родѣ этого, только немножко непохожіе; тѣ называются «баты»,—продолжалъ промышленникъ.

Въ лексиконѣ народовъ «баты» тоже отсутствуютъ.

Когда совсѣмъ разсвѣло, мы въѣхали въ село и я началъ разспрашивать бакаловъ, кто они такіе; и никто не зналъ.

— Я — бакалятникъ, — отвѣчалъ спрашиваемый, и больше ничего не могъ сообщить. И не мало помучился я, прежде чѣмъ узналъ настоящее, этнографическое названіе этого народа. Узналъ это я отъ мѣстнаго батюшки, который тоже былъ изъ бакалятниковъ.

— По ученому названіе наше *нагайбаки*,—сказалъ онъ,—а вотъ откуда мы происходимъ и какого племени—этого сказать не могу. Должно быть, что-нибудь монгольское, потому что языкъ сильно смахиваетъ на башкирскій.

Наконецъ-то я разыскалъ этотъ заброшенный, вымирающій народецъ, о которомъ мало кто и знаетъ

на Уралѣ. Когда я спрашивалъ въ Уфѣ у одного интеллигента, гдѣ живутъ нагабайки, онъ мнѣ отвѣтилъ, разводя руками:

— Хоть убейте, не знаю.

Я зналъ, что нагайбаки живутъ въ оренбургской степи; но степь эта очень широка, а народъ очень немногочисленный: нагайбаковъ всего на земномъ шарѣ не больше двухъ-трехъ тысячъ семействъ. Нагайбаки представляютъ изъ себя смѣсь башкиръ съ татарами, преимущественно астраханскими. Когда-то воинственный народъ, башкиры пользовались милостями московскихъ царей, потому что Башкирія, называвшаяся тогда Уфимскимъ воеводствомъ, служила для Россіи оплотомъ отъ нападеній полчищъ астраханцевъ - узденей. Чтобы положить преграду наступательному движенію узденей въ богатый край и далѣе въ Россію, русскіе начали строить «остроги», городки и крѣпости, и ввѣрили защиту ихъ башкирамъ. Главою своей башкиры избрали одного изъ родоначальниковъ, нѣкоего Нагай-бака. Башкиры побѣдоносно отразили врага и прогнали его за Уралъ. Побѣдители были взысканы милостями московскихъ царей, за ними укрѣплены были земли всего края, но вслѣдъ затѣмъ у нихъ стали поселять инородцевъ съ Волги и прилегающихъ

Старая нагайбачка.

мѣстъ; смѣшавшись съ этими пришельцами, башкиры и превратились въ нагайбаковъ. Впослѣдствіи, изъ нихъ образовали полки казаковъ, переселили въ оренбургскій край и объявили ихъ православными. Но прежней своей магометанской вѣры нагайбаки не бросили, а считались христіанами лишь по записи. Изъ-за нежеланія своего отказаться отъ старой вѣры, нагайбаки не мало перенесли притѣсненій отъ мѣстныхъ правителей, но и до сихъ поръ православными они считаются лишь номинально; вѣрнѣе,—они не христіане, и не мусульмане: въ религіозныхъ убѣжденіяхъ у нихъ какая-то смѣсь; но съ изданіемъ новаго закона о свободномъ переходѣ изъ православія обратно въ магометанство, нагайбакамъ предоставляется возможность выбрать себѣ религію по своей совѣсти. Въ настоящее время нагайбаки входятъ въ составъ уральскаго казачьяго войска, считаются казаками и, какъ и русскіе казаки, носятъ фуражки съ синимъ околышемъ и кокардой.

Нагайбакъ средняго роста, сухощавъ, фигура нѣсколько неуклюжа; густые жесткіе волосы черны, какъ смоль, щели глазъ узкія, а лицо округлено настолько, что монгольская скулатость сильно скрывается; въ общемъ, это лицо топорно-грубое: въ немъ нѣтъ той симпатичной мягкости выраженія, которая такъ часто украшаетъ лицо башкира. Нарядъ нагайбака ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго костюма русскаго казака; но за то женщины до сихъ поръ сохранили свои старинные наряды и сберегли свои узоры и краски. Въ особенности своеобразенъ ихъ кокошникъ. Это чепчикъ, съ широко-выдающейся впередъ и въ стороны тульей; сверху тулья прикрывается узорчатымъ платкомъ; на виски отъ тульи спускаются особыя пришивки, въ видѣ наушниковъ. Такой расширенный кверху головной уборъ придаетъ женской головѣ своеобразную форму, которая и напоминаетъ инымъ «рожки». Тулья обыкновенно зеленая; по это-

му фону позументомъ вышитъ узоръ, обыкновенно изъ ломаныхъ линій и квадратиковъ; закругленныхъ линій въ узорѣ мало. На пришивкахъ, спускающихся на виски, узоръ болѣе мелкій, а весь передній край кокошника оторочен цвѣтнымъ шнуромъ. Въ отличіе отъ башкиръ, нагайбѣки любятъ мелкій, прямо-

Дѣти нагайбаковъ.

линейный узоръ, въ особенности клѣточку. Платье женщины шьютъ изъ матеріи собственнаго тканья: обыкновенно, на темно-розовомъ фонѣ свѣтло-зеленыя прожилки; такое платье не больше, какъ рубаха, перехваченная поясомъ, а спереди украшенная неизмѣннымъ передникомъ; на груди платье имѣетъ поперечныя, разноцвѣтныя полосы, и на этомъ мѣстѣ нагайбачки носятъ громаднѣйшія украшенія—монисты, въ родѣ ожерелья. Это ожерелье состоитъ изъ старин-

ныхъ серебряныхъ монетъ; есть здѣсь рубли, полтинники, даже пятиалтынные, есть монеты русскія, арабскія, персидскія, даже китайскія; первый рядъ монетъ прикрѣпленъ къ ошейнику, который и надѣваютъ на шею, затѣмъ остальные ряды, расширяющіеся книзу, такъ что мониcты покрываютъ всю грудь, пришиты

Изба нагайбака.

къ подкладкѣ-нагруднику. Такія монисты передаются изъ рода въ родъ, и происхожденія стариннаго, несомнѣнно башкирскаго: новыхъ не дѣлаютъ. Въ ушахъ серьги тоже изъ монетъ. Вообще нагайбачка любитъ украсить себя, и даже края и лацканы сѣраго азямя, любитъ вышить узорной зеленой оторочкой.

Благодаря страшной лѣни и пьянству, которое развилось у нагабйковъ со времени записи въ христі-

анство, они живутъ въ страшной нищетѣ. Богатѣйшія земли лежатъ невоздѣланными, а жилища почти полуразрушены. Избушка нагайбака донельзя маленькая, покривившаяся, зачастую съ дырявой крышей, съ однимъ окномъ, вросшимъ въ землю. Такая избушка построена обыкновенно не на фундаментѣ, а прямо

Церковь нагайбаковъ.

на землѣ; между тѣмъ рядомъ сложенъ цѣлый заборъ изъ плитняка. Дворъ небольшой, съ навѣсомъ, подъ которымъ стоятъ телѣги и прочій скарбъ; навѣсъ этотъ представляетъ изъ себя узкую крышу: на рѣдко поставленныя жерди въ безпорядкѣ наброшена солома, кое какъ прижата сверху, все здѣсь дѣлано не хозяйственно, на скорую руку; солома сыплется межъ жердей, въ крышѣ видны дыры, на дворѣ стоятъ во-

нючія лужи, а нагайбаку и горя мало. Было бы какое-нибудь подобіе крыши, и ладно. Иногда на крышу просто навалена земля, и тогда на ней хоть корову паси: тамъ вырастаетъ роскошная трава; но часто встрѣчаются избушки съ прямой земляной крышей, на которой вырастаетъ двухаршинная трава; есть тамъ и конскій щавель, и медуница; желтые одуванчики, и синіе васильки. Внутри избы грязно, тѣсно, темно и неуютно. Дѣти едва одѣты и ѣдятъ кое какъ.

Главная причина неурядицы и нищеты нагайбаковъ—пьянство. Они были насильно обращены усердными миссіонерами въ христіанство; но, забросивъ старую вѣру, отъ новой они не получили ничего, кромѣ возможности пить вино. Христіане они лишь номинально; христіанскихъ идеаловъ они себѣ не усвоили; убѣжденія совѣсти никому не могутъ быть навязаны насильно; утративъ исламъ, они вмѣстѣ съ нимъ потеряли принципы нравственности и сдерживающія правила жизни, и превратились въ язычниковъ. Правда, у нихъ есть своя церковь, но одной цѣльной религіи въ душѣ у нихъ нѣтъ: они сбиты съ толку, и молятся, какъ говорится, двумъ богамъ. Въ нагайбакѣ башкирское племя претерпѣло еще одну стадію измѣненія. Чистый, древній башкиръ сначала отатарился, потомъ въ лицѣ нагайбака обрусѣлъ. Новая вѣра дала нагайбаку возможность вступать въ бракъ съ православными, и теперь нагайбакъ—чистый метисъ, т.-е. смѣсь двухъ различныхъ расъ. Разрѣшеніе пить вино привело этотъ маленькій народецъ къ вырожденію, и теперь нагайбаковъ изъ года въ годъ становится все меньше и меньше.

Мнѣ случилось видѣть среди нихъ повальное пьянство. Вся деревня гуляла, безразсудно, некрасиво, оглашая воздухъ неистовыми криками, русской бранью; нахальной развязности и пьяной удали здѣсь было хоть отбавь. Ничего подобнаго не видѣлъ я среди сородичей ихъ — башкиръ. Женщины ходили съ бу-

тылками водки за пазухой, мужчины пили на открывомъ воздухѣ, въ присутствіи дѣтей... Несчастный, сбитый съ толку народъ. Отсюда я уѣзжалъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, какого никогда не испытывалъ въ своихъ скитаніяхъ по Россіи.

Отсюда я проѣхалъ въ казачьи станицы, расположенныя по восточному склону Уральскаго хребта и

Казацкая станица.

частью на югъ отъ него. Край этотъ называется землей оренбургскихъ казаковъ, на югѣ граничитъ землей уральскаго казачьяго войска, на западѣ — Уральскимъ хребтомъ, заселеннымъ русскими, башкирами, тептярями; на востокѣ и юго-востокѣ онъ переходитъ въ киргизскія степи. Здѣсь ровныя, степныя мѣста, перерѣзанныя рѣдкими, мелкими рѣками, изъ которыхъ самыя большія: Увелька, Уй и частью Уралъ. Есть

немногочисленныя озера, изъ которыхъ добываютъ соль. Ближе къ хребту находятся богатыя мѣсторожденія золота, золотые пріиски, куда и лежалъ ближайшій мой путь. Переходъ къ степи начинается незамѣтно; по восточному склону Уральскаго хребта нѣтъ тѣхъ многочисленныхъ уваловъ, которые на далекое разстояніе волнуютъ рельефъ западнаго склона; низкорослый, лиственный лѣсъ разступается здѣсь для того, чтобы дать мѣсто полямъ, и незамѣтно переходитъ въ кустарникъ. Станицы встрѣчаются все рѣже и рѣже, лѣса все меньше, а открытыхъ мѣстъ больше, наконецъ, лѣсъ совсѣмъ исчезаетъ, а впереди открывается широкая, гладкая степь.

Была уже осень. Минувшее лѣто было дождливое, хлѣба поздно созрѣли, поля стояли не убранными. Въ сентябрѣ выдались хорошіе дни, и на поляхъ кипѣла спѣшная работа. Лѣса сильно пожелтѣли и покраснѣли, сыпался листъ. Но скучна осенняя ѣзда по изрытымъ колеями степнымъ дорогамъ; глазу не на чѣмъ остановиться, здѣсь все однообразно и вяло. Однажды, проѣзжая однимъ изъ такихъ жидкихъ лѣсковъ, мы увидали сайгака. Это дикій козелъ, обитатель степей; по цвѣту онъ настолько сливался съ окружающей окраской, что его трудно было различить.

— Смотрите, смотрите!—оживленно говорилъ мой спутникъ; глаза его просто горѣли. Карантасъ остановился.—Вѣдь это молодой козелъ!

Долго я всматривался, и, наконецъ, только по формѣ, а не по цвѣту увидѣлъ на фонѣ оранжевой листвы такого же, почти оранжеваго, козла. Онъ стоялъ, повернувъ къ намъ гордую голову, и вытянувъ ее, нюхалъ воздухъ; потомъ, сдѣлавъ легкій прыжокъ почти вверхъ, и легкимъ спокойнымъ галопомъ, перерѣзавъ намъ въ нѣсколькихъ саженяхъ дорогу, умчался чрезъ открытую поляну въ лѣсъ. Мой спутникъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

—Фу ты, оказія!—волновался онъ—Ружья-то нѣтъ!

Изъ-подъ носу убѣжалъ, а! Это просто скандалъ! Говорили вѣдь, что въ этомъ мѣстѣ перебѣгаютъ козлы, нѣтъ вѣдь: ружья не догадался взять. Ахъ ты, Царица Небесная!..

Конечно, въ догонку козлу мы пустили револьверныя пули; но козелъ даже не обратилъ на нихъ вниманія. Высмѣялъ насъ. Это еще больше раздражило моего спутника и онъ долго не могъ успокоиться.

Оренбургскіе казаки.

— А какіе у васъ тутъ еще звѣри водятся?—спрашивалъ я.

— Какіе тутъ звѣри! Одинъ козелъ-сайгакъ и есть; въ старину большая охота на нихъ была, и охотники особые на нихъ были; назывались—сайгачники. А теперь козелъ этотъ рѣдокъ: выводится. А вотъ сурковъ у насъ сколько угодно: все больше и больше становится. Такая плодовитая тварь! Низачто не вывести. Всѣ поля портитъ, урожаи съѣдаетъ, а никакого средства на него нѣтъ. Птицы у насъ много: въ перелѣскахъ водятся куропатки, тетерева, а въ степи дрофа. Держится она больше въ ковылѣ; осторожная, а

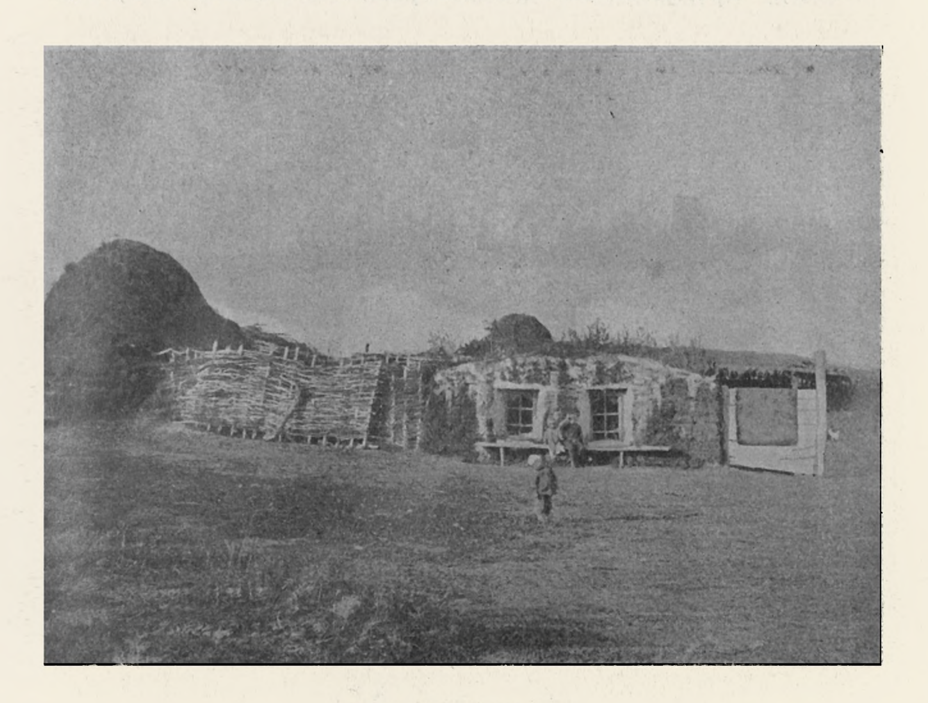
глупая птица: охотникъ всегда обманетъ. Извѣстно, есть изъ-за чего и охотиться, потому—птица крупная, величиной съ индюшку. Прямо къ себѣ она низачто не подпуститъ на ружейный выстрѣлъ, поэтому охотникъ обманываетъ ее. Прямо къ ней онъ не ѣдетъ, а начинаетъ кружить, подходитъ къ ней кругами. Сначала ѣдетъ делеко, а потомъ круги дѣлаетъ все меньше и меньше; глупой птицѣ все кажется, что охотникъ ѣдетъ мимо, и подпуститъ она его на выстрѣлъ, а ему только этого и надо: остановился, выстрѣлилъ, и дѣлу конецъ.—Около озеръ у насъ водится много всякой водяной птицы: есть и утки, и гуси, и лебеди... А рыбы у насъ мало. Уральскіе казаки перегородили рѣку Уралъ плотинами и нарочно не пускаютъ сюда рыбы. Такіе жадные. А въ степныхъ рѣчкахъ рыба самая пустячная.

Оренбургскіе казаки, въ отличіе отъ донскихъ, терскихъ и кубанскихъ, даже сибирскихъ казаковъ, не представляютъ изъ себя племенной цѣльности. Это смѣсь выходцевъ изъ Россіи и степей; здѣсь смѣшались воедино донскіе казаки, солдаты петровскихъ временъ извнутри Россіи, калмыки, башкиры, мещеряки, малороссы. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ до сихъ поръ сохранили свою этнографическую физіономію и особенность, но большинство перемѣшалось и получился одинъ общій типъ казака, иногда съ угловатыми выпуклостями лица, зачастую съ косыми разрѣзами глазъ и почти всегда съ грубоватымъ, жесткимъ выраженіемъ лица. Эти сборные войска долгое время были авангардомъ Россіи, высланнымъ сюда для обузданія и покоренія какъ башкиръ, такъ и средне-азіатскихъ кочевниковъ; въ даръ за свою службу они получили въ собственность земли, отнятыя отъ инородцевъ, и въ 1755 г. за ними офиціально была признана площадь земли около 12.000.000 десятинъ. Въ то же время, за всѣ льготы и награды, они должны были во всякое время поставлять государ-

ству войско, и теперь они обязаны выставить въ мирное время шесть, а въ военное—восемнадцать полковъ, съ офицерами и лошадьми. Такимъ образомъ казачество, не превышающее 400.000 душъ, изъ-за дарственныхъ земель, которыхъ оно не можетъ разработать и на половину, несетъ крайне тяжелую воинскую повинность; и теперь, когда отъ прежнихъ кочевниковъ нѣтъ никакой опасности, казаки продолжаютъ нести свою тяжелую службу внутри имперіи и на войнѣ. По образу жизни и занятіямъ казакъ — тотъ же русскій крестьянинъ. Главное его достояніе, средства къ жизни — это пашня. Но съ самыхъ пеленокъ онъ уже считается воиномъ и, достигнувъ совершеннолѣтія, въ любую минуту можетъ быть призванъ къ службѣ. Извѣстное число лѣтъ каждый казакъ проводитъ на дѣйствительной службѣ, затѣмъ выходитъ въ продолжительный запасъ и выходитъ въ отставку лишь на 50-мъ году жизни. Ясно, что такая всеобщая воинская повинность, отрывая отъ пашни лучшія, молодыя силы, подрываетъ благосостояніе казаковъ и дѣлаетъ изъ нихъ, несмотря на обиліе земель, плохихъ и бѣдныхъ земледѣльцевъ. Земля есть, а разработать ее нѣтъ силъ. Слишкомъ дорого обходится имъ эта дарственная земля.

Казачка.

Казачье населеніе управляется своимъ внутреннимъ распорядкомъ. Земля считается общей и дѣлится поровну, по числу душъ. Нѣкоторыя земли предоставлены киргизамъ и въ частное владѣніе, и составляютъ доходъ всей общины. Въ особенности большой доходъ даютъ золотоносныя площади. Общинное начало гос-

Общій видъ жилища.

подствуетъ вездѣ; казакъ до тѣхъ поръ владѣлецъ своей половины, пока она засѣяна: урожай снятъ, и земля уже принадлежитъ общинѣ, которая распредѣляетъ ее согласно своимъ обычаямъ. На средства казачества содержатся разныя войсковыя учрежденія, находящія въ землѣ войска: больницы, школы и пр. Станицы и поселенія выбираютъ себѣ волостного атамана, а старшимъ начальникомъ войска является вой-

сковой атаманъ, живущій въ Оренбургѣ. Тамъ же находится главное войсковое управленіе.

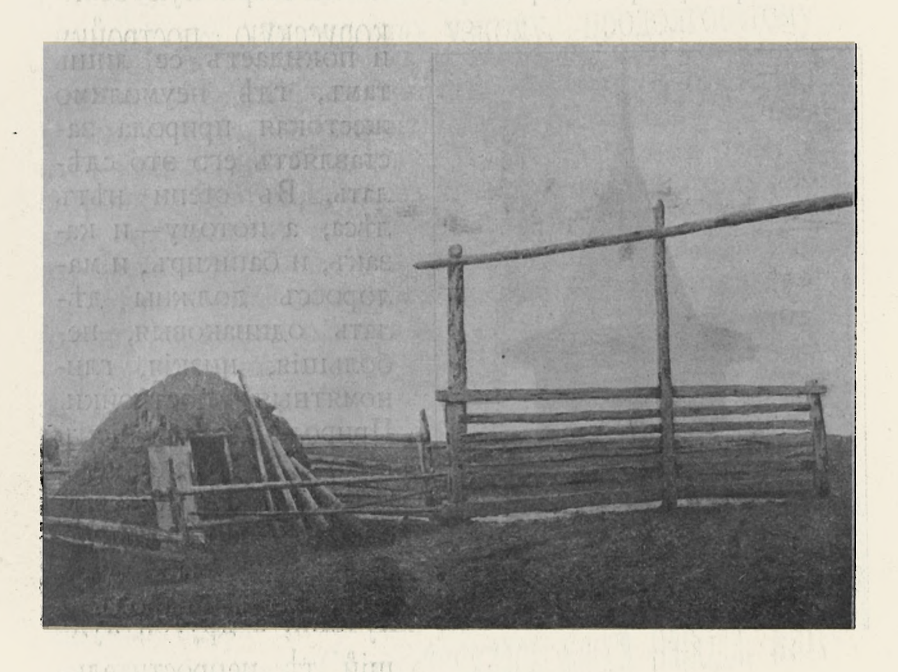
Станицы и поселенія казаковъ имѣютъ довольно невзрачный видъ. Въ мѣстахъ, болѣе близкихъ къ лѣсамъ, въ станицахъ еще можно увидѣть бревенчатыя избы, чередующіяся съ лачужками бѣдняковъ; но

Изба казака.

чѣмъ глубже въ степь, тѣмъ лѣса меньше, и зачастую все поселеніе сплошь состоитъ изъ мазанокъ, еще болѣе низкихъ, чѣмъ башкирскія. Надворныя постройки, даже у богатыхъ казаковъ, дѣлаются изъ хвороста. Избы въ общемъ небольшія, низкія, постройка та же великорусская. Здѣсь въ степи, гдѣ почва черноземная или песчаная, не зачѣмъ строить тѣхъ высокихъ избъ, которыя строятся внутри Россіи, гдѣ почва гли-

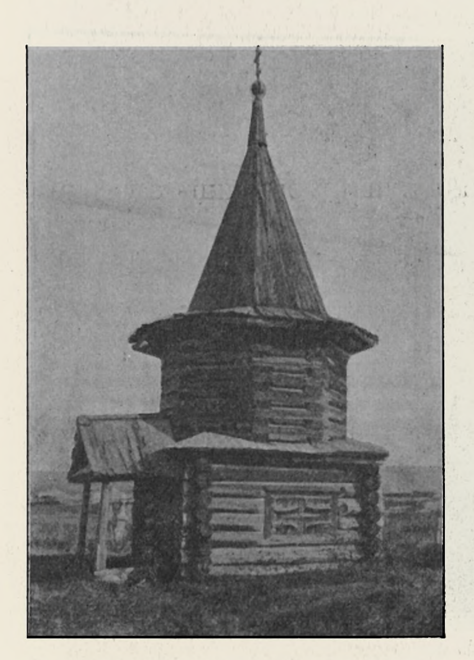
нистая; наоборотъ, здѣсь сильно углубляютъ землю и надъ ямой строятъ избу. Чѣмъ изба ниже, тѣмъ она теплѣе, потому что сильный степной вѣтеръ не такъ обдуваетъ ее; но ясно, насколько такая изба негигіеничнa и темна. Географическія условія, вѣтры, рельефъ мѣстности, лучи солнца, количество влаги въ

Поскотина въ степи.

воздухѣ—мѣняютъ все: мѣняютъ типъ лица, нравы, обычаи, занятія, постройки... и трудно признать въ казакѣ нынѣшняго великоросса; но отдѣльныя племенныя черты, перенесенныя на другую почву, мѣняются не сразу и держатся очень долго. По этимъ чертамъ, иногда едва уловимымъ, этнографъ и можетъ опредѣлить племенное происхожденіе человѣка. Самой живучей чертой человѣка является его художественный вкусъ, который проявляется въ немъ не-

смотря ни на какія климатическія измѣненія. Башкиры напр., народъ очень древній, подъ вліяніемъ условій потеряли свой первоначальный типъ, свой говоръ, многіе обычаи и нравы, но до сихъ поръ сохранили свой старинный калябашъ и свои узоры; казакъ до сихъ поръ упорно держится за свою старинную великорусскую постройку и покидаетъ ее лишь тамъ, гдѣ неумолимо жестокая природа заставляетъ его это сдѣлать. Въ степи нѣтъ лѣса, а потому—и казакъ, и башкиръ, и малороссъ должны дѣлать одинаковыя, небольшія, низкія, глиномятныя постройки. Природа съ теченіемъ вѣковъ объединяетъ всѣхъ, и тѣ, которые сѣютъ національную рознь, которые думаютъ, что ихъ народъ—лучшій, а другой худшій, тѣ непростительно грѣшатъ противъ святыхъ законовъ великой природы.

Древняя русская постройка.

Несомнѣнный признакъ великорусскаго племени я нашелъ на кладбищѣ одной изъ станицъ, именно Варламовской. Посрединѣ кладбища стоитъ церковь—часовня чистой, древне-русской архитектуры, безъ всякой примѣси некрасиваго, наноснаго византійскаго стиля. На простомъ, четырехгранномъ срубѣ поставлена восьмигранная пристройка вродѣ башни, ясно указывающая на стремленіе славянскаго племени къ высо-

тѣ, къ возвышенному, въ противовѣсъ византійскому стилю, всегда пригвождающему къ низменному, къ землѣ. Надстройка эта оканчивается неширокимъ карнизомъ, защищеннымъ сверху лучиной, а дальше подымается высокій куполъ въ видѣ четырехгранной пирамиды, почти равный по высотѣ самому срубу церкви. Впереди крылечко, подпираемое двумя рѣзными колоннами, съ боковъ по узкому, продолговатому окну; внутри церковь мала и темна, но очень высока. Духъ человѣческій не прижатъ, не прикованъ здѣсь къ землѣ, какъ въ византійскихъ церквахъ, а стремится кверху, къ божеству. Такія старинныя, русскія постройки, вылившіяся изъ души, говорящія о духовныхъ стремленіяхъ и художественномъ вкусѣ народа, сохранились лишь на нашемъ далекомъ сѣверѣ. Ихъ я встрѣчалъ въ Олонецкомъ и Архангельскомъ краяхъ. Только по этимъ остаткамъ старины и можно судить о художественныхъ вкусахъ и стремленіяхъ духа славянскаго племени.

Большія селенія—заводы представляютъ изъ себя смѣсь всѣхъ племенъ и народовъ. Такими являются Міясъ и Качкаръ. Здѣсь городскія постройки, городскіе костюмы. Только монгольскіе народы еще удерживаютъ свой костюмъ, свой стиль. Качкаръ—это большое поселеніе, окруженное степями. Разрослось оно благодаря тому золоту, которое найдено было въ окрестностяхъ. Сюда стекалась масса народа, ищущаго заработка и богатства. Прежде здѣсь было до 25000 жителей, теперь же, съ паденіемъ золотопромышленнаго дѣла, ихъ убавилось до 15000. Населеніе состоитъ изъ казаковъ и татаръ; есть здѣсь нѣсколько и еврейскихъ лавокъ. Но въ базарные дни здѣсь можно увидѣть и башкира, и киргиза, и усатаго малоросса. Качкаръ торговый центръ. Чрезъ него проходятъ громадные обозы съ хлѣбомъ и азіатскими товарами, направляясь къ желѣзной дорогѣ, отъ которой они отправляются: направо въ Сибирь, а налѣво

въ Россію. На громадной базарной площади, какихъ не увидишь ни въ столицахъ, ни въ нашихъ губернскихъ городахъ, продаются табуны киргизскихъ лошадей, стоятъ громаднѣйшія, длиннѣйшія телѣги, нагруженныя хлѣбомъ, запряженныя волами; дальше стоятъ навьюченные верблюды. Здѣсь же продаютъ

Перевозка ржи.

арбузы по пятіалтынному десятокъ, и другія овощи. Русскія телѣги перемѣшались съ киргизскими плетеными арбами. По базару бродятъ досужія свиньи и усиливаютъ общую суетню. Когда закончатся дневныя заботы, къ вечеру городокъ словно вымираетъ: темно, грязно, нѣтъ ни души. Въ сумерки воздухъ оглашается ревомъ возвращающагося скота. За селеніемъ, гдѣ начинается степь, устроена большая заго-

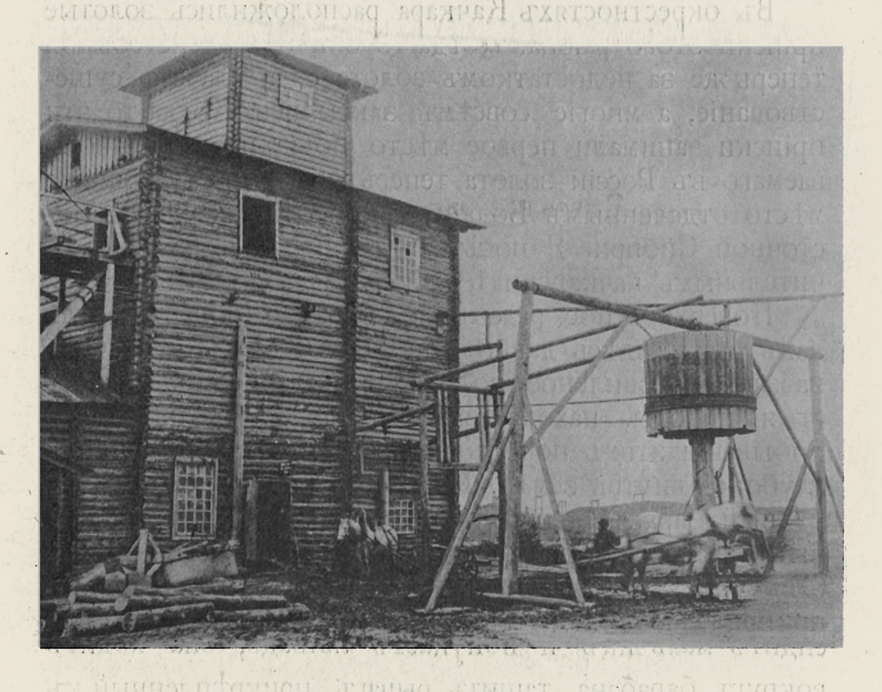
родь; туда загоняютъ весь скотъ. Казачки съ подойниками въ рукахъ идутъ туда доить коровъ. Надъ скотбищемъ съ громкимъ карканьемъ носится громадная стая воронъ, еще не усѣвшихся на гнѣзда. Потомъ казачки уходятъ съ полными подойниками, степь замираетъ, а вмѣстѣ съ ней и весь городокъ.

Въ окрестностяхъ Качкара расположились золотые пріиски этого раіона. Когда-то они благоденствовали, теперь же за недостаткомъ золота едва влачатъ существованіе, а многіе совсѣмъ закрылись. Когда-то эти пріиски занимали первое мѣсто по количеству добываемаго въ Россіи золота, теперь же они уступили это мѣсто отдаленнымъ Бодайбинскимъ пріискамъ въ Восточной Сибири. Я посѣтилъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ качкарскихъ пріисковъ.

Поверхностное, разсыпное золото, бывшее въ руслахъ рѣкъ, здѣсь давно исчезло. Осталось лишь такъ называемое жильное золото, вкрапленое въ каменистыя породы, находящіяся въ землѣ. Поэтому, для добыванія этихъ породъ устраиваются шахты, идущія глубоко внутрь земли. Надъ шахтой построенъ громадный баракъ, а передъ нимъ на площадкѣ громадный барабанъ, поставленный межъ двухъ перекладинъ. Отъ оси барабана проведенъ рычагъ, къ которому припряжена лошадь; въ концѣ оглоблей на скамеечкѣ сидитъ мальчикъ и понукаетъ лошадь; она ходитъ вокругъ барабана, тащитъ рычагъ, прикрѣпленный къ оси, тѣмъ приводитъ барабанъ въ движеніе. На барабанъ намотанъ толстый канатъ, идущій внутрь шахты; вращаясь, барабанъ натягиваетъ канатъ и такимъ образомъ опускаетъ подъ землю, или подымаетъ наверхъ площадку, наполненную породой, или людьми. Это очень древнее устройство подъемной машины, теперь эту работу исполняютъ усовершенствованныя электрическія машины.

Мнѣ дали особый, мѣшкообразный костюмъ, и сѣвъ на площадку, я началъ спускаться. Непріятное чувство

испытываетъ человѣкъ, непривыкшій къ такому спуску. Подъ ногами теряется привычная, прочная почва, мчишься куда-то внизъ, въ полутемную бездну и не чувствуешь подъ собой никакой опоры. Въ безпрерывномъ, продолжительномъ стремленіи внизъ, безъ прочной почвы подъ ногами чувствуется какое-то на-

Шахта на золотомъ пріискѣ.

рушеніе физики, сразу чувствуешь себя попавшимъ въ иную стихію. Рѣдкія электрическія лампочки слабо освѣщаютъ внутренность колодца, стѣнки его мокры. Опустившись на сто шестьдесятъ аршинъ внизъ, бадья тихо остановилась. Я очутился внутри земли. Отсюда идутъ подземныя галлереи, потолки которыхъ поддерживаются подпорками, слабо освѣщенныя электричествомъ. Здѣсь прохладно, душно и сыро. Въ этой

сырой полутьмѣ кое-гдѣ копошатся черныя тѣни людей; по проложеннымъ рельсамъ бѣгутъ вагонетки, нагруженныя кусками породы. Слышенъ заглушенный шумъ. Въ одномъ мѣстѣ рабочіе сверлятъ дыры для закладки динамита, чтобы взорвать породу, въ другомъ просто откалываютъ кирками камень; другіе рабочіе укладываютъ куски въ телѣжки, третьи отвозятъ ихъ къ выходу, къ бадьѣ. Со скрипомъ поднимается бадья и выноситъ на воздухъ содержащую золото породу. Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта каторжная работа. Безъ воздуха, безъ свѣта люди проводятъ здѣсь почти весь день, и работаютъ такъ изъ года въ годъ. Здѣсь настоящая каторга. Мрачные, грязные, люди бродятъ здѣсь вродѣ какихъ-то проклятыхъ тѣней изъ подземнаго царства Плутона; не достаетъ лишь необходимой барки Харона, перевозящей грѣшниковъ въ это царство,—тогда легенда древнихъ грековъ о подземномъ адѣ была бы полной дѣйствительностью. И въ самомъ дѣлѣ: подземная работа въ шахтахъ—это адъ, которымъ наказаны люди за свои надземные грѣхи; люди еще при жизни побывали въ аду. Одинъ разъ въ день они выходятъ изъ нѣдръ земли на божій свѣтъ, мокрые, чумазые, усталые; подышатъ одинъ часъ чистымъ воздухомъ, подкрѣпятся ѣдой и опять спускаются въ свой адъ, съ тѣмъ, чтобы выйти изъ него только къ вечеру, когда дневной свѣтъ уже погасаетъ. Пробывъ два часа подъ землей, осмотрѣвъ разныя галлереи, выработанныя и вновь прокладываемыя, и вдоволь наглотавшись подземной сырости, я почувствовалъ страшную жажду скорѣе увидѣть божій свѣтъ. Кажется — самая простая, обыкновенная вещь—свѣтъ; на него мы не обращаемъ вниманія, принимая его за нѣчто неизбѣжное, должное, надъ чѣмъ и задумываться не станешь; а между тѣмъ, только побывавъ въ этихъ темныхъ, кротовыхъ норахъ, въ незнакомой враждебной стихіи, поймешь цѣну свѣта и начнешь имъ дорожить. И ждешь-недождешься, когда

воротъ подыметъ тебя наверхъ, когда кончится эта кромѣшная тьма. Подобное чувство я испыталъ однажды во время солнечнаго затмѣнія. Закрылось солнце, день погасъ, потемнѣло, и на душѣ стало непріятно и жутко. Думалось: что будетъ, если солнце никогда не откроется? Конечно, этого не могло случиться; но что должны были испытывать древніе люди, не знавшіе астрономіи, не чаявшіе больше увидѣть солнце! Какая паника овладѣвала ими! И можно себѣ представить то счастье, то наслажденіе жизнью, когда снова покажется свѣтъ. Вздохнулъ полной грудью и я, выбравшись наконецъ наружу, и благодарными глазами посмотрѣлъ на свѣтъ. Онъ показался мнѣ какимъ-то свѣжимъ, красивымъ, необыкновенно яркимъ и чистымъ, какъ кристаллъ.

Работы по добыванію и обработкѣ золота очень сложны; подробное описаніе ихъ заняло бы много мѣста. Добытая изъ земли руда отвозится на телѣгахъ въ дробилки; къ нимъ ведетъ высокій помостъ; наверху его, на площадкѣ находится широкая воронка-ящикъ, куда и ссыпаютъ руду; на днѣ воронки ходятъ навстрѣчу другъ другу, движимые электричествомъ, два крѣпкихъ, плоскихъ, стальныхъ зуба; попадая межъ нихъ, камень дробится: зубы крошатъ его, словно щелкаютъ орѣхи. Раздробленная порода поступаетъ въ слѣдующія дробилки, изъ которыхъ выходитъ уже въ видѣ мелкаго песка; этотъ песочекъ, содержащій въ себѣ золото, переносится въ промывныя машины. Здѣсь его пропускаютъ чрезъ движущійся грохотъ, все время поливаемый водой. Отъ сотрясенія грохота песокъ, какъ болѣе легкій, отдѣляется отъ частей, содержащихъ золото, болѣе тяжелыхъ; но чтобы получить изъ этихъ частей чистое золото, ихъ въ особомъ бакѣ подвергаютъ дѣйствію ціанистаго калія и химическимъ путемъ осаждаютъ золото на стружкѣ цинка; стружки, бывшіе до того сѣрыми, дѣлаются по виду золотыми. Ихъ переносятъ въ тигли, гдѣ и пе-

режигаютъ. Выплавленному зототу придаютъ видъ слитковъ и въ такомъ видѣ продаютъ казнѣ. Золотникъ чистаго золота цѣнится около шести рублей.

Добываніе золота въ Качкарской системѣ съ каждымъ годомъ падаетъ все ниже и ниже, и многіе частные пріиски закрываются.

— Недоходно наше дѣло стало, — разсказывалъ одинъ золотопромышленникъ, у котораго мы остановились;—золота меньше стало, розсыпи вывелись, теперь только жильное золото и есть у насъ, а добывать да обрабатывать его дорого стоитъ. Видѣли, вонъ, какія машины стоятъ. Все электричествомъ. А кругомъ пріиска работаютъ безъ всякаго электричества, по самому старинному способу, бутарами; много-ль они наработаютъ изъ руды-то! А платить всякія повинности надо, казна много беретъ съ насъ. Просто, хоть лавочку закрывай.

Дѣйствительно, другіе окрестные пріиски обходятся безъ усовершенствованныхъ машинъ, работаютъ стариннимъ способомъ, при которомъ много золота остается въ пескѣ.

Пріискъ занимаетъ довольно широкую площадь. Это рядъ какихъ-то неуклюжихъ, необыкновенныхъ, построекъ. Высокій баракъ надъ шахтой торчитъ точно призма, вблизи длинный корпусъ надъ машинами, дальше стоятъ рядомъ громадные, полукруглые чаны съ водой, а въ воздухѣ виситъ подвѣшенный на высокихъ столбахъ желобъ, по которому проведена вода за двѣ версты. Отъ пріиска тянется громадная песчаная насыпь. По ней везутъ изъ машинъ отработанный песокъ и сваливаютъ его внизъ: насыпь все растетъ и растетъ.

Невдалекѣ отъ насыпи, близь ручейка разбросаны кучки людей, трудящихся надъ какими-то насосами. Это старатели. Какъ бы ни была хорошо промыта порода, она все-таки содержитъ въ себѣ остатки золота; эти остатки дорабатываются старательскимъ способомъ. Станокъ старателя чрезвычайно простой; это

обыкновенный ящикъ, съ рѣшеткой на днѣ и полочками внизу; сверху ящикъ наполняется кусками породы, которую все время поливаютъ водой. Для этой поливки устроенъ самый простой насосъ-помпа изъ желѣзной трубы. Одна женщина все время накачиваетъ воду, двигая взадъ и впередъ насосъ, другая

Старательское добываніе золота.

шевелитъ породу лопатой, а третій мужчина все время наполняетъ ящикъ. Промытая порода вмѣстѣ съ водой выходитъ изъ станка по желобку наружу, а золото, какъ болѣе тяжелое, садится въ видѣ мелкаго порошка на дно ящика. Трудъ этотъ очень тяжелый. Въ день старатель можетъ намыть не болѣе одного золотника. Онъ сдаетъ его въ пріисковую контору, тамъ золото свѣшиваютъ по вѣсу и выдаютъ старателю его заработокъ.

Вблизи прiиска расположился городокъ рабочихъ. Мазанки ихъ похожи скорѣе на норы кротовъ, нежели на дома: до того онѣ низки, тѣсны и грязны. Земляныя крыши поросли густой травой, такъ что домики напоминаютъ рядъ зеленыхъ холмиковъ. На крышѣ лежитъ всякiй скарбъ: ведра, подойники, тряпки, кор-

Жилища рабочихъ—золотоискателей.

зины, и чего-чего тамъ нѣтъ! Дворикъ маленькiй, черный отъ грязи; въ немъ негдѣ повернуться. На дворѣ играютъ босоногiе дѣти. Одинъ изъ мальчиковъ убiйственно кашляетъ безпрерывнымъ, хриплымъ кашлемъ: у него коклюшъ. Для заразныхъ болѣзней здѣсь самая лучшая почва. Здѣсь страшная нужда.

Изъ Качкара ведетъ далѣе на югъ трактъ, идущiй изъ далекихъ киргизскихъ степей, перерѣзающiй не-

объятныя степныя пространства. По этой дорогѣ движутся изъ степей громадные обозы съ азіатскими товарами; здѣсь можно увидѣть и тяжелую, киргизскую. двухколесную арбу, и хохлацкій возъ, запряженный могучими волами, и русскую телѣгу, и навьюченнаго верблюда. Надъ степью повисла тихая, звѣздная ночь и наполнила ее массой темноты. На близкомъ разстояніи дорога хорошо видна, видны многочисленныя колеи, идущія въ рядъ, подобно рельсамъ желѣзной дороги, а дальше все полно темноты, въ которую довѣрчиво и ѣдешь. Однообразіе сонной степи начинаетъ наскучивать. Лошади бѣгутъ ровной рысью, колокольчикъ тревожитъ сонъ степи безустаннымъ звяканьемъ, тарантасъ тихо, ровно катится, что по скатерти... Хочется дремать. И десятки верстъ не то спишь, не то дремлешь, сидя въ удобномъ тарантасѣ, на мягкихъ, расписныхъ подушкахъ; сидишь въ какомъ-то отупѣніи, не чувствуя себя, откроешь иной разъ глаза, посмотришь,—все тоже: ночь длится, степь темна, – и опять задремлешь.

— Смотрите, смотрите!—вдругъ растолкалъ меня мой спутникъ.

Съ просонья я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ, тутъ же у дороги двухъ какихъ-то необыкновенныхъ, рогатыхъ чудовищъ; но это были самые простые, самые смирные волы. Запряженные въ телѣгу, съ тяжелымъ ярмомъ на шеѣ, они мирно пощипывали траву. Какъ они здѣсь могли очутиться?

— Должно быть отстали отъ обоза,—говорилъ спутникъ;—Шли позади безъ возчика и остановились отдохнуть. А можетъ быть пьяный хохолъ вывалился изъ телѣги и спитъ гдѣ-нибудь въ степи.

Не брать же намъ было съ собой чужихъ воловъ; мы поѣхали дальше. Прошелъ еще часъ скучнаго пути; уже началъ гдѣ-то слабо маячить дневной свѣтъ, когда навстрѣчу намъ выступила изъ темноты фигура хохла.

— Чи не видалы моихъ волівъ?—спросилъ онъ.

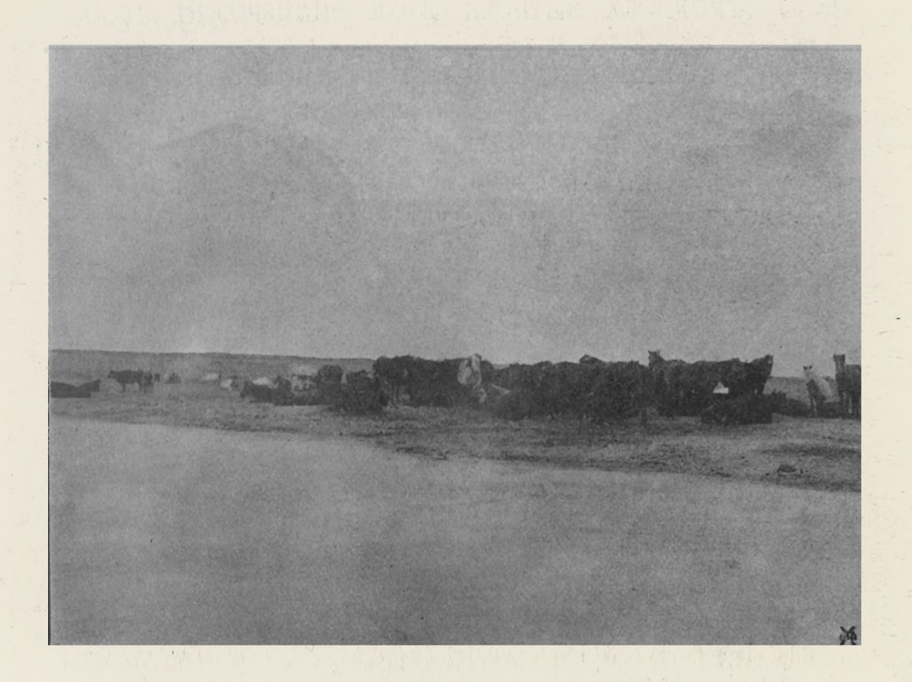
— Видали, видали.

— Дѣ-жъ воны, бісовы скоты, гуляють?

— Далеко отсюда... Верстъ десять будетъ.

— Десять!.. Огъ тоби, подивуйся! Що-жъ це таке воны тамъ поробляютъ?

— Пасутся.

Табунъ въ степи.

— Найшлы самый часъ, когда пастыся. Ото-жъ поганые скоты! Исты захотылы! Людыны спалы соби, якъ въ хаты, а воны утіклы. Гуляють по степу, якъ Марекъ по піклу. И що я стану несчастный робыты? Треба ходыты. Ото-жъ бісова скотына на світъ божій породылась!..

Разсуждая самъ съ собой и проклиная свою «бісовую скотыну», хохолъ скрылся въ темнотѣ. Ему

предстояла прогулка не менѣе десяти верстъ. На зарѣ мы нагнали громадный обозъ, возвращавшійся съ пустыми телѣгами изъ Качкара. Очевидно они выѣхали раньше насъ. Волы тихимъ шагомъ тащили громоздкія телѣги въ которыхъ дѣйствительно какъ въ хатѣ спали «людыны»; но нѣсколько человѣкъ не спало.

Обозъ въ степи. Остановка.

— Чи не видалы-жъ тамъ якихъ волівъ? — опять тотъ же вопросъ.

— За двадцать верстъ отсюда—видѣли.

Начались философскія размышленія и проклятія по адресу «бісовыхъ скотовъ».

Медленно занимается надъ степью день. Въ сѣромъ свѣтѣ его начинаетъ выдѣляться ковыль, кое-гдѣ стоитъ неубранный хлѣбъ. Выходитъ изъ-за края степи

большое, круглое солнце, сыплются лучи и будятъ степь. Она покрывается розовымъ налетомъ, словно румянцемъ, бывающимъ послѣ здороваго сна на щекахъ красавицы. Начало согрѣвать. Навстрѣчу начали попадаться казаки, ѣхавшіе на уборку полей. Впереди, въ сторонѣ отъ дороги вдругъ показался громадный обозъ. Высочайшіе возы, набитые хлопкомъ, стоятъ полукругомъ, лошади отпряжены и ѣдятъ овесъ, а обозники усѣлись на травѣ межъ возовъ, пьютъ горячій чай и закусываютъ.

— Хлѣбъ да соль, добрые люди!

— Милости просимъ. Чайку не хотите-ль?

Какъ не хотѣть его, проѣхавъ всю ночь. Но поселокъ недалеко: напьемся. И какое удовольствіе чувствуешь, когда наконецъ тарантасъ подкатитъ къ воротамъ казацкой хаты! Хочется до смерти разогнуть уставшую спину, стать на зетекшія ноги, и ходить, ходить и ходить. А завтракъ изъ яицъ, колбасы, жареной куры и чая кажется цѣлымъ пиршествомъ, ѣшь его съ такимъ аппетитомъ, какому позавидовали бы самые записные обжоры.

— Что поздно пшеницу жнете-то?—спрашиваемъ хозяина.

— Никакъ нельзя было: сильно дождило.

— А много у васъ земли-то?

— Земли полно. Четыре сынишка, я—самъ-пять, каждому на душу по тридцати десятинъ. Тому, что лежитъ въ люлькѣ, четвертый мѣсяцъ пошелъ, а тоже и на него уже положено тридцать десятинъ.

— Да вѣдь вы же не сможете обработать сто пятьдесятъ десятинъ на своей парѣ лошадей! Зачѣмъ вамъ столько земли? Вѣдь большая половина ея стоитъ подъ ковылемъ.

— А пусть стоитъ. Сколько можемъ—вспахиваемъ. А хоть много, хоть мало сѣй—все равно не родитъ наша земля. То засуха весь хлѣбъ засушитъ, то кобылка объѣстъ, то сусликъ обгрызетъ; а если дастъ

Богъ урожай,—опять бѣда: хлѣбъ такъ дешевъ станетъ, что продавши его, своихъ денегъ не выручишь. Вотъ, какая нескладная наша сторона.

Съ удивленіемъ смотришь на этого нищаго богача. У него полтораста десятинъ, а онъ почти бѣднякъ. Хата его маленькая, грязная. Въ одномъ углу на гряз-

Надворныя постройки казака.

ной постели валяется какой-то старикъ, страдающій животомъ: онъ все время стонетъ; въ другомъ—виситъ люлька, въ которой лежитъ и кричитъ благимъ матомъ казаченокъ; мать, изможденная, худая женщина, безуспѣшно укачиваетъ его. Тутъ же толпятся дѣти. Тѣсно, грязно, неуютно и неспокойно. На дворѣ хоть шаромъ покати: почти никакого хозяйства. Въ одномъ

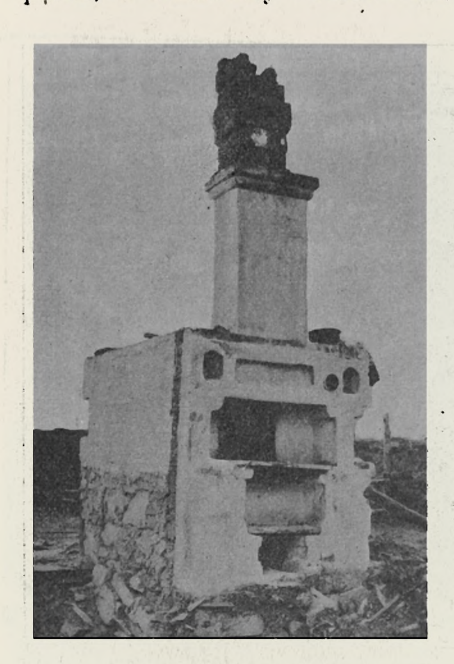
изъ угловъ стоитъ деревянный плугъ допотопнаго устройства; къ нему привязанъ телѣжный передокъ, для того, очевидно, чтобы на колесахъ легче было пахать. По двору бродитъ нѣсколько куръ. Въ сторонѣ стоитъ нѣсколько плетеныхъ пристроекъ — клѣтушекъ, ничѣмъ не связанныхъ съ избой. Всюду нехозяйствен-

Деревянный плугъ.

но и скучно. Чего-чего не сдѣлалъ бы на этихъ полутораста десятинахъ нашъ мужичекъ, у котораго и при пяти десятинахъ надѣла домъ—полная чаша. Здѣсь же всюду видна неодолимая казацкая лѣнь. Конечно, есть межъ нихъ, какъ и вездѣ, и богатые. Проѣзжая степью, можно видѣть на пашняхъ усовершенствованныя жатвенныя машины, которыя жнутъ, перевязываютъ снопъ веревкой и отбрасываютъ его въ сторону. Но такіе богачи—исключенія.

Казаки никогда не удобряютъ своихъ полей, такъ какъ навозъ идетъ на топливо. Но при обиліи земель здѣсь навозъ и не нуженъ. Стоитъ лишь вспахать цѣльную землю, лежавшую подъ ковылемъ, и тучный черноземъ даетъ обильную жатву. Хлѣба—и рожь, и пшеницу—сѣютъ здѣсь яровыми. Но большинство земель стоитъ подъ ковылемъ. Ковыль — это высокая, жесткая трава. Къ осени она достигаетъ аршина высоты. Къ зимѣ сильные вѣтры вырываютъ ее съ корня, скатываютъ въ клубья, которые и катятъ по полю. Иногда казаки соглашаются межъ собой: «давай, всполохнемъ ковыль». Тогда они зажигаютъ ковыльныя поля на десятокъ верстъ, чтобы получить изъ ковыля удобреніе, въ видѣ золы. Но дѣло это опасное. Иногда пожаръ разгорается больше, нежели ждали и доходитъ до деревень.

Остовъ печи послѣ пожара.

— Зажгли мы однажды ковыль,— разсказывалъ мнѣ казакъ,—думали новину поднять; опять же, суслика этого самаго уничтожить, кобылку извести съ корнемъ. День тихій стоялъ; былъ вѣтерокъ, да маленькій, отъ деревни. Только разгорѣлось, вѣтеръ и поверни на деревню, да такой сильный. Огненное море подошло къ деревнѣ съ одной стороны и зажгло ее. Ничего не могли сдѣлать: такъ вся деревня и выгорѣла.

Въ степи есть черноземныя земли, есть и солончаки. Лучшія земли расположились у береговъ немногочисленныхъ степныхъ рѣкъ. По Ую и притоку Уя рѣкѣ Увелькѣ можно встрѣтить пышныя поля, и даже бакчи. Малоросъ - колонистъ, «тамбукъ» (тамбовецъ) оказались трудолюбивѣе и предпріимчивѣе казака:

Стада на р. Увелькѣ.

они провели изъ рѣки къ своимъ полямъ воду и во время засухи поливаютъ ихъ. Цѣлое сооруженіе для подъема воды я видѣлъ на берегу Увельки. Громадное колесо съ черпаками приводится въ движеніе лошадью, которая ходитъ по топчаку; черпаки тащатъ воду вверхъ и выливаютъ ее въ чанъ, отъ котораго проведенъ къ бахчѣ длинный желобъ. На бахчѣ растутъ всевозможныя овощи, даже арбузы.

Увелька неширока и мелка. Въ полдневную пору по ней бродятъ стада; коровы по часамъ стоятъ въ неподвижной водѣ, наслаждаясь прохладой. Можно увидѣть здѣсь и цѣлые табуны лошадей, пасущихся безъ всякаго надзора. Вообще, скотоводство въ степи развито довольно сильно. Скотъ продаютъ на ярмаркахъ.

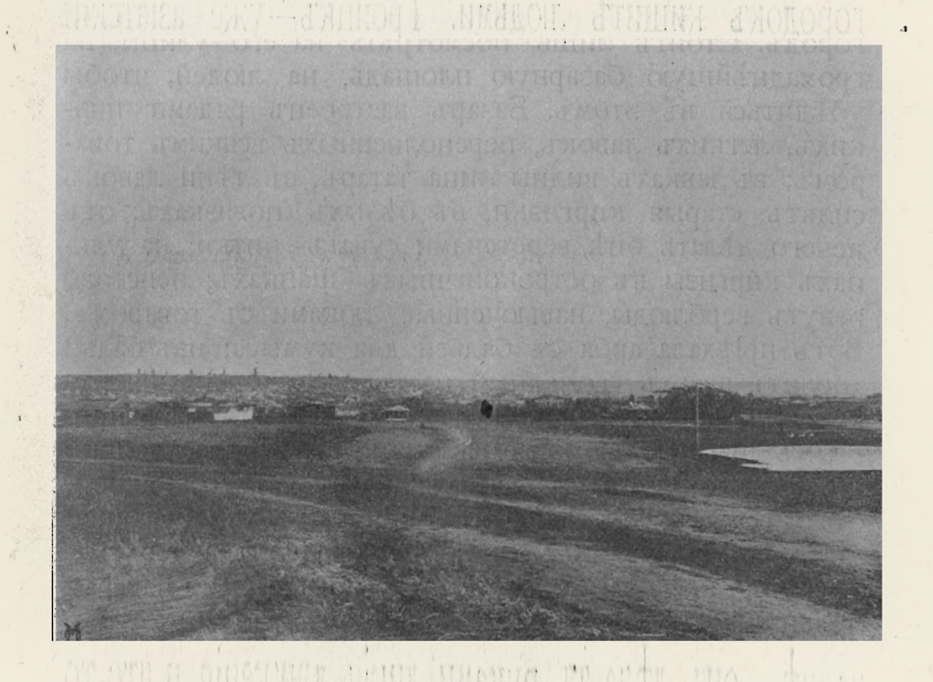

Древняя мельница.

Спустя недѣлю по выѣздѣ изъ Міяса мы подъѣхали къ степному городу Троицку, Оренбургской губерніи. Это конечный пунктъ юго-восточнаго Урала. Городъ лежитъ въ равнинѣ, при впаденіи Увельки въ Уй. Впереди города и за нимъ стоятъ цѣлые полки вѣтрянныхъ мальницъ, высоко подымающихъ къ небу свои исполинскія, рогатыя крылья. Есть здѣсь мельницы самой новѣйшей конструкціи, есть и очень старыя. Нѣкоторыя мельницы насчитываютъ себѣ болѣе ста лѣтъ, и все еще продолжаютъ работать. Въ сторонѣ отъ нарядной, восьми-крылой новѣйшей мельницы печально стоитъ мельница древне-русской постройки. Шестигранный высокій срубъ, шатровая крыша — явные признаки русскаго стиля. Мельница покосилась, но работаетъ. Невдалекѣ стоитъ другая мельница, съ четырехграннымъ срубомъ внизу; на высотѣ сажени этотъ срубъ съуживается, а на самомъ верху переходитъ въ восьмигранную верхушку вродѣ башни, увѣн-

ченную легкой, навѣсной крышей. Этой почтенной старушкѣ сто тридцать лѣтъ, но она все еще мелетъ.

Основанъ Троицкъ въ 1743 г. во время усиленной колонизаціи русскихъ,—какъ крѣпость для отраженія нападеній степныхъ кочевниковъ. Пугачевъ взялъ эту крѣпость, но преслѣдуемый русскими войсками,

г. Троицкъ.

оставилъ ее черезъ одинъ день. Впослѣдствіи, когда съ кочевниками установились хорошія отношенія, въ Троицѣ былъ устроенъ мѣновой дворъ для обмѣнной торговли товарами; дворъ этотъ существуетъ до сихъ поръ и дѣлаетъ обороты до 4 милліоновъ рублей въ годъ. Издали Троицкъ не имѣетъ никакого вида, такъ какъ лежитъ въ низменной равнинѣ. Надъ городомъ возвышается нѣсколько минаретовъ, на краю города

стоитъ женскій монастырь, а самъ городокъ въ лучахъ солнца бѣлѣется сплошной массой своихъ низкихъ домовъ. Жителей въ немъ около 25000, населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ русскихъ, татаръ и киргизовъ. Но въ базарные дни прибываетъ изъ степей и станицъ много торговаго люда, и тогда городокъ кишитъ людьми. Троицкъ—уже азіатскій городъ. Стоитъ лишь посмотрѣть на его улицы, на громаднѣйшую базарную площадь, на людей, чтобы убѣдиться въ этомъ. Базаръ застроенъ рядами низкихъ, легкихъ лавокъ, переполненныхъ всякимъ товаромъ; въ лавкахъ видны лица татаръ, въ тѣни лавокъ сидятъ старыя киргизки, въ бѣлыхъ повязкахъ; отъ нечего дѣлать онѣ веретенами сучатъ нитки; на улицахъ киргизы въ остроконечныхъ шапкахъ; неистово ревутъ верблюды, навьюченные тюками съ товаромъ. Вотъ пріѣхала арба съ бадьей для кумыса; изъ бадьи торчитъ вверхъ громадный пестъ для взбучиванія кумыса: подходи и пей. Вотъ, чрезъ толпу размашистымъ шагомъ пробирается къ мечети мулла, въ ярко красномъ съ узорами, легкомъ халатѣ, въ громадной, бѣлоснѣжной чалмѣ на головѣ, такъ усиливающей загорѣлое энергичное лицо; въ рукахъ мулла держитъ высокій, красный посохъ, оканчивающійся наверху большимъ круглымъ набалдашникомъ. Дальше у мечети сидитъ слѣпой сартъ-эпилептикъ, въ красной чалмѣ,—онъ дѣлаетъ руками дикія движенія, и что-то шепчетъ про себя все время. За базаромъ начинается конная площадь. Здѣсь громадный табунъ киргизскихъ лошадей. Чтобы покупатели могли видѣть и выбирать лошадей по вкусу, табунъ постоянно перегоняютъ съ мѣста на мѣсто. Кругомъ табуна носится наѣздникъ-джигитъ на лихомь скакунѣ; въ рукахъ у него длинная, саженей въ семь, легкая лука, взмахомъ которой онъ направляетъ весь табунъ. Лошадь покупателемъ выбрана; джигитъ на всемъ скаку накидываетъ ей на шею длинную веревку; весь табунъ шарахнулся въ

сторону, веревка влачится по землѣ; но киргизъ мчится за табуномъ, поворачиваетъ его въ сторону, на всемъ скаку поднимаетъ съ земли веревку, ловко поддѣвъ ее концомъ своей луки,—и веревка въ его рукахъ. Лошадь поймана. Въ сторонѣ стоятъ хозяева табуна и ведутъ торгъ. Киргизская лошадь особой, степной породы; она очень сильна, выносливая и отличается замѣчательно быстрымъ бѣгомъ. Оренбург-

Конный рынокъ. Табунъ.

скіе казаки долго не могли справиться съ лихими киргизскими наѣздниками: и часто, вступая въ неравный бой, или ввязавшись въ погоню за кочевниками, становились добычей ихъ именно благодаря тому, что у киргиза былъ лихой скакунъ, который и при наступленіи, и при отступленіи выручалъ его.

За конной площадью тянется верблюжья. Двугорбые верблюды, старые, молодые, красивые, граціозные верблюжата стоятъ здѣсь привязанные, выжидая но-

ваго хозяина-покупателя. Ревъ здѣсь стоитъ отчаянный. Отсюда начинается новая, громадная площадь, сплошь заваленная овощами. Здѣсь горами нарыты: картофель, капуста, кучи лука, арбузы, огурцы; здѣсь хозяева уже хохлы, усатые, плечистые, одѣтые въ широчайшіе штаны, вывезенные съ родины. А за рѣкой,

Продажа верблюдовъ въ Троицкѣ.

перейдя мостъ, начинается башкирская площадь. Толпа колыхается и горитъ ярко-красными, восточными красками. Башкиръ вездѣ одинаковъ, и пріѣхавъ сюда на базаръ, первымъ дѣломъ устраиваетъ себѣ хоть маленькую палатку—кошъ, иногда просто юлалейку надъ телѣгой. Подъ навѣсомъ палатки нагроможденъ всякій скарбъ; впереди ея стоитъ кипящій самоваръ, иногда разведенъ костерекъ, надъ которымъ виситъ котелокъ. Здѣсь живая Азія.

Въ двухъ верстахъ отъ города находится мѣновой дворъ. Снаружи—это громадная постройка безъ оконъ и дверей; открытыя ворота ведутъ внутрь, а внутри громадный дворъ. По сторонамъ обширныя помѣщенія для склада товаровъ, сараи и лавки. Здѣсь мѣновая торговля востока и запада. Востокъ присылаетъ

Овощной рынокъ.

сюда хлопокъ, мѣха, ткани, кожи, чай; западъ посылаетъ желѣзо, сталь и разныя фабричныя издѣлія. Торгуютъ обмѣномъ, товаръ на товаръ, но есть торговля и на деньги. Мѣновой дворъ дѣлаетъ ежегодно милліонные обороты.

Послѣ Уфы Троицкъ занимаетъ первое по торговлѣ мѣсто на Южномъ Уралѣ.

Недалеко за Троицкомъ кончается на востокѣ Оренбургскій край, начинаются Акмолинская и Семи-

палатинская области, степи которыхъ заселены кочующимъ народомъ киргизъ-кайсаками Малой Орды. Этотъ народъ когда-то игралъ большую роль въ жизни Южнаго Урала, дѣлая постояные набѣги сначала на башкиръ, потомъ на русскихъ; теперь онъ имѣетъ отношеніе къ Уралу лишь по своей торговлѣ. Громадныя вереницы верблюдовъ ихъ, нагруженныхъ средне-азіатскимъ товаромъ, тянутся на рынки Троицка и Орен-

Киргизъ—кайсаки.

бурга; подвозъ хлопка въ Россію, несмотря на проведенную отъ Оренбурга на Ташкентъ желѣзную дорогу, до сихъ поръ совершается караваннымъ путемъ. Киргизскую степную лощадь можно встрѣтить во всемъ восточномъ Пріуральи и на самомъ Уралѣ, куда ее завозятъ башкиры. Въ торговой и промышленной жизни Южнаго Урала киргизъ послѣ татарина занимаетъ самое видное мѣсто.

Киргизъ - кайсаки — народъ тюркскаго племени. Когда-то въ древности они составляли большое, могущественное, самостоятельное государство. Но съ теченіемъ времени они смѣшались съ сосѣдними мон-

гольскими племенами, и теперь типъ киргиза очень разнообразенъ: межъ нихъ можно встрѣтить и горбоносыхъ, и плосконосныхъ вродѣ калмыковъ, и чисто кавказскія лица. Сами себя киргизы считаютъ потомками Чингизхана, потому что были когда-то покорены его полчищами, изъ которыхъ и вышли. Потомъ они широко разсыпались по средне-азіатскимъ степямъ, отъ Урала до китайскихъ владѣній, отъ Алтая до персидскихъ границъ, все время дѣлали набѣги на этихъ сосѣдей, и вели безконечныя войны. Управлялись они своими ханами. При Екатеринѣ II киргизы приняли русское подданство, но хищническихъ набѣговъ на Русскія границы не прекращали. Столкновенія съ киргизами происходили безпрестанно и закончились лишь съ присоединеніемъ къ Россіи средне-азіатскихъ земель при Александрѣ II. Воинственный, свободолюбивый киргизъ-кайсакъ превратился въ мирнаго кочевника. Они разбились на три разныхъ орды, окружающихъ Южный Уралъ: Большую, Малую и Среднюю, одна же орда перекочевала къ Волгѣ и поселилась тамъ на прежнихъ калмыцкихъ земляхъ подъ названіемъ Внутренней или Букеевской орды, отъ имени своего хана Букея. Непосредственно къ Уралу примыкаетъ Малая Орда, но между ней и казачьими землями отмежевана цѣлая полоса степи, предоставленная киргизамъ для перекочевокъ.

Киргизовъ насчитывается всего болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ; это самый многочисленный изъ средне-азіатскихъ народовъ. Роста киргизы средняго и выше средняго, грудь широкая, ноги искривленныя, какъ у наѣздниковъ, голова большая, волосы жесткіе, черные. Они магометане, но особаго толка — *суниты*, не слишкомъ придерживающіеся обрядовъ религіи, не соблюдающіе постовъ, всѣхъ омовеній и пр. Главное занятіе киргиза-скотоводство. Онъ--исконный кочевникъ. Едва настанетъ весна, онъ забираетъ стада, которыя уцѣлѣли послѣ зимней голодовки и свирѣпыхъ

степныхъ барановъ, и отправляется на новыя мѣста, иногда за сотни верстъ. На новой кочевкѣ онъ разбиваетъ широкую кибитку-юрту изъ войлока, и раз-

Киргизы—наѣздники.

мѣщается въ ней со всѣми удобствами. Внутри кибитки на полу лежатъ толщи постелей, надъ ними горы подушекъ. Женщины занимаются хозяйствомъ, а мужчины бездѣльничаютъ, охотятся по степи, или

развлекаются скачками и борьбой. Они любятъ веселье, любятъ пѣсни и поютъ ихъ, иногда подыгрывая на двуструнной домрѣ. Пѣсни ихъ очень поэтичны,—киргизы самый поэтическій и литературный народъ Средней Азіи. Стада безъ призора гуляютъ въ степи; стадо киргиза состоитъ изъ двухъ-трехъ верблюдовъ, нѣсколькихъ лошадей, коровъ и множества овецъ-курдюковъ; но чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ скота у него больше. Кромѣ скотоводства нѣкоторые киргизы занимаются замледѣліемъ, въ особенности ближе къ Уралу, хотя земледѣльцы они плохіе. Землю они взрываютъ «деревяннымъ зубомъ», простой необтесанной рогатиной вродѣ плуга, пашутъ мелко, всего на вершокъ, бороны не употребляютъ. Иные занимаются торговлей и перевозкой товаровъ въ степи.

Наступитъ осень, киргизъ снимаетъ свои юрты, навьючиваетъ ихъ на верблюдовъ, и со стадами возвращается въ свой аулъ. Здѣсь онъ или строитъ себѣ такую же, но болѣе теплую, зимнюю палатку, или же живетъ въ низкой глиняной лачужкѣ.

День приближался къ концу, когда я подъѣхалъ къ аулу. Онъ раскинулся въ ровной, гладкой степи, которой, казалось, нѣтъ края. Передъ кибитками кое гдѣ горѣли костры, варилась пища. У одной изъ кибитокъ два киргиза возились надъ бараномъ: они свѣжевали его. Невдалекѣ раздается стукъ молотка: тамъ еще работаетъ какой-то мастеръ киргизскія сѣдла. Идутъ за водой киргизки; онѣ стараются закрыть лицо, чтобы ихъ незамѣтили. Изъ степи пріѣзжаютъ наѣздники; они ѣздили осматривать стада. Спускаются сумерки. Киргизы усаживаются передъ палатками и принимаются за ужинъ. У нихъ тотъ же самый башкирскій баламыкъ и бишбармакъ; болѣе богатые ѣдятъ баранину. Угостили и меня бараниной, жареной на кострѣ, и кислымъ молокомъ. Потомъ аулъ постепенно замираетъ. Но вотъ изъ густоты степи, тамъ гдѣ на небѣ еще видна сѣроватая полоска, начинаетъ вы-

рисовываться какая-то точка. Она приближается, становится все больше и больше, а за ней намѣчается другая такая же точка, третья, четвертая... Понемногу точки превращаются въ черныя пятна, и наконецъ принимаютъ формы громадныхъ верблюдовъ. Ихъ цѣлый караванъ. Медленно, степенно выходятъ они изъ темныхъ нѣдръ степи, и въ то время, какъ передній верблюдъ подходитъ къ аулу, послѣдняго еще не видно.

Караванъ верблюдовъ.

Ихъ нѣсколько сотъ. Пріѣхали на ночевку купцы съ товаромъ. Одни уже разбиваютъ палатку, разжигаютъ костеръ, другіе устанавливаютъ по порядку навьюченныхъ верблюдовъ. Ихъ ставятъ рядышкомъ и привязываютъ другъ къ другу. Животное сгибаетъ колѣни, становится ими на землю, затѣмъ уже опускаетъ заднія ноги. Верблюдовъ поставили въ два длинныхъ ряда. А гостей уже встрѣчаютъ гостепріимные хозяева. Если

есть баранъ, его тащатъ для угощенія. Слышны: говоръ, разсказы, веселыя шутки. И долго будетъ носиться по степи этотъ говоръ; послышится гдѣ нибудь красивая пѣсня, прозвучатъ струны кобуса, прозвенятъ его колокольчики и подвѣски, потомъ все затихнетъ. Степь и аулъ погрузились въ глубокій сонъ.

Киргизскій аулъ.

А на утро караванъ трогается въ дальнѣйшій путь, и несетъ къ границамъ Европы дары отдаленной Средней Азіи.

Отъ Троицка идетъ нѣсколько большихъ торговыхъ трактовъ: на Златоустъ, Челябинскъ, Оренбургъ, Петропавловскъ. По оренбургскому тракту я рѣшилъ ѣхать на Верхнеуральскъ, стоящій въ верховьяхъ р. Урала.

— Поѣдемъ обратно въ Міясъ; къ желѣзной дорогѣ ближе! уговаривалъ меня мой спутникъ. — Вѣдь осень на дворѣ. Скоро пойдутъ дожди, дороги испортятся.

Я настоялъ на своемъ. Мы распрощались.

Ѣхать вторично по уже пройденному пути—скучно.

И вотъ тарантасъ катится по большому тракту, а сверху изо дня въ день мороситъ мелкій, осенній дождикъ. По ночамъ ѣхать уже нельзя: холодно и грязно; приходится ночевать въ душныхъ ямскихъ избахъ, а не то и въ тѣхъ маленькихъ лачужкахъ изъ глины и хвороста, которыя встрѣтятся. Избушки эти въ осеннюю непогоду имѣютъ унылый, удручающій видъ. Это не дома, а какіе-то саркофаги, едва возвышающіеся надъ землей. На земляныхъ крышахъ качается высокая, засохшая трава. Рядомъ стоитъ хворостяной хлѣвъ, а надъ нимъ возвышается круглый куполъ изъ сѣна,— куполъ и выше, и больше своего подножія. Въ избушку ведетъ такая низкая дверь, что приходится согнуться въ три дуги; и неудивительно, потому что избушка устроена въ ямѣ. Подоконникъ лежитъ на поверхности земли; на аршинъ отъ него — земляной полъ, надъ окномъ сразу же потолокъ. Въ углу около печки—бадейка съ грязной водой; надъ ней виситъ рукомойникъ; въ переднемъ углу закопченая икона; отъ печки идутъ постели... Грязно и тѣсно. Неохота стѣснять хозяевъ ночлегомъ. Но чѣмъ ближе къ горамъ, къ лѣсистымъ мѣстамъ, тѣмъ шикарнѣе становятся избы. Встрѣчаются деревни, сплошь построенныя изъ лѣса, и вскорѣ мазанка исчезаетъ совсѣмъ.

Въ рѣдкіе проблески солнца уже начинаютъ вырисовываться вдали горныя цѣпи Урала. Мѣстность мѣняется: ровная степь переходитъ въ холмы. Спустя три дня пріѣхали въ Верхнеуральскъ, отстоящій отъ Троицка болѣе чѣмъ на сто верстъ.

Верхнеуральскъ стоитъ на лѣвомъ берегу Урала. Городокъ, насчитывающій десять тысячъ жителей, ни-

какого вида не имѣетъ; однообразныя, низкія долины тонутъ въ потокахъ осенняго дождя; на улицахъ непролазная грязь. Здѣсь верхнее теченіе Урала; онъ не широкъ, но отъ дождей вздулся и кое-гдѣ въ долинахъ разлился. Пробѣжавъ по степямъ болѣе 2000 верстъ, Уралъ расширяется, и впадаетъ въ Каспійское море широкой полосой; но на всемъ протяженіи онъ

Киргизская арба.

мелководенъ. Эта рѣка беретъ начало съ восточнаго склона Уралъ-Тау, и какъ всѣ рѣки этого склона, течетъ тихо и немноговоденъ. Отсюда недалеко до верховьевъ Бѣлой, текущей по западному склону; но можно ли сравнить бѣшеное теченіе Бѣлой съ этой тихой, безжизненной рѣкой, берега которой поросли тальникомъ.

По этой рѣкѣ я хотѣлъ, обогнувъ Южный Уралъ, проѣхать въ лодкѣ до Оренбурга, откуда уже по желѣзной дорогѣ ѣхать на родину. Но планамъ моимъ не суждено было осуществиться: ѣзда въ лодкѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней по тихой водѣ Урала была немыслима, а дождь не переставалъ, зарядивъ, очевидно, надолго, затѣмъ, на рѣкѣ есть загражденія. Волей-неволей пришлось выбрать сухопутную дорогу, длинную и утомительную. Это путешествіе по разверстымъ уральскимъ хлябямъ не представляло никакого интереса: все равно изъ-за дождя ничего не увидишь; и въ душѣ я пожалѣлъ, что не послушался моего спутника, и не возвратился въ Міясъ. И вотъ тарантасъ, огибая подножія хребта, почти шагомъ потащилъ меня въ дальній Оренбургъ.

Встрѣчные лѣса стояли обнаженные, облетѣвшіе и плакали подъ дождикомъ, лишившись своихъ одеждъ; горы были закутаны дождливой пеленой. Все пропало. А хотѣлось бы побывать на вершинахъ Уралъ-Тау, составляющаго водораздѣлъ для рѣкъ восточнаго и западнаго склоновъ; хорошо бы посмотрѣть Авелякъ и Уй-Ташъ, съ котораго беретъ начало Уралъ. Западнѣе расположилось множество извѣстныхъ заводовъ, накъ напр.: Бѣлорѣцкій, Авзянскій, Тирлянскій, Коченскій. Тамъ есть много рабочихъ, болѣе 4000 человѣкъ; есть селенія русскія, башкирскія, мещерскія, тептярскія... Дорога вьется межъ высокихъ холмовъ, то взбираясь на нихъ, то опускаясь въ долины, справа и слѣва холмы, которыми заканчивается Уральскій хребетъ, и которыя на югѣ незамѣтно переходятъ въ Прикаспійскую степь; на сѣверѣ изрѣдка видны мутныя очертанія горъ; по пути встрѣчаются отдѣльныя скалы. На облучкѣ сидитъ скорчившись башкиръ, полуобернувшись, подставивъ подъ вѣтеръ и дождь ухо, на которое напялилъ свою шляпу; колокольчикъ надоѣдливо звякаетъ... а дождь льетъ и льетъ. И душная, грязная башкирская изба послѣ такой ѣзды кажется раемъ.

Въ довершеніе несчастья одинъ возница умудрился наѣхать на камень и вывернуть тарантасъ. Я отдѣлался благополучно, но пострадалъ мой дорожный фотографическій аппаратъ: онъ оказался разбитымъ въ щепки.

Наконецъ, вотъ и Оренбургъ.

Сразу повѣяло культурой захолустнаго, губернскаго города. Скорѣе въ гостинницу.

Оренбургъ—конечный городъ на Южномъ Уралѣ. Стоитъ онъ на правомъ берегу Урала. Этотъ городъ переносили съ мѣста на мѣсто три раза. Сначала построили его какъ крѣпость значительно южнѣе, именно при впаденіи въ Уралъ р. Ори; но крѣпость была здѣсь ненужна, такъ какъ кочевники обходили ее, поэтому въ 1739 году перенесли ее значительно выше, ближе къ неспокойнымъ башкирамъ, именно на Красную Гору. И здѣсь Оренбургъ оказался не у мѣста: въ степи не было лѣса для постройки домовъ. И вотъ въ 1742 г. Оренбургъ перенесли на третье мѣсто, гдѣ онъ находится и теперь, при впаденіи Сакмары, а первое его мѣсто переименовали въ Орскъ. Нѣсколько разъ Оренбургъ дѣлали то губернскимъ, то уѣзднымъ, то областнымъ городомъ, и въ 1865 г. онъ окончательно утвержденъ губернскимъ городомъ. Крѣпость же потеряла всякое значеніе, упразднена. Она до сихъ поръ сохранилась какъ памятникъ нашей исторіи. Состоитъ она изъ вала, идущаго кольцомъ, длиною болѣе 4-хъ верстъ, и нѣсколькихъ бастіоновъ. Самъ Оренбургъ растянулся довольно просторно: здѣсь нѣтъ особенной тѣсноты. Въ центрѣ помѣстились всякія присутственныя мѣста, на окраинахъ же онъ сливается съ пригородами, за которыми начинается степь. Оренбургъ—степной городъ; растительность здѣсь рѣдка, и только одна роща осокорей на берегу Урала оживляетъ пейзажъ.

Въ настоящее время Оренбургъ имѣетъ значеніе лишь какъ торговый центръ. По нѣкоторымъ трак-

тамъ, ведущимъ изъ Средней Азіи, сюда везутъ всевозможные товары: скотъ, хлопокъ, матеріи и пр. На противоположномъ берегу Урала, верстахъ въ двухъ отъ города находится громадный мѣновой дворъ. Онъ имѣетъ видъ каменной крѣпостцы. Внутри расположены лавки и складочныя помѣщенія, окружающія площадь. Здѣсь продаютъ верблюдовъ, лошадей и ро-

Караванъ съ товарами по пути въ Оренбургъ.

гатый скотъ. Торговое значеніе мѣнового двора для окружающихъ степей огромно. Между прочимъ, черезъ Оренбургъ во внутрь Россіи много проходитъ рогатаго скота и коровьяго масла, извѣстнаго подъ названіемъ сибирскаго.

Жизнь въ Оренбургѣ скучна и однообразна. Это захолустье. Отдаленный Троицкъ несравненно живѣе и интереснѣе. Нѣтъ здѣсь даже порядочной газеты,

хотя населеніе состоитъ изъ 70000 жителей. Подъ потоками осенняго дождя, въ которыхъ городъ буквально утопалъ, немыслимо было дѣлать какія-нибудь наблюденія, и я поспѣшилъ сѣсть въ поѣздъ и распроститься съ Ураломъ.

Прощай, Уралъ! Красивый, богатый край, заселенный интересными, неизжившими людьми. Въ окно вагона, облитое слезами дождя, ничего не видно, кромѣ водяныхъ потоковъ и мглы, закрывшей пространство. Но въ воображеніи мелькаютъ дикія скалы величественнаго Таганая, и неприступный Яманъ-тау, и широкая Уреньга. Вспоминаются подземныя пещеры, полныя мрака и тайны, и широкія степи Башкиріи, и красавица Исыкъ-куль, и быстрая, нервная Юрезань, и длинные караванные пути. Вольный сынъ степей башкиръ, затаившій въ далекихъ глубинахъ души свои стремленія къ свободѣ, чередуется съ заводскимъ рабочимъ, стонущимъ подъ ярмомъ машины и капитала, медленно сгорающимъ у адскаго огня; неповоротливые казаки, погруженные въ глубокій вѣковой сонъ, и юркіе кочевники, оживляющіе мертвую степь яркими красочными нарядами, такими же живыми, какъ и они сами,—все смѣшалось въ одно цѣлое, полное глубокаго интереса. И страшно хочется, чтобы жизнь всѣхъ этихъ людей была въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ той величественной, чистой, красивой природой, среди которой они живутъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МОСКВА.

Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

1909.